

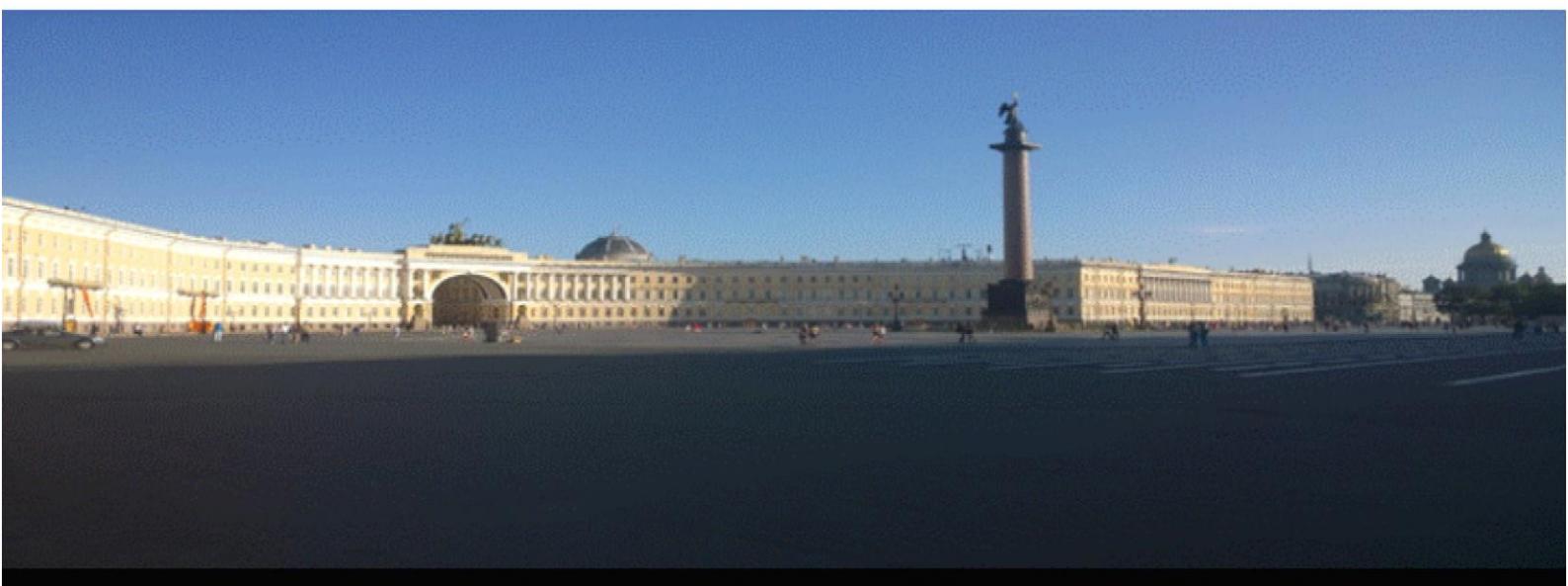
ВЕСТНИК государственного университета «Дубна»

#1 2016

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Тема номера:
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ СЦЕНАРИЯХ ХХI ВЕКА

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**;

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**;

Воинова А.А., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук ФСГН – **ответственный секретарь**;

Члены Редколлегии:

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук;

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук;

Шатуновский И.Б., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, научный руководитель кафедры лингвистики;

Мещеряков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии;

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии;

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин.

Тема номера «Россия в глобальных сценариях XXI века»

Содержание

<i>Колонка главного редактора</i>	4
Багдасарьян Н.Г. <i>От науки до науки – один лишь шаг</i>	4
<i>Тема номера: «Россия в глобальных сценариях XXI века»</i>	6
Назаретян А.П. <i>Национальная идея в «век бифуркаций»</i>	6
Федотова В.Г. <i>Типы глобальных сценариев и вектор России</i>	16
Магарил С.А. <i>Россия: соотношение внешних и внутренних угроз государству</i>	23
Михайлова Н.В. <i>Предпосылки трансформации российской государственности и права в конце XIX – начале XXI века</i>	27
Бунина С.Г. <i>Потребительское право России: зарождение основ и эволюция элементов</i>	39
<i>Памяти мастера</i>	43
Мещеряков Б.Г. <i>Открывая работы В.П. Зинченко, преодолевая избыточность степеней свободы понимания</i>	43
<i>Язык и словесное творчество</i>	55
Хозиев В.Б., Хозиева М.В. <i>Пролегомены к психологическому исследованию словесного творчества</i>	55
Шатуновский И.Б. <i>перлокутивные действия и их виды: Как действовать словами, действуя словами</i>	64
Ангелова С.Г. <i>Мудрость как культурная ценность</i>	74
<i>Научный дебют</i>	77
Бушева О.Д. <i>«Сложное подлежащее» в британской прессе, или как быть объективным и субъективным одновременно</i>	77
Краснов А.Б. <i>Особенности генезиса основных понятий, форм и институтов в области взаимодействия субъектов публичного и частного права</i>	83
<i>Разговор о сущем</i>	91
О Вселенной, социальной ризоме и принципе справедливости.. <i>Беседа с профессором В. Розиным о философском самоопределении</i>	91
<i>Страницы истории</i>	102
Георгиева Т.Й. <i>Слово о певромученике Стефане в торжественнике XII века (F.N.I. 46РНБ, Санкт-Петербург)</i>	102
<i>Книжная полка: Рецензии и библиографические обзоры</i>	105
Ивлев Ю.В. <i>Наука и техника sub specie philosophiae: новый учебник – новый подход</i>	105

Колонка главного редактора

От науки до науки – один лишь шаг

Вступительная статья академика РАН, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна».

Дорогие друзья!

Перед вами — первый номер журнала «Вестник университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе».

Зачем нам еще один журнал с социально-гуманитарной проблематикой? - спросит читатель. И, в общем-то, мы его понимаем. Более того, сами порой торопеем от обилия предложений с публикациями, которыми забрасывают нас многочисленные издатели.

К сожалению, ситуация, сложившаяся в современном научном пространстве, чрезвычайно сложна и неоднозначна. Трансформация академической науки «сверху» и непрерывное реформирование системы образования, бесконечные подсчеты рейтингов и требования публикационной активности — все это ведет к подмене сущности организационно-административной деятельностью, а, в конечном итоге — к падению престижа науки и образования.

Что же касается журнального поля, то здесь, наряду с научными журналами, завоевавшими и длительное время удерживающими авторитет среди исследователей, появилось множество коммерческих журналов, значительная часть которых непостижимым образом вошла даже в список ВАК. Непостижимым. Потому что, если заглянуть на страницы некоторых из них, то обнаружатся не только весьма убогие перепевы текстов (даже не первого уровня), проведенных, тем не менее, через антиплагиат, но и стилистические и грамматические ошибки. Существование этих журналов может быть оправдано сегодня только глобальным мега-бизнес-проектом «PublishorPerish» («Публикуй или гибни»): карьера ученого поставлена в зависимость от числа его публикаций. И мы всячески поддерживаем усилия ВАК по упорядочению столь разросшегося списка журналов и прочих «вестников».

Между тем, во-первых, в научном сообществе — и в нашей стране, и за рубежом — зреет недовольство публикационной гонкой и монополизацией этой сферы. Недовольство выражается не только в публичных высказываниях на этот счет, но и в «голосовании действиями»: статистика свидетельствует о спаде роста публикаций в целом ряде стран. Как и о том, что многие весьма авторитетные ученые предпочитают размещать свои статьи в журналах открытого доступа (не обязательно элитных, попавших в базу Scopus или Thomson). И мы готовы предоставлять свои страницы им.

Во-вторых, несмотря на то, что в отечественной науке в 90-е годы возникла проблема преемственности, не снятая до сих пор, в среде молодежи появляется немало интеллектуалов с творческим исследовательским потенциалом. Мы готовы помочь им в научном становлении, став площадкой для интеллектуального стартапа.

И, в-третьих, в Университете «Дубна» сформировалась научная социально-гуманитарная среда, формально объединенная рамками кафедр факультета социальных и гуманитарных наук, а реально — открытая вовне, в российское и международное научное сообщество.

Множество проходящих в Университете семинаров, конференций, круглых столов, где обсуждаются самые острые, требующие публичного дискурса вопросы — составляет потенциальную базу журнала.

Обращаясь к нашим будущим авторам, учитывая априорно разнообразную тематическую и дисциплинарную направленность наших материалов, мы просим присыпать статьи, отвечающие следующим требованиям:

- а) выраженная актуальность: должен быть понятен научный и/или социальный повод, побудивший автора обратиться к той или иной теме;
- б) острые, проблемные постановка вопросов, участие в дискуссиях, полемические отклики на публикации других авторов;
- в) соблюдение этических норм: корректность цитирования, стиль полемики и пр.
- г) избегание скучной описательности, аргументированность и доказательность;
- д) композиционная выстроенность, четкая структура;
- е) выраженная новизна, обнаруживаемая даже не специалистами;
- ж) литературный (при соблюдении научной глубины и достоверности) язык, свободный от штампов, доступный не только специалистам, но и широкой публике (коллегам из иных областей знания, студентам, аспирантам).

Помимо собственно научных статей (включая студенческие и аспирантские), мы хотели бы видеть на страницах журнала рецензии и обзоры новых книг и журнальных статей – отечественных и зарубежных, конференций и иных научных мероприятий, учебно-методические публикации, биографические очерки, приуроченные к юбилеям крупных ученых, архивные материалы и интервью. Ряд публикаций в каждом номере будет выстроен вокруг определенной темы.

Мы предполагаем, что журнал будет носить широкий (а не специализированный) характер, поэтому просим избегать слишком узких тем, которые могут представлять интерес только для специалистов. Но, при этом, разумеется, мы не будем публиковать все подряд, как это делают журналы, берущие плату.

Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются соответствующими специалистами – членами редколлегии.

Срок публикации – от полугода после поступления материалов. Срок принятия решения о приеме или отклонении статьи – 2 месяца со дня поступления.

Все публикации в журнале (в том числе студентов, аспирантов и докторантов) – бесплатны.

Мы ждем обратной связи – присыпайте свои отклики, просьбы и предложения.

Н.Г. Багдасарян

Bagdasaryan N. Foreword from the Editor-in-Chief. It is just one small step from one science to another.

Тема номера: «Россия в глобальных сценариях XXI века»

УДК 001.18+37.01

А.П. Назаретян

Национальная идея в «век бифуркаций»

Аннотация:

Как показано независимыми расчётами, около середины XXI века в развитии мировой цивилизации может наступить фазовый переход такой крутизны, что её дальнейшее существование оказывается под вопросом. В статье исследуются напряжения глобальной геополитической системы на современном этапе истории и некоторые условия её устойчивости. Автор приводит аргументы в пользу того, что Россия в текущем веке способна сыграть такую же сохраняющую роль, какую сыграл СССР в XX веке, а также предлагает необходимые для этого корректировки в концептуально-политическом и информационном обеспечении.

Ключевые слова: Мегаистория, XXI век, полифуркация, аттракторы, геополитика, система, устойчивость, Россия, национальная идея, патриотизм, космополитизм, мессианство.

Об авторе: Назаретян Акоп Погосович, доктор философских наук, кандидат психологических наук, институт востоковедения РАН, Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Москва, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: anazaret@yandex.ru

В последние годы российские политики и политологи всё чаще говорят о необходимости национальной, даже государственной идеологии, хотя существование последней недвусмысленно запрещено Конституцией РФ. Запрет имеет различные резоны, в том числе и этимологический.

Термин *идеология* введён в современные европейские языки группой французских материалистов XVIII века, безуспешно пытавшихся сформировать чисто физиологическую «науку о мышлении». Проведя параллель между мозгом и желудком и представив мышление как «производство мозгового экскремента», незадачливые «идеологи» сами произвели образец бредового научообразия, а пришедший к власти Наполеон Бонапарт придал этому слову сугубо уничтожительный оттенок. С тех пор «идеология» означает произвольные теории, предназначенные для обоснования интересов какой-либо социальной группы в ущерб интересам других групп. Как «ложное сознание» определили идеологию и основоположники марксизма.

В России Г.В. Плеханов придумал, а В.И. Ленин подхватил словосочетания «научная (истинная) идеология», не заметив, что используют оксюморон (тексты К. Маркса и Ф. Энгельса, где трактуется понятие «идеология», тогда ещё не были опубликованы). Пытаясь теперь реанимировать недоразумение советской эпохи, мы рискуем обратить жизненно важную задачу формулировки обоснованных национальных стратегий в очередной фарс.

Добавим, что Россия – не первая из мировых держав, столкнувшаяся с проблемой дефицита стратегических идей. Американские публикации 1950-60-х годов пестрят указаниями на то, что США проигрывают конкуренцию на международной арене из-за отсутствия привлекательных альтернатив коммунистической идеологии. Дуайт Эйзенхауэр и его преемники учреждали «Комиссии по выработке национальной цели», а советские газеты иронизировали над «неуклюжими потугами» загнивающих буржуазных идеологов.

Между тем Комиссии, объединившие интеллектуалов различных специальностей, сконструировали набор ярких, доступных для обывателя ценностей, а также технологии их пропагандистского использования в странах «первого», «второго» и «третьего» мира. Со своей стороны, «научная идеология» к тому времени успела закоснеть в постулированной монополии «объективной истины», утерять прежнюю «наступательность» и лишь запоздало откликалась на рекламные афиши «американского образа жизни», «наведения мостов» и т.д.

Сегодня Россия испытывает острую нужду в объединяющих идеях, способных вместе с тем обеспечить её политике широкое сочувствие во внешнем мире. Поиск таких идей в заветных преданиях ветхой старины и средневековых религиях оказывается заведомо контрпродуктивным, усиливает изоляцию и отставание. Реалистичные политические и экономические стратегии должны строиться в контексте прогнозов и сценариев развития мировой цивилизации, тем более что, согласно новейшим научным данным, обозримое будущее выглядит весьма нетривиально. Тезисно рассмотрим эти данные, которые подробно изложены, аргументированы и снабжены обильным ссылочным аппаратом в книгах [Назаретян 2008, 2014].

Аттракторы XXI века

Исключительность начавшегося столетия демонстрируют глобальные прогнозы, построенные на военно-политических, биологических (экспоненциальное накопление генетического груза) и некоторых иных основаниях. Имеется реальная вероятность того, что на протяжении XXI века история вида *Homosapiens* тем или иным образом завершится, а потому, как писал недавно американский физик-теоретик Митио Каку [2013, с.503], «поколение живущих сегодня людей можно смело считать самым значительным из всех, что когда-либо жили на нашей планете».

Одно из самых удивительных открытий в науке начала XXI века получено серией независимых расчётов, проведённых учёными разных специальностей в Австралии, России и США. Показано, что на протяжении 4.5 млрд. лет эволюция биосфера и общества ускорялась в соответствии с простой логарифмической формулой. Ни космические и геологические катаклизмы, ни появление на Земле людей с их свободой воли и вечными безрассудствами не изменили эту преемственную тенденцию: временные периоды между глобальными катастрофами (с последующими качественными усложнениями био- и антропосферы) сокращались в убывающей геометрической прогрессии. Показано также, что на каждом фазовом переходе планетарная эволюция могла завершиться крахом или «зависанием» с последующей фазой вырождения и, согласно общесистемному закону осуществления всех возможных событий, во Вселенной должны быть планеты, где развитие жизни или общества оборвалось на каждой из переломных фаз. На Земле во всех случаях реализовались «прогрессивные» сценарии – и только поэтому мы живём в «постиндустриальной» цивилизации.

Ещё более удивительный результат получен при экстраполяции выведенной гиперболической функции в будущее: около средины текущего столетия она исчерпывается, т.е. кривая обращается в вертикаль, скорость эволюционных изменений устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю (рис.1). В математике это называют сингулярностью, за которой должна наступить фаза полифуркации – смена миллиардолетних тенденций.

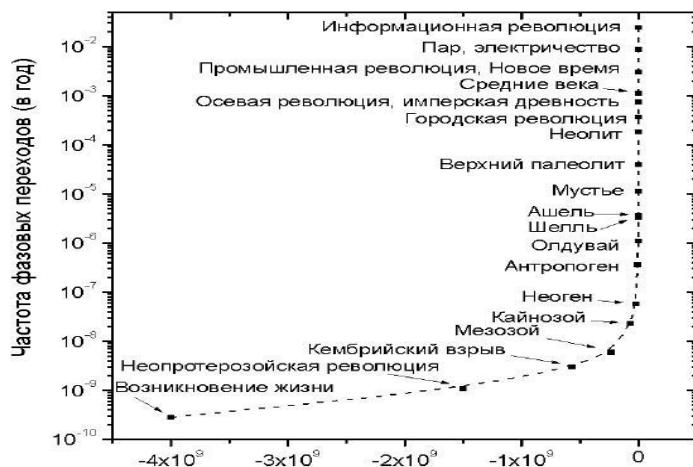

Рис.1. Масштабная инвариантность распределения биосферных фазовых переходов во времени (по [Панов 2008]).

Учёные и философы обсуждают, какая же предметная реальность скрывается за этим математическим выводом [Singularity... 2012; Nazaretyan 2014]. По всей видимости, на горизонте грандиозный перелом в эволюции общества и природы, сопоставимый с появлением жизни. Согласно оценкам, полученным с использованием синергетических моделей и современных методов глобального прогнозирования, за этим могут последовать а) обвал планетарной антропосферы (простой аттрактор); б) временная стабилизация на пике возможной сложности (горизонтальный странный аттрактор); в) прорыв в новую – космическую фазу эволюции (вертикальный странный аттрактор).

Принципиальная возможность третьего (прорывного) сценария теоретически показана в новейшей астрофизике и подтверждена психологией творчества. В естественнонаучных публикациях последних полутора десятилетий получил подробное обоснование вывод о том, что сознание представляет собой «космологически фундаментальный факт» и масштабы распространения разумной деятельности за пределы Земли («ноосферизация космоса») не ограничены известными физическими законами. Со своей стороны, гештальтпсихологи показали, что эвристические возможности творческих решений сдерживаются исключительно рамками принятой модели: всегда возможна метамодель, в которой прежние неуправляемые константы превращаются в управляемые переменные.

Таким образом, перспектива Метагалактики определяется перспективой развития разума. Более того, имеются основания полагать, что эра спонтанного роста сложности Вселенной близится к завершению и, если дальнейшая эволюция в принципе возможна, то она может быть только сознательно управляемой. Наконец – что планеты, достигшие столь высокого уровня развития, становятся невольными участниками *универсального естественного отбора цивилизаций*: немногие (возможно, единственная), сумевшие выдержать неограниченный рост инструментального потенциала, выйдут на космическую стадию, а прочие останутся расходным материалом универсальной эволюции – на них реализуются все неблагоприятные аттракторы и сценарии.

Справиться с неограниченно растущим технологическим могуществом может та цивилизация, которая сформирует соразмерные по эффективности механизмы самоконтроля: как показывают историко-социологические исследования, именно рассогласование технологических возможностей с качеством культурно-психологических регуляторов всегда провоцировало антропогенные кризисы, катастрофы, а во многих случаях – саморазрушение социальных организмов (см. далее). При этом один из векторов социально-исторической эволюции составляет последовательное смещение ядра причинно-следственных зависимостей в сферу субъективной реальности, и, в частности, по мере развития общества удельный вес антропогенных катастроф по

сравнению с катастрофами внешнего происхождения неуклонно возрастал. Соответственно, системные свойства антропоценозов во всём большей мере определялись *ментальными матрицами* управляющей подсистемы – характером массового сознания. И теперь сценарии развития Земной цивилизации за порогом прогнозирования упираются в вопрос о том, успеет ли сознание вырабатывать средства саморегуляции, адекватные технологиям, развивающимся в режиме небывалого ускорения.

Стержневой глобальной проблемой XXI века становится смысловой вакуум. В стремлении заполнить его люди обращаются к религиозным и квазирелигиозным идеологиям (конфессиональный, национальный и прочий фундаментализм), которые построены в ментальной матрице «они-мы», разделяя мир на своих и чужих, так что образ врага искони служил фактором групповой консолидации [Поршнев 2010]. При этих обстоятельствах условием сохранения планетарной цивилизации в XXI веке становится способность разума вырваться из оков макрородовой идентичности и освоить стратегические смыслы в дискурсе планетарного мышления, свободного от разоблачающих идеологий.

С учётом обозримой перспективы «национальные идеи» становятся эффективными в той мере, в какой они строятся *на космополитическом основании*. А именно: что способна сделать та или иная страна для обеспечения жизнеспособности планетарной цивилизации. Далее будет показано, что такой поворот радикально повысил бы последовательность и международную привлекательность российской политики.

Текущий этап мировой истории: системно-синергетический ракурс

Чтобы лучше понять глобальные напряжения в политическом раскладе, напомним ещё одно положение теории систем, а для этого воспользуемся хрестоматийными примерами из экологии.

В 1950-х годах, когда системно-экологические представления не были достаточно разработаны, в СССР прошла массовая кампания по отстрелу волков. В результате опустевшая ниша стала заполняться одичавшими псами, которые оказались гораздо опаснее. И справиться с ними было труднее: псы, в отличие от волков, не боялись огня, верёвки и прочих человеческих хитростей и, главное, активно ненавидели людей. Избавляться от собачьих стай удавалось, только вернув в нишу её «законных» хозяев – волков.

В Китае организовали массовое истребление воробьёв, надеясь тем самым уберечь посевы. Но с исчезновением воробьёв чрезвычайно размножились насекомые вредители – и это привело к гибели агроценозов.

Поучительные аналогии такого рода помогают выявить пустующие ниши в глобальной политической системе, вытекающие из этого угрозы и опасности. Подчеркнём, что два последних понятия, часто используемые как синонимы, в психологии отчётливо различаются. *Угроза* – всякий фактор, способный нанести ущерб интересам (потребностям) субъекта. *Опасность* – величина, определяемая отношением угрозы к готовности субъекта ей противостоять. С изменением психологических установок растущая угроза может сопровождаться снижением опасности и наоборот¹.

Анализ системной зависимости между технологической мощью, качеством культурно-психологической регуляции и внутренней устойчивостью общества раскрывает динамику угроз и опасностей в исторической развёртке, обобщённо представленную моделью *техно-гуманитарного баланса*. Новые технологии обычно несут с собой угрозу и со временем обворачиваются катастрофическими эффектами, которым предшествует ощущение всемогущества и безнаказанности – *предкризисный синдром*. Социумы, не сумевшие своевременно сбалансировать инструментальное могущество равнозначными гуманитарными регуляторами, подрывали природные и/или геополитические основы своего существования, а дальнейшее историческое

¹ Так, на фронте опытный боец подвергается меньшей опасности, чем необстрелянный юноша. В обыденной жизни человек на улице, на производстве, в общественных местах и т.д. подвержен значительно большим угрозам, чем у себя дома, но больше всего несчастных случаев, травм и убийств происходят именно в квартирах. Выходя за дверь, мы помним об окружающих угрозах, сопредоточены и готовы их избегать, а придя домой, бессознательно принимаем снизившиеся угрозы за нулевые, расслабляемся – и часто расплачиваемся за ошибку. В целом уровень опасности зависит от того, насколько адекватно субъект оценивает угрозу, какими средствами и навыками противодействия обладает. Опасность может драматически возрастать из-за незнания об угрозе, пренебрежения к ней или от переоценки угрозы («установка жертвы») и т.д.

развитие обеспечивали конкуренты, успешно прошедшие фазу культурно-психологической «притирки». Вследствие этого драматического отбора, с ростом убойной мощи оружия и демографической плотности *коэффициент кровопролитности* общества (отношение среднего числа убийств в единицу времени к численности населения) на протяжении тысячелетий нелинейно, но последовательно сокращался. Этот парадоксальный факт, выявленный расчётами нашей группы, подтверждается данными, которые получены немецкими, английскими и американскими исследователями [Pinker 2011].

После того как притирка состоялась – но только после этого! – даже самое разрушительное оружие превращается в жизнеберегающий фактор. Сравнительно недавно так произошло с ядерным оружием, которое полвека назад грозило обвалить мировую цивилизацию, но предотвратило «горячую» фазу войны между сверхдержавами (хотя на локальных фронтах «Холодной» войны погибло в общей сумме до 25 млн. человек); в последующем с появлением у Индии и Пакистана атомных бомб регулярные вооружённые столкновения между ними прекратились. В прежние эпохи ограничителями физического насилия становились, в порядке убывания, огнестрельное, стальное, бронзовое, дистанционное оружие, хотя появление каждого из них первоначально вызывало всплески кровопролития и отсекало социумы, не справившиеся с образовавшимися дисбалансами.

Возвращаясь к Новейшей истории, отметим, что мировая политическая система достигла максимальной устойчивости к концу 1970-х годов. Угроза атомной войны сохранялась, но опасность перерастания «Холодной» войны в горячую фазу существенно снизилась по сравнению с предшествовавшим десятилетием: категорическая недопустимость атомного конфликта успела опуститься с уровня критического понимания на уровень массового подсознания. Запрет на ядерные испытания в атмосфере, аквасфере и космосе добросовестно соблюдался сверхдержавами; даже Франция и Китай, не подписавшие Московский договор 1963 года, сворачивали взрывы под давлением общественного мнения. В первой половине 70-х годов американская дипломатия ещё пыталаась «продавить» согласие на возможное использование тактического атомного оружия, но натолкнулась на жёсткое противодействие советского правительства (за что министр иностранных дел А.А. Громыко получил у западных партнёров прозвище «Мистер НЕТ») – и тактические боеголовки были окончательно приравнены к стратегическим.

Теперь спецслужбы и родственные им учреждения противостоящих блоков, устроившись на хлебных должностях, рутинно занимались взаимными провокациями и взаимоудары для этого «непримиримых бойцов» (среди которых были и по-настоящему убеждённые самоотверженные герои) в стане противника, а пропагандисты темпераментно обличали вражеские происки. Но среди граждан сверхдержав всё меньше оставалось тех, кто серьёзно верил в мировую коммунистическую революцию или во всеобщее торжество либеральной демократии. При этом, правда, гибкая рыночная экономика легче адаптировалась к снижению идеологического пафоса, тогда как «командная» экономика, лишённая внутренних рычагов и построенная на мотивациях энтузиазма и страха, неизбежно слабела с размытием образа врага и всё более зависела от сырьевого экспорта. К тому же обнаружилось, что мобилизационная экономика хороша для количественного наращивания производства, но, в силу ряда психологических механизмов, препятствует качественному развитию и тормозит научно-техническую революцию.

Об экономической обречённости чиновниччьего социализма тогда догадывались лишь наиболее проницательные аналитики, а в целом сложившиеся политические отношения выглядели застывшими на долгую перспективу. Но, как следует из синергетической модели, высокоорганизованная система, в норме стремящаяся к устойчивости, по достижении очень высокого её уровня начинает произвольно отклоняться от стабильного состояния («провокация неустойчивостей»). Американские лидеры, давно мечтавшие устроить Советскому Союзу «свой Вьетнам», добились-таки вожделенной цели: операция по заманиванию советской армии в Афганский конфликт – едва ли не самый блестящий успех ЦРУ за всю его историю – раскрытия новый виток «Холодной войны».

Почему поддалось на уловки противника геронтократическое (состоящее из сильно постаревших деятелей) правительство СССР и чем при этом руководствовалось – отдельный

вопрос, которого здесь касаться не станем. Конечно, ни на Западе, ни на Востоке никто не думал, что так начнётся завершающий акт в драме советской истории, а в США и не было влиятельных сил, по-настоящему заинтересованных в развале СССР².

В процессе «перестройки» оживились надежды на образование многополярного мира, свободного от политических конфронтаций и глобальных угроз, причём такие ожидания возникли по обе стороны «железного занавеса». Неслучайно знаменитая статья Френсиса Фукуямы [1990], постулировавшая скорое завершение всяких политических противоречий («конец истории»), стала бестселлером. Симптоматична её завершающая фраза: «Может быть, именно перспектива многовековой скуки в конце истории вынудит историю начаться вновь» (с.118).

Но очень скоро стало не до скуки. Пентагон, НАТО, ЦРУ и связанные с ними структуры, утеряв ясного противника, лишились и значительных объёмов финансирования. Поиск новых врагов обозначился очередным бестселлером – статьёй Самюэля Хантингтона [1994] с диаметрально противоположным содержанием: в близком будущем мир ожидает обострение конфликта между региональными «цивилизациями». При этом победа в «Холодной войне» породила у западных лидеров эйфорию и то специфическое миоощущение, которое голландский политолог Петер Слоттердейк, исследовавший предпосылки Первой мировой войны, назвал массовым комплексом катастрофофилии – иррациональное стремление к «маленьким победоносным войнам» [Sloterdijk 1983].

Эйфория безнаказанности обуяла не только власти, но и широкие слои западных граждан, что демонстрируют даже точечные сопоставления. В январе 1991 года, когда противостояние сверхдержав формально ещё не завершилось, решение НАТО, поддержанное Советом безопасности ООН, силой освободить оккупированный иракской армией Кувейт вызвало массовые демонстрации протesta. А в 1999 году неспровоцированное нападение на европейскую страну (Югославию) было воспринято с энтузиазмом. Граждане стран НАТО получали из СМИ односторонние, часто фальсифицированные сведения и не искали альтернативных источников информации. Сравнительный анализ текстов показал, что пропагандистский образ президента Слободана Милошевича превосходил демоническими чертами образ Адольфа Гитлера времён мировой войны – и это не рождало у зрителей протesta. Всё свидетельствовало о том, что за восемь лет настроения переменились, что маленькие победоносные войны становятся самоценными и массы, влекомые жаждой впечатлений, «обманываться рады».

Психологам хорошо известно, что близость значимой цели напрягает мотивацию (закон Йеркса – Додсона) и уплощает картину мира [Петренко 1982]: сложные ситуации видятся простыми и однозначными, толкая субъекта на примитивные действия, а недостижение цели рождает фрустрацию и всплески иррациональной агрессии. Такие зависимости прослеживаются в индивидуальном (особенно криминальном) поведении, в действиях масс и политических лидеров. Наглядно иллюстрируют их и ход последующих мировых событий.

Ницшеанская «воля к власти», раскрепощённая недостаточностью конкуренции, заметно снизила интеллектуальный уровень внешнеполитических решений. На смену своего рода гроссмейстерам, проводившим в 1970-80-х годах блестящие комбинации ради сохранения даже самых одиозных режимов (дабы избежать коммунистического проникновения) и сложившегося международного порядка, в 1990-х годах пришли игроки пятого разряда, не умеющие просчитывать последствия на пару ходов. Импульсивные действия, за которыми глубокомысленные экономические и политические обозреватели склонны усматривать далеко идущие планы, в действительности раз за разом оборачиваются проигрышем для их инициаторов и расшатывают устойчивость мировой политической системы.

В 2003 году мне доводилось писать об этом в американской печати [Nazaretyan 2003], анализируя события в Югославии и Ираке, и с тех пор примеры трагически множатся. В самые последние годы провокации в Египте, Северной Африке, Сирии, Украине не только сопровождались множественными человеческими жертвами, но и приводили к безусловно нежелательным эффектам.

² Характерен армейский анекдот тех времён, отражающий ежегодные сражения в Конгрессе между силовыми структурами за финансовые ресурсы. Курсант военной академии отвечает на вопрос экзаменатора: «Кто главный враг американской армии?» – «Советская армия, сэр» – «Неверно! Советская армия – это противник, а главный враг – военно-морской флот США».

Покровители албанских боевиков не думали, что превратят Косово в арену торговли человеческими органами. Свержение несимпатичного режима Саддама Хусейна превратило Ирак из светского государства в гнездо религиозных фанатиков и к тому же устранило региональный противовес столь же нелюбимому американцами Ирану. В январе 2011 года каждый московский аспирант-востоковед понимал, что падение Хосни Мубарака приведёт к власти в Египте братьев-мусульман, однако американские журналисты, поощрявшие агрессивную толпу на Тахрире, бурно приветствовали «победу демократии». Разжигая беспорядки на Майдане в конце 2013 года, американские политики и их европейские последователи едва ли стремились разжечь войну в центре Европы или спровоцировать расчленение Украины (с перспективой цепной реакции неуправляемого геополитического передела) – они, как прежде, бесцеремонно вмешались в события, не изучив страну и сложившуюся ситуацию...

Повторим, что подобная симптоматика (предкризисный синдром), спровоцированная рассогласованием между технологической мощью и качеством регуляторов, обычно предшествовала кризисам и катастрофам. В частности, специалист по истории позднего Рима Сюзан Маттерн провела прозрачную параллель между действиями новых американских политиков и действиями римских политиков в преддверье краха Империи [Mattern 1999].

Вместе с тем, поскольку до бесполюсной самоорганизации человечество пока не дорошло и планетарная цивилизация остаётся по своей ментальной матрице биполярной, в опустевшую нишу хлынули террористические группы, пестовавшиеся оппозиционными военными блоками и затем одичавшие подобно бездомным псам. Это особенно опасно в эпоху, которую известный американский программист остроумно назвал «веком знаний массового поражения» [Joy 2000]. Новейшее оружие становится всё более дешёвым и доступным, выскальзывая из-под контроля государств и вменяемых правительств. Размытающиеся грани между боевыми, производственными и обиходными технологиями, а также между состояниями войны и мира, делают Землю как никогда хрупкой, зависимой от прихоти пассионарных вождей и технологически «продвинутых», но не обременённых грузом социальной ответственности провокаторов. При небывалой доступности новейших средств разрушения неуправляемый конфликт между ретроградными фундаменталистами различного толка и фетишистами западных форм демократии грозит крахом планетарной цивилизации. В итоге дальнейшие исторические события будут развиваться в сторону «простого аттрактора», т.е. к разрушению антропосферы.

Так системным условием её жизнеспособности становится заполнение пустующей ниши ответственной силой, которая смогла бы обеспечить относительный глобальный баланс для оптимального развития мировой цивилизации в сторону многополярной, а в перспективе – свободной от силовых полюсов сетевой наднациональной конфедерации.

Почему Россия?

Недавно в публичной дискуссии склонный к эпатажным провокациям эрудит-«западник» доказывал, что Россия – чуть ли не пустоцвет на древе человечества. Он рассуждал примерно так: в Англии произошла промышленная революция, итальянцы открыли электричество и т.д. и т.п. «А чего не было бы в мире, если бы не было нашей страны?»

В аудитории преобладала нонконформистски настроенная молодёжь, и в ответ на риторический по интенции вопрос было неуместно рассказывать про Гагарина, Толстого и Айвазовского – на столь очевидные ходы в рукаве у оппонента наверняка имелись краплённые карты: мол, всё это не более чем бренды, раскрученные европейскими любителями экзотики. Чтобы перехватить инициативу, требовалось что-то неожиданное, и, следя сослагательной интриге вопроса, я ответил коротко: «Если бы не было России, не было бы двадцать первого века»...

Ответ дан не в полемическом задоре – это результат многолетних исследований, сосредоточенных в последнее время в Центре Мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН. При углублённом изучении переломных вех истории и предыстории человечества обнаруживается, что оно неоднократно находилось на грани гибели из-за накопившихся последствий собственной деятельности. Последний по времени глобальный кризис пришёлся на середину XX столетия, и никто не мог гарантировать его благополучное завершение. Анализируя общественные настроения 1960-х годов, мы видим, насколько малы были

шансы планетарной цивилизации дожить до XXI века. И насколько велика заслуга СССР в том, что человечеству всё же удалось выкарабкаться из-под военно-политических и экологических (связанных более всего прочего с массированными ядерными испытаниями) завалов середины прошлого века. Показано также, что Октябрьская революция, ставшая катастрофой для России, дала мощный импульс прогрессивным социальным преобразованиям во всех демократических странах³.

Сильная, демократическая и прогрессивная Россия теперь имеет шанс стать для мирового сообщества столь же важным стабилизирующим фактором, каким она послужила в прошлом столетии, и использование этого исторического шанса могло бы составить мировоззренческую подоплётку новой «национальной идеи». Наблюдения и дискуссии убедили нас в том, что в различных регионах мира – от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии (не говоря уже о народах СНГ) – многие люди ждут именно от России внятных стратегических идей, которые помогли бы устранить асимметрию однополюсных амбиций. В Западной Европе и Северной Америке мы также встречаем людей, видящих в России одну из немногих стран мира, способных вернуть международной политике предсказуемость. Между тем информационная среда то и дело искрится когнитивными диссонансами.

В апреле 2014 года берлинский политолог левой ориентации Петер Линке сетовал в беседе с автором этих строк: «Мы хотим поддержать антиамериканские действия России в Украине, но вы изо всех сил этому мешаете. Один ваш публичный идеолог декларирует симпатию к немецким теоретикам профашистского толка, другой пишет, что аннексией Австрии и Судет Гитлер собирал нацию. Член Государственной Думы кокетничает циничными формулировками в том духе, что “единственными союзниками России являются армия и военно-морской флот”. Солидаризируясь с такими субъектами, немецкие левые рискуют себя дискредитировать. Ваши пропагандисты будто нарочно добиваются, чтобы с нацистским прошлым ассоциировались не наследники дивизии СС “Галичина”, а русское руководство»...

Действительно, по законам жанра, весной 2014 года на площадях Донецка должны были стоять пикеты левых депутатов Евросоюза в защиту бастующих шахтёров, как это не раз происходило в других, даже не европейских странах. Активизация бандеровского движения, прославившегося деяниями, на фоне которых бледнеют даже покровительствовавшие им немецкие нацисты, должна была вызвать солидарное неприятие европейской общественности. В действительности же угар «патриотизма» в российских СМИ («Своих не сдаём!» и т.д.) спровоцировал противоположные коннотации. Телезрёны заполнили такие персонажи, от выслушивания которых становилось жутковато критически мыслящим россиянам, а западные СМИ представляли их как рупор государственной политики. Так в глазах внешнего наблюдателя весь сыр-бор вокруг Киева, Крыма, Одессы и Донбасса сводится к тому, что одни национальные экстремисты схлестнулись с другими, и порядочный человек обязан сочувствовать тем, кто слабее.

События в Украине, которые могут оказаться переломными в мировой истории, наглядно обнаружили беспомощность концептуального обеспечения и информационного сопровождения международной политики России. Ток-шоу, нацеленные на конверсионный результат (изменение установок аудитории), из-за непрофессиональной работы телеведущих давали эффекты бумеранга, поскольку приглашённых оппонентов то и дело прерывали, высмеивали и оскорбляли. И – по крайней мере, на начальном этапе – была провалена работа с интернетом, а далее вступил в силу механизм психической инерции: первое впечатление формирует призму, через которую преломляется и отбирается последующая информация. В итоге левые политические круги за рубежом, критически настроенные к действиям американских властей, стали воспринимать действия России как ещё худшее зло. Растерянность ощущается и в кругах российской интеллигенции, а воспрянувшие «патриоты» в охотку обзывают скептиков «пятой колонной». Вместо того чтобы привлекать активных сторонников за рубежом, непродуманная пропаганда углубляет раскол внутри страны.

³ Например, сотни лет назад профсоюзные активисты Европы и Америки рисковали свободой и жизнью за требование нормированного рабочего дня, ежегодного оплачиваемого отпуска и гарантированной пенсии для рабочих. А эксперименты с участием женщин в выборах, проводившиеся в Новой Зеландии и Австралии, вызывали у европейцев и американцев больше иронии, чем сочувствия.

Что журналистам следует внимательнее изучать психологию и технологию информационного воздействия и что необходимо интенсифицировать подготовку профессионального противодействия интернет-манипуляциям – само собой разумеется. Но никакая технология не может надолго заменить мировоззренческие ориентиры, задачи и стратегии. Шанс России возглавить международные альянсы за восстановление глобальной стабильности обусловлен не только наличием оружия, большой территории и природных ресурсов, но и глубоко укоренённой мессианской интенцией, многократно описанной классиками философии и художественной литературы.

Правда, такая интенция в России, как и в прочих культурах, чаще всего была, опять-таки, замешана на религиозных или квазирелигиозных идеологиях и, соответственно, на той или иной форме ксенофобии, от которой не всегда могли избавиться даже великие мыслители (см. об этом [Климова 2011]). Здесь, однако, стоит зафиксировать два обстоятельства.

Первое состоит в том, что народ с такой ментальной матрицей испытывает фрустрацию как на периферии мирового политического пространства, так и в обстановке национальной изоляции. Поэтому ни установка на «мещанский комфорт» общества потребления, ни лозунги самодостаточности здесь надолго не укореняются. Народы с неугасшей мессианской интенцией чувствуют себя комфортнее в обстановке востребованного подвижничества, а утеря долгосрочной цели оборачивается провалами и во внутренней политике.

Второе важное обстоятельство я вижу в том, что мессианская интенция не сводится к превосходству «своего» над «чужим», так что ментальная матрица может быть наполнена содержанием, в большей мере отвечающим задачам текущего исторического момента. В России XIX века сформировалась достаточно оригинальная традиция *светского* планетарного мышления, представленная космической философией. Её провозвестник князь В.Ф. Одоевский изложил суть такого мышления наглядной схемой. «При всяком происшествии, – писал он, – будем спрашивать самих себя, на что оно может быть полезно, но в следующем порядке: 1-е, человечеству, 2-е, родине, 3-е, кругу друзей или семейству, 4-е, самим себе. Начинать эту прогрессию наизворот есть источник всех зол, которые окружают человека с колыбели» (цит. по [Медведев 1986, с.681]).

Выстроенная таким образом иерархия ценностных приоритетов имеет многочисленные precedents в мировой философии с начала осевого времени, но до сих пор идея *неконфронтационной солидарности* сохранялась на периферии духовной культуры человечества как элемент «избыточного разнообразия» и только сегодня становится по-настоящему исторически востребованной. Чтобы Россия могла сделаться её знаменосцем, следует вместо заигрывания со средневековыми суевериями под предлогом «возвращения к истокам» ясно обозначить курс на укрепление технически мощного, независимого, прогрессивного и авторитетного государства. Воспитательная работа и политическая риторика должны апеллировать не к «патриотизму» и тем более не к «православию» (всё это безнадёжно тривиализирует современные задачи), а к миссии стабилизатора в игре политических амбиций на международной арене. Только в таком – над-идеологическом – контексте российская внешняя политика способна быть по-настоящему перспективной, интегрировать общество и привлечь активных сторонников за рубежом, каковых во множестве имела советская политика в период расцвета (при всех её недостатках) интернациональной «пролетарской» идеологии...

Библиографический список:

1. *Каку́ М.* Физика будущего. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
2. *Климова С.М.* Славянская (русская и польская) судьба в свете «еврейского вопроса» на рубеже XIX-XX веков // Историческая психология и социология истории, 2011, т.4, №2, с.118-127.
3. *Медведев Ю.* «На границе грядущего с беспредельным» // Русская фантастика XIX – начала XX веков. М.: Правда, 1986, с.680-692.
4. *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации. Очерки по эволюционно-исторической психологии. М.: УРСС, 2008.
5. *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Инфра-М, 2014.
6. *Панов А.Д.* Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М.: ЛКИ, 2008.
7. *Петренко В.Ф.* Экспериментальная психосемантика: исследование индивидуального сознания. М.: МГУ, 1982.
8. *Поршинев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) // Историческая психология и социология истории, 2010, т.3, №2, с.185-219.
9. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии, 1990, №3, с.84-118.
10. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования, 1994, №1, с.33-48.
11. *Joy B.* Why the future doesn't need us? // Wired, 2000, April: 238-262.
12. *Mattern S.* Rome and the enemy. Imperial strategy in the Principate. Berkeley: Univ. of Calif. Press, 1999.
13. *Nazaretyan A.P.* Power and wisdom: Toward a history of social behavior // Journal for the Theory of Social Behaviour, 2003, Vol.33, #4: 405-425.
14. *Nazaretyan A.P.* Book review // Minds & Machines. Journal for Artificial Intelligence, Philosophy, and Cognitive Science, 2014, vol.24, #2, p.245-248.
15. *Pinker S.* The better angels of our nature. The decline of violence in history and its causes. N.Y.: Viking Penguin, 2011.
16. *Singularity hypotheses. A scientific and philosophical assessment.* A.H. Eden et al. (Eds.). Berlin Heidelberg: Springer-Verlag, 2012.
17. *Sloterdijk P.* Kritik der zynischen Vernunft. 1 und 2. Bnd. Frankfurt am Main: Edition Suhrkamp, 1983.

Nazaretyan A.P. National idea in the "bifurcation century"

A series of independent calculations have predicted that around the middle of the 21st century an abrupt phase transition is expected, one that will make advances by civilization difficult. The present tensions in world geopolitics and the sustainability of human civilization are discussed. The author argues that Russia might play a stabilizing role in the 21st century and compares it to the one the Soviet Union played in the 20th century. He discusses necessary corrections in conceptual, political and information sectors that would help to lead to such national and global stabilization.

Keywords: Mega-History, 21st century, polyfurcation, attractors, geopolitics, system, sustainability, Russia, national idea, patriotism, cosmopolitanism, messianism.

УДК 001.18+37.01

В.Г. Федотова

Типы глобальных сценариев и вектор России⁴

Аннотация:

Возрастающая нелинейность социальных изменений, свойственная рубежу XX-XXI веков, коренным образом видоизменяет механизмы прогнозных сценариев развития. На смену экстраполяционным футурологическим моделям приходят нелинейные, вероятностные прогнозы – «проекты», где раскрытие перспектив будущего уже невозможно без учета значимости социально-инженерных замыслов. Приведенная в статье типологизация футурологических сценариев, выявляет сложность объективного видения возможного будущего в фокусе стремительного глобального развития.

Ключевые слова: прогнозирование, футурологические сценарии развития, сценарии-проекты, сценарии-тренды, сценарии-идеологии, сценарии-образы.

Об авторе: Федотова Валентина Гавриловна - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России», сектор социальной философии Института философии РАН (Москва), академик РАН.

Чем менее определенно будущее, тем больше появляется футурологических работ, прогнозов и предупреждений, попыток уйти от нежелательных исходов, повернуть к лучшему. Большинство прогнозов в XVIII и особенно XIX веках основывалось на признании закономерности, объективного хода истории, естественно-исторических процессов, которые экстраполировались на будущее. Так, А. Смит прогнозировал развитие невидимой руки рынка. Д. Юм писал ему в письме, что хорошо бы, чтобы так же, как в Англии, рынок развелся во Франции, и в Германии, но в этих странах капитализм возник позже. Однако естественно-историческая закономерность его распространения в будущем была замечена. Т. Мальтус прогнозировал жизнь человечества в условиях несовпадающего демографического роста и роста продовольствия: человечество не может расти, опережая рост продовольственных ресурсов. По этим, казавшимся объективными, причинам ограничение роста народонаселения виделось ему центральной тенденцией и задачей будущего. К. Маркс раскрыл перспективу будущего как объективно связанную с миссией пролетариата, не имеющего корыстных интересов и стремящегося к освобождению человечества.

Сценарные прогнозы

В последней трети XX века прогнозы формируются иначе. Подчеркивается значимость человеческих целей, творческих планов, социально-инженерных замыслов. В лучшем случае речь идет о реализации новых тенденций. Получает распространение слово «проект» в отношении будущего, понятие социальной инженерии.

В XXI веке характер прогнозов меняется. Они становятся вероятностными, нелинейными, имеющими сценарный характер из-за возрастающей нелинейности социальных изменений.

Я различаю: сценарии-образы – некоторое видение, способное воплотиться если не в проект, то в идеологию; сценарии-тренды – выявление объективных тенденций возможного будущего, как правило, мотивированные предпочтением одной из возможных тенденций;

⁴ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00240 «Концепции внеэкономического капитала как фактор повышения комплексности исследования современной социокультурной динамики».

сценарии-проекты, в которых это будущее предлагается конструировать, и сценарии-идеологии, в которых конструирование начинается с выдвижения привлекательных идей. Чаще всего эти типы сценариев комбинируются, создавая переход от сценариев-образов к сценариям-проектам или к сценариям-идеологиям, от сценариев-трендов – к сценариям-проектам и т.д. Для того чтобы работать со сценарием, надо понимать, каким из указанных четырех сценариев или комбинаций каких из них он является. Сценарий-образ будет мысль, собирает сторонников и противников, намечает контуры будущего, ориентируясь на эмоциональные предпочтения. Сценарий-тренд призывает увидеть некоторую объективную тенденцию и заставляет одних полагаться на нее, а других делать что-то, что способствует ее осуществлению или замедлению. Он строится как научно обоснованное предположение относительно закономерности развития и в какой-то мере его неизбежной направленности. В этом есть определенное противоречие сценарному подходу: сценарий-тренд утверждает объективность процесса, хотя сценарный подход в целом – множественность сценариев. Сценарий-проект использует проективные возможности человека в обеспечении перехода к желаемому сценарию и его осуществлению, к наращиванию экономического и внеэкономического капитала – человеческого, социального, культурного. Социальный капитал как доверие в обществе имеет особое значение. Сценарии-идеологии мобилизуют общество на решение определенных задач [4, 392-441].

В плане практическом необходимо ориентироваться на сценарии **всех четырех типов**, чтобы ответить на вопросы: чего мы хотим? возможно ли это объективно? какой проект для этого предлагается? какие альтернативы ему возможны? какая идеология может мобилизовать на решение поставленных задач, чтобы они не просто были инициированы сверху, а вовлекали население?

В каждом сценарии есть объективные предпосылки и субъективные предпочтения, мотивы. Как перспективные, так и неперспективные сценарии всех четырех указанных типов могут реализоваться с разной социальной ценой, а могут и вообще не реализоваться. Сценарные прогнозы возникают в условиях объективной неопределенности ситуации и при наличии разных точек зрения, мотивированных разными образами будущего. Важно не отбрасывать негативный прогноз, а стремиться предотвратить его реализацию и поддержать прогнозы позитивного развития страны. В США платят тем, кто предсказывает риски, и чем более страшные риски предсказываются, тем выше плата. В России платят тем, кто рассказывает о том, что все хорошо и дальше будет еще лучше. Такая услужливость работает на доверие к власти здесь и теперь, но может подорвать его впредь.

Сценарии второй половины XX – начала XXI веков

После Второй мировой войны были проекты, изменившие существующие тенденции развития. Один из них был научным проектом японских ученых, отказывающихся от либерализма послевоенной американской модели для Японии и объявивших переход к идеям сохранения коллективной продуктивности в 1950-е гг. Вторым – немецкий проект Л. Эрхарда, построенный на концепции ордolibерализма и практически-политических соображениях.

В 1967 г. Дж. Гэлбрейт издал книгу «Новое индустриальное общество», где выдвигает концепцию нового индустриализма, в функционировании которого играет роль государство, образуя техноструктуру.

В 1982 г. Дж. Несбит дал самый потрясающий прогноз как по форме, так и по содержанию. Это – десять позиций, обозначающих доминирующие тенденции и их альтернативы: индустриальное общество – информационное общество; развитые технологии – высокие технологии с уравновешивающимся человеческим ответом; национальная экономика – мировая экономика; кратковременность – долговременность; централизация – децентрализация; институциональная помощь – самопомощь; представительная демократия – демократия участия; иерархия – сеть; или/или – многообразный выбор.

Большую роль сыграл труд П. Кеннеди (1993), прогнозировавший и теоретически обосновывающий связь между экономическим развитием и модернизацией, показавшим одновременно оборотную сторону этого процесса.

В начале 1990-х после распада СССР американский профессор, директор Центра прогнозирования будущего Гарвардского университета С. Хантингтон выдвинул прогноз

возможного столкновения цивилизаций. Поскольку конфликт холодной войны казался исчерпанным, люди отпринули к своим этнокультурным истокам, составляя цивилизации как группы близкородственных народов, которые отличались друг от друга настолько, что могли вступить в столкновение. Хантингтон не стремился к конфликту, он его предупреждал. В 1993 г. им была представлена карта раскола Украины, соответствующая сегодняшнему расколу, но его предупреждение не было услышано из-за риторики политической корректности.

В то же время выходец из России британский профессор Т. Шанин дал образ-сценарий России как страны третьего мира. Намереваясь стать страной первого мира из-за неудовлетворенности своим статусом страны второго мира, Россия, по его мнению, оказались в третьем мире. От третьего мира даже тогда Россию отличало образованное население, завершенная индустриализация, тысячелетняя история цивилизационного развития, великая литература и другие достижения, известные всему миру, хорошая система образования. СССР был одним из полюсов в противостоянии систем – первого и второго мира, по отношению к которым произошла идентификация третьего мира. Россия в течение трех веков осуществляла модернизацию. В ней прочно европейское начало. Отличия от Запада, инкриминируемую России в это время «третьемирскостью», имел и Китай. Включение этих великих стран в разряд стран третьего мира явилось девелопментализмом худшего сорта, когда место страны в мире определяется только экономическими понятиями.

В 1996 г. К. Коукер изучил подъем и падение атлантизма, поставив диагноз «сумерки Запада».

В 2000 г. в России под ред. И.В. Бестужева-Лады появилась антология современной классической прогнозики 1953–1999 гг. «Впереди XXI век», в котором были опубликованы самые знаменитые мировые прогнозы указанного времен.

В 2001 г. вышла книга «Мегатренды мирового развития» под ред. М.В. Ильина и В.Л. Иноземцева, в которой были рассмотрены тенденции, вызываемые глобализацией.

В 2002 г. консервативный американский политолог П. Бьюкенен выступил с прогнозом «смерти Запада», говоря о гибнущих американских ценностях.

В 2002 г. Ф. Фукуяма издал работу «Наше постчеловеческое будущее» о последствиях биотехнологической революции.

В 2008 г. Ф. Закария, видный американский политолог, опубликовал работу о постамериканском мире, подчеркнув, что его прогноз – не о падении США, а о подъеме остального мира.

В 2009 г. опубликована книга А.И. Уткина, В.Г. Федотовой «Будущее глазами Национального совета по разведке США: глобальные тенденции до 2025 года», обсуждающая прогнозы этой организации до 2020 г.

В 2011 г. вышла в свет книга А.И. Уткина «XXI век» с прогнозами будущего на этот период и анализом имеющихся прогнозов.

Обратимся к двум американским сценариям развития США, представленным к инаугурациям Президента США. В 2004 г. Национальный совет по разведке США, включающий широкое интеллектуальное сообщество, опубликовал прогноз до 2020 г. В нем Россия не занимала особого места. Доклад назывался «Контуры мирового будущего» и представлял собой сценарий-тренд, комбинированный со сценарием-идеологией американского будущего. В нем утверждалось, что «линейный анализ позволит нам получить значительно видоизмененную гусеницу, но никак не бабочку – для этого нужен скачок воображения. Мы надеемся, что данный проект... позволит нам совершить такой скачок – не предсказать, каким будет мир в 2020 г. (это явно лежит за пределами наших возможностей), а тщательно подготовиться к разнообразным трудностям, которые могут ожидать нас на нашем пути» [9, 4]. Этот вполне «политически корректный» документ отличался тем, что, указывая на ряд тенденций, подрывающих могущество и однополярность США (например, возвышение Китая и Индии), он не рассматривает мир как квазиприродный и утверждает роль США в будущей мировой политике. Сценарий-проект был прямо ориентирован на переустройство общества и предлагался реальным политическим субъектам.

Следующий доклад был подготовлен к инаугурации Б. Обамы в 2008 г. и содержал прогнозы до 2025 г. Его сценарии:

Первый сценарий: Мир без Запада, подъем незападных стран, включая Россию. Второй сценарий: Наводнение на Манхэттене. Проблема изменения климата. Третий сценарий: БРИК подорван внутренними противоречиями. Четвертый сценарий: Политика не всегда имеет локальный характер. Рост донациональных и постнациональных образований[9].

У прогнозов будущего есть еще черта мегаломании, неограниченности сроков прогноза, попыток усложнять простые проблемы. В Китае, в Институте Евразии и развития при Госсовете, рассказывая об успехах и проблемах своей реформы, китайцы объясняли, как они решали сложные вопросы, способные расколоть общество. Вопросы, которые вызывали бы у нас многолетнюю дискуссию, получали у них неожиданно простые ответы: «Кто такой Мао Цзэдун?» — «Мао Цзэдун — тоже человек». «Как относиться к учению Мао Цзэдуна?» — «Всякое учение развивается, учение Мао Цзэдуна тоже». «Как относиться к распаду коммунизма в России?» — «Как к внутреннему делу России». «Как акционировать предприятия, если они плохо акционируются?» — «Подождать, пока будут акционироваться хорошо». Прошло не так много лет, но сегодня это — уже не вопросы, которые волнуют Китай. Согласие по поводу базовых ценностей в Китае, достигнутое вследствие ряда успешных реформ, позволяет упрощать сложные проблемы в интересах этого согласия. Россия — расколотая страна, испытавшая и испытывающая ценностные надломы и даже в хорошие времена мало способная к подобным компромиссам на уровне здравого смысла.

Правительство и группы независимых ученых могут дать серьезную и реалистическую оценку положения в стране. Когда ученым говорят, что они должны помочь, внести свои предложения, имеется в виду, что есть задачи, которые поставлены политиками, которые кто-то пытается решить и не может. И ученые помогут. Но такие задачи не поставлены. Поэтому сценарии будущего копятся про запас, ждут своей востребованности. Их много, но они разного типа и характеризуют разные контексты.

Сценарии-тренды

Сценарии-тренды будущего России были связаны с поиском объективных тенденций. Они были, как правило, политически нейтральны, не тяготели ни к левым, ни к правым силам, а, скорее, к центристским представлениям, имели разную степень абстрактности, применимости и ориентации на разные субъекты, не были проработаны в деталях, но намечены в своих принципах.

Сценарий-тренд глобальных ценностных изменений, связанный с технологическими инновациями В нем утверждается, что сегодня кризис ценностей имеется не только в России, но и на Западе и в мире в целом. Это обусловлено переходом Запада в постиндустриальное общество и глобализацией. Первый значительный сдвиг в технологиях — переход от аграрного общества к индустриальному — вызвал слом ценностей и формирование новых, отвечающих новому содержанию эпохи. Соглашаясь с этим сценарием в принципе, мы не можем его операционализировать, сказать, что надо делать в социальном, экономическом и политическом планах в России. Философский прогноз — это с неизбежностью мысленное творение истории, которое не является технологическим проектом, но дает представление о стратегии, в частности стратегии отказа от экономоцентризма и большего внимания к проблемам морали, ценностей, культуры, политической культуры.

Сценарий-тренд национальной модели модернизации, осуществляющей развитие на основе собственной идентичности.

Тренд, объективно обусловленный, реализуемый в Китае, Индии, Бразилии, но «грубо сколоченный» в России прямым соединением в сценарии-проекте и сценарии-идеологии из традиционных ценностей и обычаях с высокими технологиями.

НТР	Длительность	Основное содержание	Научная революция	Индустриальная революция
1-ая	16–17-ый века	Рождение современной физики	1-ая научная революция	-
2-ая	С середины до конца 18-ого века	Революция, возникшая в связи с открытием парового двигателя и использованием пара в технике	1-ая технологическая Революция	1-ая
3-я	С середины до конца 19-ого века	Революция, принесенная электричеством и транспортом	2-ая технологическая революция	2-ая
4-ая	Первая половина 20-го века	Теория относительности, квантовая теория и др.	2-ая научная Революция	-
5 –ая	Середина 20-го века	Электроника и автоматика	3-я технологическая революция	3-я
	С середины до конца 20-ого века	Информационные технологии и сети	4-я технологическая Революция	4-ая
6-ая	Середина 21-ого века	Революция, приносимая новой биологией, новой интеграцией жизни с помощью биологии, биотехнологиями	3-я научная революция 5-ая технологическая революция	5-ая
7-ая	Середина 21-ого века	Революция, приносимая новыми идеями физики в понимании пространства-времени (многомерность), новой энергией и новыми видами транспорта.	4-ая научная революция 6-ая технологическая Революция	6-ая

Таблица. Соотношение между научно-техническими революциями и революциями, начиная с 16 века [1, с. 12-16]

Сценарий-тренд технологических изменений. В течение одного месяца я встречаю у разных исследователей (В. Лепского, С. Глазьева и Ч. Хэ) одну и ту же схему смены технологических циклов, совпадающую вплоть до пятого, но начинающую различаться на шестом и особенно седьмом (введенным проф. Хэ). Изложу эту концепцию в наиболее полном виде, приводя таблицу этого китайского коллеги.

Работая в парадигме естествознания в том смысле, чтобы создать специальную науку модернизации, профессор Хэ рассказывал нам о тех не вошедших в схему опасностях, которые

влекут за собой биотехнологии. Будучи ученым-биологом, профессор Хэ работал в китайском консульстве в США и отвечал там за закупки передовой американской техники. Меня лично просто потрясло, что он начал заниматься китайской модернизацией, считая, что его работа по закупке техники требует теоретических знаний и ценностных ориентаций, которые бы направили на верные решения в конкретной сфере. Заметим, что Китай сегодня закупает в США в 500 раз больше передовой техники, чем это было совсем недавно. Сегодня профессор Хэ выпустил на Западе огромную книгу под названием «Наука модернизации. Принципы и методы национального продвижения» [3]. Что касается седьмого предложенного им цикла, он ужасал и восхищал не введением многомерного пространства-времени и живущих в нем необычных людей, таких, как сидящие у компьютеров группы, smartbionicbodies и прочие совсем не похожие на нас люди, легко избавляемые от смерти пересаживанием в другие тела. На вопрос о том, как сохранить человечество, профессор Хэ, будучи подлинным технократом, ответил, что это – роль социальных наук. Но неумолимость научно-технологических детерминант, прослеживаемая в истории и нависшая над будущим, превращает модернизацию в бессубъектный технологически-детерминированный процесс, с которым мы могли справляться до определенных пор и можем справиться или не справиться в будущем. В Центре модернизации в Шанхае работают как специалисты по предприятиям, так и историки, и философы. Первые очень реалистичны, хотя призывают и к сверхзадаче учета повседневного сознания. Вторые очень идеалистичны и говорят в марксистских терминах о всесторонне развитом, творческом и гармоничном человеке. Эта привлекательная пафосом риторика вряд ли отвечает забегающему вперед миру технологий, и творчество не тождественно благим целям. У него демиургическая природа, а, когда мир демиургически творится техникой, тоже творчески, альтернатива в творчестве с необозначенной направленностью явно хромает.

С. Глазьев, выступая на посвященной Евразес, организованной Институтом экономических стратегий РАН и проходившей в ИФ РАН конференции, полагал, что экономические союзы наиболее адекватны требованиям гуманизации новых технологических и экономических циклов. В. Лепский опубликовал немало книг и статей, где он настаивает, что переходу к новым технологическим циклам должны сопутствовать или предшествовать социогуманитарные революции, без чего скачок в неведомое станет опасным [4]. Это приближает к некоторым идеям социально-проективного подхода, способного представить возможности технологии, которые, кстати, не совсем представимы за пределами пятого цикла, и создать соответствующие им возможности человеческих сред. Проблему человека выдвигают на передний план такие ученые, как В. Веряскина, И. Сиземская. Экологический вызов социоприродному универсуму рассматривает Ю. Олейников. Поскольку сектор социальной философии избрал в качестве плановой многолетней темы «Истории и теории модернизаций», замечу, что актуальной задачей становится экспликация типа человека, возникающего в ходе научно-технических революций и предложения о социально-гуманитарном и гуманитарном предшествовании технологическим революциям сегодня, о границах модернизации в экологии и человеке, об опасности бессубъектной модернизации.

Без сценария. Прежде это была манипуляция как субститут демократии, сегодня бюрократические инновации во всех сферах жизни. Мы видим, что многие сценарии, казавшиеся очевидными, не осуществились. В прогнозировании появились альтернативы, не позволяющие видеть только одну сторону. Сегодня каждый день мы имеем дело с глобализацией–локализацией, постиндустриализацией–деиндустриализацией – реиндустриализацией, мульти-культураллизмом – монокультурализмом, угрозой нехватки ресурсов, изменения климата, непредсказуемых последствий нашей деятельности.

Библиографический список:

1. Глазьев С.Ю. Закономерности долгосрочного технико-экономического развития // Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонова. М.: Тровант. 2009. С. 9-26. 12-13
2. Лепский В.Е.Рефлексивно-активные среды инновации. М.: КОГИТО-Центр. 2010. 255 с.
3. Уткин А.И., Федотова В.Г. Будущее глазами национального совета по разведке США: Изменившийся мир. М.: Институт академической стратегий, Международная академия будущего. 2009. 351с.
4. Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция. 2005. 543 с.
5. Таблица заимствована у российского автора исследователя В. Гулько, который тоже не является ее автором, но продолжена выделением шестого и седьмого цикла, являющегося гипотезой профессора Хэ. См.: ChuanciHe. S&T Revolution and World Modernization // Modernization Science. Newsletter. Vol.1, № 8, December 2011. P. 4
6. Chuanci He. Modernization Science. The Principles and Methods of National Advancement. Heidelberg, Dordrechts, L., N. Y.: Kluger. 2012. 648 p.
8. Global Trends 2025: A Transformed World. The National Intelligence Council's 2025 Project. Wash., 2008.
9. Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. Wash., 2004.

Fedotova, V. P. Global Scenario Types and the Line of Vector for Russia

The increasing nonlinearity of social change, so peculiar to the turn of the XXI century, is drastically transforming the mechanisms of prognosticating development scenarios. Extrapolating futurological models give way to nonlinear probabilistic forecasts – “projects”, in which determination of development prospects is impossible without taking into account social-engineering enterprise. The proposed typology of futurological scenarios reveals the complexity of objective vision of the possible future in the focus of the sweeping global development.

Key words: prognosticating, futurological development scenarios, scenarios-projects, scenarios-trends, scenarios-ideologies, scenarios-images.

УДК 323. 2

C.A. Magaril

Россия: соотношение внешних и внутренних угроз государствству

Аннотация:

На основе анализа исторического опыта в статье рассмотрены важнейшие причины периодических распадов российской государственности и их существенная трансформация в ходе исторического процесса. По мнению автора, внешние угрозы с течением времени утрачивают свое значение: на первый план выходят внутренние факторы, которые, в свою очередь, и становятся важнейшим базовым условием неустойчивости государства.

Ключевые слова: внешние и внутренние угрозы государственности, устойчивость государства, государственная власть, социально-властные отношения, показатели социального качества российского общества.

Об авторе: Магарил Сергей Александрович, кандидат экономических наук, Российской гуманитарный государственный университет, доцент факультета государственного и муниципального управления; эл. почта: magaril@yandex.ru

На протяжении столетий Русь-Россия-СССР неоднократно подвергались вражеским нашествиям. Однако не было случая, чтобы хоть одно из них одержало окончательную победу. От татаро-монголов Русь отбивалась 250 лет - итог известен. Наполеоновская Франция и гитлеровская Германия - повержены. На вызов внешней угрозы Россия всегда находила адекватный ответ.

Иное дело внутренние угрозы государственности. Из отечественной истории известно: российское государство распадалась четыре раза: Киевская Русь - XI в.; Московское царство в Смутное время - рубеж XVI - XVII вв.; Российская Империя - в начале XX в.; Советский Союз - в конце XX в. Таким образом жизненный цикл каждой следующей версии государственности последовательно сокращается: 600 лет; 300 лет; 74 года.

Изменение скорости распада российской государственности

При этом на каждом этапе Россия убедительно наращивала свой организационный, экономический и военно-оборонительный потенциал:

- XIV-XVI вв. - создание централизованного государства, что обеспечило концентрацию ресурсов; присоединение Сибири;
- XVII - XIX вв. - реформы Петра I; успешное правление Екатерины II, Великие реформы 1860-70 гг.;
- XX в. - социалистическая индустриализация, культурная революция, создание ракетно-ядерного щита.

Однако государство все это не спасало, оно разрушалось под тяжестью внутренних проблем и угроз. Важно понять, каковы важнейшие причины периодических распадов российской государственности и как они модифицируются в ходе исторического процесса.

Для этого целесообразен экскурс в историю.

Распад Киевской Руси. Согласно В.О.Ключевскому, первые киевские князья «механически скептически Русскую землю» в одно политическое целое. Однако княжеские усобицы XI – XII вв. привели к ее распаду на местные областные миры, плохо связанные между собой и все более и более обособливающиеся друг от друга политически⁵[4]. В итоге, уже «во второй половине XII в. князья со своими дружинами, становятся бессильны в борьбе со степным напором» - половцами, нападения которых «оставляют страшные следы». Характеризуя резкое имущественное расслоение, В.О.Ключевский приводит пример общественной раскладки единовременного самообложения населения (сбора) на оплату наемников, относящийся к 1018 г. Высший класс был обложен более чем в 100 раз тяжелее, сравнительно с простыми гражданами. Создавая столь значительное имущественное расслоение, такой порядок, «не имел опоры в низших классах населения, которым он давал себя чувствовать только своими невыгодными последствиями». По сути, это не что иное, как отчуждение населения от власти. В итоге, усиление внешнего давления, в сочетании с приниженным юридическим и экономическим положением низших классов, привело к отливу массы русского населения на северо-восток и запустению Киевской Руси, которое завершил в XIII в. татарский погром 1229 – 1240 г. [1, 191-284].

Распад Московского царства - Смутное время. Смутным временем русской истории В.О.Ключевский называет период в 14 – 15 лет с 1598 по 1613 гг. Поводом к смуте послужило отсутствие законного (легитимного) преемника на роль верховного правителя. Однако глубинные причины трагических событий ученый видит во взаимной вражде, «в резком социальном разъединении», в том, что «всякий значительный город стал ареной борьбы между низом и верхом общества». Этому весьма благоприятствовало «Московское законодательство: направленное к определению и распределению государственных обязанностей», оно «не формулировало и не обеспечивало никаких прав, ни личных, ни сословных». Одновременно историк отмечает скучность московских политических понятий: и правитель, и народ видели в государстве не политический союз, а вотчину княжеской династии. «Московские люди как будто чувствовали себя пришлецами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме» [1, 17-58]. Перед нами вновь социальный феномен отчуждения.

Распад Российской Империи. Анализируя правление Петра I, В.О.Ключевский писал: «Из реформ Петра вышли два враждебных друг другу направления. Два склада мысли (сознания - С.М.), которые были обречены на борьбу друг с другом». Вектор исторического движения России вызывал опасения у наиболее дальновидных представителей русского общества задолго до крушения империи. В августе 1856 г. фрейлина императорского двора Анна Тютчева (дочь поэта), характеризуя общественную ситуацию, записывает в своем дневнике: «Я не могла неоднократно не задавать себе вопроса, какое будущее ожидает народ, высшие классы которого проникнуты глубоким растлением... низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически (преднамеренно – С.М.) поддерживаемом невежестве» [3, 258].

Глубинной причиной крушения Российской империи стал острейший социальный конфликт дворян-землевладельцев и многомиллионного крестьянства, не признававшего социально-справедливыми, а потому и легитимными права собственности привилегированных

⁵ Академик В. Янин также считает, что «с размежеванием княжеств... начался удельный распад Руси».

групп на землю. Так, сход крестьян деревни Куниловой Тверской губернии писал в наказе 1906 г.: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков». Эта массовая ненависть и выплеснулась беспримерной жестокостью гражданской войны.

В отсутствии эффективных политico-правовых инструментов разрешения конфликта, верховная власть, правящие круги, духовенство, интеллигенция, народные массы России не нашли иного способа «достижения социального компромисса», кроме взаимоистребления носителей «иных» общественных идеалов. Номинально партийно-парламентские механизмы уже существовали. Но в условиях архаичного, полупатриархального общества, неграмотности подавляющей части населения, а также в отсутствии политической традиции и культуры, за 12 лет своего существования (с 1905 по 1917 гг.) эти механизмы к моменту революции успели сделать лишь первые неуклюжие обороты. Итогом стала гражданская война и политический режим диктатуры.

Распад Советского Союза. Крах коммунистического режима и последовавший за ним распад государства во многом стали следствием социально-экономической стагнации и утраты конкурентоспособности/привлекательности советского общественно-исторического проекта в условиях нарастающей глобализации. В связи с чем, значимой причиной катастрофы социалистической государственности вновь стало глубочайшее отчуждение от власти населения страны, не вставшего на защиту ни политического режима, ни целостности государства. Трудно вообразить больший абсурд: вторая сверхдержава развалилась в условиях мирного времени, в отсутствии критически-значимых внешних угроз и обладая всей полнотой государственного суверенитета.

Борьба с частной собственностью привела к подавлению самих механизмов социально-экономического развития. Отечественный опыт XX в. вынуждает признать: политический режим, не способный обеспечить национальное развитие и межгосударственную конкурентоспособность, исторической перспективы не имеет и неизбежно уйдет с исторической сцены. Не случайно в научной литературе отмечены «грозные параллели между распадом Советского Союза и крахом царизма в 1917 году» [2].

Таким образом, в ходе исторического процесса произошла существенная модификация веера причин распада отечественной государственности. Внешнее давление, как решающий фактор крушения Киевской Руси и значимое сопутствующее обстоятельство развала Московского царства, с течением времени утратил свое былое значение. Ни для Российской Империи, ни тем более для Советского Союза внешнее давление не достигало критичного уровня. На первый план вышли внутренние факторы: низкое качество стратегического государственного управления; ограниченная способность и отстающие темпы развития социума в условиях уплотнения исторического времени; посредственное социальное, интеллектуальное и нравственное качество национальной элиты. Что осталось неизменным? Неизбывными остались: незначимость рядового человека, его политическое и юридическое бесправие, а потому и социальная рознь, в качестве важнейшего базового условия неустойчивости государства.

Реалии постсоветской России в качестве важнейших общественных противоречий вновь вынуждают назвать: остройшую и продолжающую рости имущественную поляризацию; глубокое отчуждение народа от большинства институтов государственной власти⁶, а также отказ большинства населения признать легитимными права собственности, возникшие в ходе антисоциальной приватизации крупнейших и наиболее доходных объектов экономики, созданных многомиллионным народным трудом. Тем самым, вновь воспроизведены социально-властные отношения, типологически подобные тем, что обусловили историческую неустойчивость предшествующих форм российской государственности. И вновь общество не имеет в своем распоряжении эффективных политico-правовых (партийно-парламентских) механизмов достижения социального компромисса. Хватит ли у России исторического времени для их

⁶ За исключением института президентства.

освоения? Ни у Российской Империи, ни у Советского Союза его не хватило. Опыт начала XX в. свидетельствует: необходимо торопиться; открывшись на недолгие годы, окно исторических возможностей может вновь захлопнуться на десятилетия.

Анализ интегральных показателей социального качества современного российского общества не внушает оптимизма. Усилия основных групп социума вновь объективно направлены на его дезорганизацию и дезинтеграцию. Об этом свидетельствуют: астрономическая коррупция административно-политической «элиты»; многомиллиардный вывоз капитала олигархическим бизнесом; отказ массовых слоев населения от ответственности за происходящее в России; неспособность интеллигенции - носителя национально интеллекта блокировать антисоциальные реформы и навязать группам господства реформы в интересах большинства.

В условиях рыхлости массовой культурной основы в качестве интегратора общества, социальная рознь вновь становится одной из угрожающих форм его распада. При этом, политico-правовые институты поддержания макросоциального компромисса, как минимум, стагнируют и не пользуются авторитетом. Удерживает хрупкую целостность социума, в основном,ластная вертикаль и сопряженный с нею силовой ресурс – не самые надежные интеграторы. Такая государственность неизбежно теряет конкурентоспособность. История свидетельствует: социальные конфликты неустранимы, но именно для их цивилизованного разрешения человечество выработало политику и право. Успеть бы освоить. Но для этого необходимо резкое повышение качества массовой социо-гуманитарной подготовки выпускников высшей школы, в т.ч. специалистов технико-технологического профиля. Недаром еще М.М.Сперанский писал, что самые благотворные усилия политических перемен сопровождаются неудачами, когда образование гражданское не предупредило к ним разум.

Библиографический список:

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1956. Т.3.
2. Коэн С. Почему распался Советский Союз?// Вестник аналитики, № 4, 2006.
3. Тютчева А. Воспоминания. М., 2002.
4. Янин В. В. Новгороде демократию сожрали олигархи. Известия, 7.09.2007

Magaril, S. A. Russia: Correlation of External and Internal Threats to the State System.

Proceeding from analysis of the historical experience, the paper considers the most important causes of recurrent dissolutions of the state system in Russia and substantial transformations of the dissolution processes throughout the course of history. In the author's opinion, with time external threats fade into insignificance and give way to internal factors, which by the same token become the key element in causing instability of the state system.

Key words: external and internal threats to the state system, stability of the state, state power, social relations of power, social quality indices of the Russian society.

В тексте статьи профессора Н. В. Михайловой, которую мы представляем на суд читателей, содержится весьма нетрадиционная трактовка произошедших в России событий первых десятилетий XX века. Они объединены автором хронологически (1905-1922 г.) и названы Великой Российской революцией, которая в своем развитии прошла три этапа: 1 этап – становление конституционной монархии (январь 1905 г. – февраль 1917 г.); 2 этап – формирование республиканской формы правления (февраль – октябрь 1917 г.); 3 этап – становление советской государственности (октябрь 1917 г. – 1922 г.). Трактовка, о которой автор пишет, как о само собой разумеющейся, таковой пока все же не является. Поэтому, публикуя статью в качестве дискуссионной, мы приглашаем читателей к компетентному разговору в поиске научной истины.

УДК 340.12

Н.В. Михайлова

**Предпосылки трансформации российской государственности и права в конце XIX-
начале XX в.**

Аннотация:

В статье дана характеристика основных условий развития российского общества и государства в контексте одновременного существования черт средневековой и современной цивилизаций. Описан процесс смены формата государственного управления в России в связи с эволюцией капиталистической и социалистической тенденций, представлены этапы развития Великой Российской революции 1905—1922 гг. Проанализированы ключевые периоды развития советской государственности.

Ключевые слова: цивилизационный кризис, Великая Российская революция, социалистическая и капиталистическая тенденция, энтузиазмический фактор, ритмы исторического процесса.

Об авторе: Михайлова Наталья Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: net-46@mail.ru

Вызревание революционных преобразований государственно-правовых институтов России в начале XX века.

Вторая половина XIX в. началась в России с осуществления коренных преобразований, затронувших прямо или косвенно все сферы жизни российского общества. Великие реформы 60-70-х гг. XIX в. стали мощной попыткой реформаторским путем расчистить дорогу вот уже около трехсот лет пробивающимся через средневековые пути росткам современной цивилизации. Однако не все удалось, и Российская империя на рубеже XIX – XX столетий продолжала испытывать гнет средневековых черт, мешавших успешному развитию общества, государственных и правовых институтов в рамках цивилизации нового времени.

Россия представляла собой сгусток противоречий. С одной стороны продолжали существовать атрибуты средневековья: абсолютная монархия, экстенсивная экономика, основанная на поместичьем землевладении, сословная иерархическая структура общества, и др. С

другой, все настойчивее проявляли себя черты индустриальной цивилизации: промышленная революция, активная предпринимательская деятельность, формирование новой социальной структуры и др.

Переживаемый Российской империей цивилизационный кризис заключался не только в том, что Россия несла в себе одновременно потенциал средневековой и современной цивилизаций, но и в том, что на рубеже веков постепенно втягивалась во вторую, акматическую фазу развития цивилизации нового времени, в рамках которой, например, государствам свойственна республиканская форма правления. В России же к этому времени еще не была реализована конституционная монархия, форма правления характерная для первой, фазы, подъема индустриальной цивилизации [12, с.96-97].

Важнейшей была и задача создания пакета нормативных правовых актов, обеспечивающих сбалансированное развитие двух параллельно действующих тенденций современной цивилизации: капиталистической (свободная конкуренция между различными формами собственности) и социалистической (социальная защищенность трудящихся). Робкие шаги в этом направлении предпринимались законодателем в XIX в.- начале XX вв. Причем, если правовое регулирование предпринимательской деятельности некоторым образом давало экономическую свободу, то доступ российских предпринимателей к управлению государством был закрыт. Фабричное законодательство, обеспечивающее необходимые для функционирования индустриальной цивилизации условия продажи рабочей силы так же отставало от требования времени [11, с.2-5, 21-22].

Заметим, что одной из определяющих черт акматической фазы развития современной цивилизации является нарастающая социальная дифференциация в обществе, которая и становится базой формирования гражданского общества индустриального типа, а оно основой современного правового государства, формой правления в котором чаще всего является республика, или конституционная монархия, тяготеющая к республиканской форме.

Гражданское общество - это общество, состоящее из личностей, идентифицирующих свои ролевые ожидания с интересами определенной социальной группы и функционирующее на основе соглашения. Социальная дифференциация включает механизм решения политических, экономических и общественных проблем представительными органами власти, в которых представлены разнообразные социальные группы общества через свои политические организации.

На рубеже XIX–XX вв. процесс социального деления в России набирает темпы. Например, даже малочисленный, формирующийся рабочий класс состоит, по крайне мере, из двух социальных групп наемных работников: потомственных квалифицированных и «молодых» малоквалифицированных рабочих. Каждая из этих групп представляла соответственно социальную базу различных направлений в рабочем движении: реформистское и революционное. Революционное направление составляло большую часть рабочего движения в России. Этот социальный слой интенсивно пополнялся в результате Крестьянской реформы 1861 г. Выпав из мелкобуржуазной среды, разорившегося крестьянства, «молодые», малоквалифицированные рабочие, сохранив менталитет мелкого собственника, являлись носителями революционных настроений и охотно пополняли революционное общественное движение. Не имея возможности бороться за наиболее выгодные условия продажи своей рабочей силы, как это делали рабочие реформистского направления, революционное направление в рабочем движении стало исполнителем большевистской модификации социалистических идей. Так, возникшая в 1898 г. Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) в начале XX в. представляла собой две партии: большевиков и меньшевиков. Социальной базой последних был высококвалифицированный рабочий класс, весьма малочисленный в России, который стал реализовывать меньшевистскую модель социализма. На основе объединения народнических кружков и групп в 1901-1902 г. оформилась партия социалистов-революционеров (эсеров), ее социальную базу представляли «молодой» рабочий класс и революционно настроенное крестьянство. Целью социалистов всех мастей было реорганизация общественного строя России на социалистических началах. Для этого, по их мнению, необходимо было решить следующие задачи: свержение самодержавия, установление демократической республики, уничтожение частной собственности, социализация земли, решение рабочего вопроса, предоставление гражданам всеобщего избирательного права и демократических свобод и др. Однако методы достижения, цели и сроки были различны.

Так в России на рубеже XIX-XX вв. рождались социалистические теории, предлагавшие утопические проекты решения назревшего цивилизационного кризиса, суть которых была в уничтожении капитализма и построении социализма. Марксистско-ленинские и другие теории социализма получили существенное развитие на российской почве в силу широкой социальной базы. Однако невозможность реализации социалистических теорий, какими бы привлекательными, на первый взгляд, они не казались, заключается в том, что капитализм и социализм не являются последовательно достижимыми ступенями в развитии общества, а возникают одновременно и действуют параллельно, как две тенденции современной цивилизации.

Кроме социалистической оппозиции в России была и центристская. Очагами либерального движения в 1880-1890 гг. были земства, университеты, различные органы печати. В начале царствования Александра III (1861-1894 гг.) либералы активно выступали за созыв общероссийского представительства. Земское движение было представлено легальными организациями, выступавшими за свободу совести, печати, соблюдение законности и т.п. По случаю коронации Николая II (1894-1917 гг.) ряд земств в приветственных адресах ратовали о принятии Конституции.

Объективные причины назревших перемен в России на рубеже XIX – XX вв. сопровождались субъективной готовностью к этим изменениям. Практически все социальные группы российского общества были недовольны своим положением. Даже дворянство, в своей массе не сумевшее после отмены крепостного права осуществить перестройку помещичьих хозяйств, теряло свои экономические и политические позиции, искало и не находило должной поддержки у правительства. В новых условиях хозяйствования дворянство не устраивал правовой статус привилегированного сословия. Предприниматели требовали устранения бюрократических преград на пути развития торгово-промышленной деятельности и ликвидации разрыва между их растущей экономической мощью и малой долей участия в политической жизни и государственном управлении. Крестьянство было недовольно сохранившимся малоземельем, высокими выкупными платежами и гражданским неравноправием. Правовой статус лиц наемного труда был вообще не определен. Наемные работники промышленных предприятий требовали улучшения условий труда, уменьшения продолжительности рабочего дня. Среди лиц наемного труда особое место занимала интеллигенция (ученые, деятели культуры, просвещения, здравоохранения, инженеры, техники, агрономы и т.д.), которая стремилась к обретению политической свободы и простора своей профессиональной деятельности.

В Российской империи на рубеже XIX – XX вв. были объективные причины вызревания радикальных преобразований, во всех сферах жизни российского общества. Были готовы и исполнители, субъекты радикальной трансформации. Реорганизации требовала сфера государственного управления, структура государственной власти, правовое регулирование меняющихся общественных отношений, совершенствование российского законодательства. Незавершенность реформирования средневековых устоев государственно-правового развития России привела к радикальному разрешению назревших задач в рамках Великой Российской революции 1905-1922 гг.

Отечественное государство и право в условиях Великой Российской революции

Начало XX века ознаменовалось рядом революционных событий, которые происходили в странах, отягощенных путами средневековья. Изменение монархического устройства, земельных отношений – главные задачи этих революций на пути перехода к цивилизациям Нового времени. Задача социальной защищенности трудящихся была стержневой в программных документах ряда политических движений и партий, в первую очередь, социалистической направленности. Такими революциями были: иранская (1905-1911 гг.), российская (1905-1922 гг.), младотурецкая (1908 г.), мексиканская (1910-1917 гг.), синьхайская в Китае (1911-1913 гг.), кемалистская в Турции (1918-1923 гг.), германская (1918-1919 гг.), австрийская (1918 г.).

В России в 1905-1922 г. произошла Великая Российская революция, инициируемая вышеназванными причинами. В своем развитии она прошла *три* этапа: 1 этап – становление конституционной монархии (январь 1905 г. – февраль 1917 г.); 2 этап – формирование республиканской формы правления (февраль – октябрь 1917 г.); 3 этап – становление советской государственности (октябрь 1917 г. – 1922 г.).

На первом этапе революции произошли коренные изменения в природо государственного строя. Однако в историко-правовой науке не сложилось однозначной оценки этих преобразований. Например, по мнению большинства дореволюционных российских правоведов (П.Б. Струве и др.) самодержавный строй в России с принятием Манифеста 17 октября 1905 г. и «Основных законов Российской империи» в новой редакции от 23 апреля 1906 г. прекратил свое существование, и Россия в последнее десятилетие существования империи была конституционной монархией. «Основные законы» являлись конституцией сопоставимой с конституциями ряда стран мира [16, с.7; 17, с.172-173].

Ряд отечественных историков и правоведов советского периода (Н.П. Ерошкин, Г.Б. Гальперин и др.) видели в «Основных законах» – «монархическую конституцию», в Государственной думе – псевдопарламент, государственное устройство России характеризовали как абсолютизм, прикрытый лжеконституционными формами [2, с.258-260; 1, с.129].

Распространенной является точка зрения (профессор В.М. Курицын и др.), что в результате государственных реформ начала XX в. в России установилась дуалистическая монархия – одна из разновидностей конституционной монархии, переходная форма от абсолютной к парламентской монархии. В дуалистической монархии за короной сохранилась вся исполнительная и значительная доля законодательной власти, полномочия парламента были ограничены вопросами законодательства и вотирования бюджета (его одобрения или отклонения). Народное представительство и монарх с подчиненным ему правительством составляли два «центра власти», находящихся в подвижном и неустойчивом равновесии [6, с.14].

Важно заметить, что провозглашенные в России конституционные принципы слабо воздействовали на практику государственного управления. Центральная исполнительная власть и местная администрация нередко действовали вне контекста новой правовой реальности. Либеральный общественный деятель того времени П.Б. Струве писал: «Юридически, или в праве, русская конституция, несомненно, существует, потому что она вписана в Манифест 17 октября и в Основные законы. Но... в правосознании... властивующих, правящих сил России конституции еще не существует... Таков сложный рисунок нашей политической действительности: конституция существует в праве (законе) и отсутствует в жизни» [18, с.163].

Заметим, что в этой своеобразной обстановке ставились и разрешались некоторые задачи, породившие революцию. Так, например, был сделан серьезный шаг по превращению крестьян в земельных собственников и самостоятельных хозяев (аграрная реформа П.А. Столыпина, разрушившая крестьянскую общину), правда, помещичье землевладение осталось не затронутым. Определенные шаги были сделаны и в улучшении социального положения низов (в ряде отраслей промышленности и сельскохозяйственном производстве повышена оплата труда, легализованы профсоюзы).

Важнейшим достижением первого этапа революции было дарование свободы создания союзов и проведения собраний (Манифест 17 октября 1905 г.). В России вышли из подполья или вновь образовались около 150 политических движений и партий. Многие оказались однодневками, но такие как: консервативно-монархические, типа «Союза русского народа»; консервативно-либеральные «октябристского» толка; либеральные, конституционно-демократические (kadеты); партии неонародников (эсеры, энесы, левые эсеры); социал-демократические (меньшевики, большевики) активно включились в политическую и государственную жизнь страны.

О трудностях развития Великой Российской революции на ее первом этапе свидетельствует принятие нового избирательного закона 3 июня 1907 г. Император сделал это единолично, без согласия Думы, чем грубо нарушил закон. Была создана третьяеюньская политическая система, в рамках которой осуществлялось наступление на завоевания революции, что стало причиной нового революционного обострения обстановки в стране, которое началось в 1912 г. и переросло во второй этап революции.

Дистанция, обозначившаяся между закрепленными в законодательных актах правовыми нормами и их практической реализацией, породила серьезные диспропорции в российской политической действительности, что стало важнейшей предпосылкой нарастания революционных событий, вхождения их во второй этап развития, наряду с причинами, вызвавшими начало Великой Российской революции, и не решенными на ее первом этапе.

Толчок к дальнейшему развитию революции стала Мировая война 1914-1918 г. Это было военное столкновение ведущих держав мира в борьбе за цивилизационное первенство. Подготовка и

участие в войне диссонировало с теми задачами, которые решала Россия. Война требовала дополнительных мощных материальных вливаний, вела к определенному свертыванию прорастающей демократии. К 1917 г. острота противоречий достигла критической точки.

Таким образом, на первом этапе Великой Российской революции власть как бы замахнулась, но не разрубила узел все обостряющихся цивилизационных противоречий. Наступил второй этап революционных преобразований в России, этап формирования республиканского строя (февраль – октябрь 1917 г.).

Половинчатость изменения властных структур в параметрах, характерных для первой фазы современной цивилизации (конституционная монархия), породила необходимость создания новой формы правления, присущей второй фазе цивилизации нового времени – республики. Февральские революционные события 1917 г. завершили длительный период развития монархической России. Примечательно, что с нарастанием кризиса отрицательное отношение к монархии проявилось в деятельности даже тех партий (октябристы, кадеты), в программах которых изначально фиксировалось требование установления конституционной монархии. Участие кадетов в парламентской, а затем и в правительственный деятельности способствовало установлению республиканской формы правления. Мало того, даже монархические партии выступили против монархической формы правления. Например, один из участников делегации, которая направлялась к Николаю II для подписания акта отречения от престола, был, казалось бы, последовательный монархист В.В. Шульгин.

Глубину вынуждения объективной необходимости свержения самодержавия в России подтверждает тот факт, что отречение императора состоялось достаточно легко и обошлось без инцидентов. После отречения от престола Николая II и его брата – Михаила Александровича в Манифесте от 3 марта 1917 г. предоставлялось право решить вопрос о форме власти в стране будущему Учредительному собранию. Это было предложение, которое восприняло большинство граждан России. Однако события складывались так, что созыв Учредительного собрания откладывался на неопределенный срок, а становление республиканской формы правления происходило во взаимодействии двух политических центров – Временного правительства и Советов. Причем, официальным высшим органам власти в стране было Временное правительство. Однако серьезную конкуренцию ему составляли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Двоевластие длилось с февраля по июль 1917 г. По мнению В.И. Ленина, двоевластие выражало переходный момент в развитии революции. Причем, большевики считали, что именно Советы должны были реализовать республиканскую форму правления в России. В.И. Ленин говорил, что не парламентская республика, а республика Советов – приемлемая для России форма правления [9, с.115].

Борьба за власть является неотъемлемой чертой всякой революции. На втором этапе Великой российской революции, в марте-октябре 1917 г. сменяют друг друга на политическом Олимпе различные силы. Пришедшие к власти на гребне февральских событий (крах конституционной монархии) центристские политические силы вынуждены были с апреля делить власть с умеренными социалистами. Далее с июля умеренные социалисты набирают политический вес. Центристы же, предлагая в августе введение диктатуры в стране, были на некоторое время отстранены от власти. С конца сентября своими нерешительными действиями центристы и умеренные социалисты во многом способствовали приходу к власти радикальных социалистических сил в октябре 1917 г.

На втором этапе Великой российской революции была осуществлена реализация определенных целей и задач, обозначенных цивилизационным кризисом. Была ликвидирована дуалистическая монархическая система и 1 сентября 1917 г. Россия стала республикой [14, с.16]. Однако на этом этапе революции политический плюрализм, как неотъемлемая черта демократии стал серьезной преградой на пути рационального разрешения кризисной ситуации. Партия большевиков, например, в борьбе за власть отказалась от мирного развития, бойкотируя участие в работе Временного совета республики (предпарламента).

Необходимо подчеркнуть, что большевики были единственной партией, которая, выдвигала лозунги, понятные, отвечающие чаяниям трудящегося и эксплуатируемого народа: «Земля крестьянам», «Хлеб голодным», «Мир народам», «Фабрики и заводы рабочим», «Власть Советам» и т.п. Причем, конкретной программы их реализации у большевиков не было.

С февраля по октябрь 1917 г. шел поиск решения проблем государственного и правового развития в процессе формирования республиканского строя. Однако в октябре 1917 г. закончился

второй этап Великой Российской революции и начался третий этап ее развития, этап становления советской государственности. Причины такого поворота кроются в нерешительной, выжидательной политике Временного правительства.

В рамках третьего этапа Великой Российской революции, этапа становления советской государственности (октябрь 1917 – 1922 гг.), удалось разрешить многие из назревших цивилизационных противоречий: ликвидировать средневековое наследие и достигнуть определенного баланса между капиталистической и социалистической тенденциями в развитии современной цивилизации. Проводниками решения этих задач стали большевики. 25 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов был осуществлен переход власти в руки Советов.

Произошло разрушение средневековых устоев. Декретом «О земле» от 25 октября 1917 г. было ликвидировано помещичье землевладение, а, следовательно, были устраниены экономические условия существования помещичьего сословия. Декретом «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 10 ноября 1917 г. отменялось средневековое сословное деление российского общества, все население приобретало единое наименование – граждане Российской Республики. Декретом от 5 февраля 1918 г. церковь отделялась от государства, провозглашалась свобода совести, школа отделялась от церкви.

Будучи социалистической партией, большевики провозгласили своей целью построение социализма и начали ожесточенную борьбу с капиталистической тенденцией современной цивилизации. В.И. Ленин назвал этот период «красногвардейской атакой» на капитал и даже критиковал чрезмерные усилия власти по национализации частной собственности [10, с.177]. В декабре 1917 г. были национализированы банки, в январе 1918 г. морской и речной флот, в апреле вводилась монополия внешней торговли, в июне началась национализация крупных промышленных предприятий.

В ходе октябрьских революционных событий было низложено Временное правительство и распущен «Временный совет республики». В.И. Ленин отверг модель конституционно-правовой (парламентской) демократии в пользу неограниченной (плебисцитарной) демократии Советов. Диктатура пролетариата мыслилась им как власть, опирающаяся на насилие, на прямое волеизъявление революционного народа, вырастающая из местного самоуправления низших слоев общества – Советов и осуществляющая господство большинства над меньшинством. Решающей фазой установления диктатуры пролетариата стал разгон Учредительного собрания 6 января 1918 г. Это был политический акт установления диктатуры пролетариата, диктатуры партии большевиков, за ним последовала серия мер по установлению диктатуры в экономике, получившей название «военного коммунизма» (хлебная монополия, продовольственная разверстка; национализация всей промышленности; всеобщая трудовая повинность). Такая политика неизбежно привела к нарушению товарно-денежных отношений. Заработная плата выдавалась в натуральном виде, бесплатными стали коммунальные услуги, транспорт, связь.

Такая политика в значительной мере вызывалась чрезвычайными условиями военного времени, ведь становление советской государственности происходило в условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

В ходе революции советское правительство наряду с другими важнейшими задачами своеобразно, на определенное время решало и задачу социальной защищенности беднейшего крестьянства и рабочего класса. Развалив до основания систему свободной конкуренции между различными формами собственности (капитализм), оно провозгласило принцип социальной защиты для общественных низов, гипертрофированно развиво социальную тенденцию.

Решая социальные проблемы, советская власть упустила из вида, что их решение невозможно без материальных ресурсов, которые могут быть созданы только на основе развивающейся капиталистической тенденции. В конце 1920 г. в республике Советов разразился серьезный кризис, который был и экономический, и политический, и социальный одновременно. В ходе Великой Российской революции, осложненной Мировой войной 1914-1918 гг., а на ее третьем этапе еще и гражданской войной и иностранной интервенцией, экономика России была разрушена.

В советской России один за другим закрывались крупнейшие промышленные предприятия (Путиловский и Обуховский заводы и др.). Эти процессы сопровождались ломпенизацией

значительной части рабочего класса. В России, например, эта, и так малочисленная социальная группа, сократилась до 11,3 % населения с 14,6 % в 1913 г. [15, с.11].

Обвальная ситуация сложилась в элитарных и средних слоях российского общества. Эти социальные группы были уничтожены: полностью были лишены прежнего материального благосостояния, часть из них подверглась физическому уничтожению, многие были изгнаны из страны или эмигрировали. Они подверглись деклассированию, пополнили социальные низы. Страна голодала. Все, что было создано на основе конкуренции между различными формами собственности (капитализм) было, «справедливо» распределено (социализм) и употреблено обществом.

Политический кризис выражался в выступлениях населения против существующей власти (Кронштадтский мятеж, восстание в Тамбовской губернии и др.), причем главным требованием восставших было «Советы без коммунистов» (на VII съезде в марте 1918 г. РСДП (б) получила название Российской коммунистической пария большевиков РКП (б)).

Выход из сложившейся катастрофической ситуации был найден в предложенной В.И. Лениным в 1921 г. новой экономической политики (НЭП) [8, с.65-66]. Ее суть заключалась во введении рыночных отношений, т.е. базы для развития капиталистической тенденции современной цивилизации. Так Россия приобрела опыт налаживания равновесия между капиталистической и социалистической тенденциями в развитии современной цивилизации.

И все же, в таких сложных условиях советская власть, возглавляемая большевиками, успешно прошла этап своего становления. Отметим, что на территории России в ходе третьего этапа Великой Российской революции действовали несколько государственно-политических центров, претендующих на верховную власть. Наиболее значимыми были: петроградско-московский, сибирский, южно-российский. Одним из факторов победы петроградско-московского правительства в борьбе этих центров, вне всякого сомнения, явилась удачная манипуляция социалистическими лозунгами, привлекавшими к себе широкие слои населения России.

Другим, не менее существенным фактором выступает своевременный переход властных структур от демократических форм правления к диктаторским и обратно к демократическим. История революций подтверждает, что завоевать власть можно, только успешно оперируя демократическими лозунгами, а удержать ее можно только в условиях диктатуры. Ранее других установило диктатуру петроградско-московское правительство (январь 1918 г.) и позднее других отказалось от нее (март 1921 г.). Сибирское же и южнороссийское правительства осуществляли правление в рамках диктатуры в более узких временных рамках (соответственно ноябрь 1918 г.- ноябрь 1919 г., август 1918 г.- март 1920 г.). Это, по всей вероятности, послужило одной из важных причин победы петроградско-московского правительства большевиков в гражданской войне и установления именно советской власти на всей территории России.

В ходе Великой Российской революции были решены многие задачи выхода из средневековья и успешного продвижения России по пути современной цивилизации.

Трансформация государственности и права в СССР

Одной из проблем цивилизационного развития, эпохи перехода современных цивилизаций в акматическую фазу была задача трансформации сложившихся на первой 300-летней фазе подъема цивилизации нового времени (XVII-XIX вв.) имперских форм национально-государственного устройства. Наряду с российской империей, этот вопрос стоял перед турецкой Османской и австро-венгерской империями. Острота этой проблемы для России вытекала из того, что правительство в начале XX в. осуществляло курс на свертывание национальных автономий (например, в Финляндии). В ходе революционных событий начала XX в. произошел окончательный развал турецкой и австро-венгерской империй. В России же потенциал цивилизационного развития на втором этапе эволюции современной цивилизации оказался недостаточно сильным для решения этой проблемы, империя возродилась почти на всей отечественной территории в виде СССР в 1922 г., и частично распалась только в 1991 г.

Сложность реформирования государственности и правой системы в СССР связана с постепенной подменой государственных органов партийными. В политической системе Советского Союза большевистская партия (РКП (б) – ВКП (б) – КПСС) была правящей и единственной партией, роль которой в жизни государства возрастила и фактически, и формально. Это происходило потому, что в итоге революционных и военных катализмов начала XX в. все существовавшие в стране партии утратили свои социальные базы, т.к. российское общество оказалось расструктурированным.

Люмпенизированное, деклассированное советское общество представляло собой однородную массу, главной целью которой было выжить и прокормить свои семьи. Правящая партия большевиков предложила народу программу удовлетворения насущных потребностей. Лишившись социальной базы, другие партии начали увядать. Их запрещали, устраивали над их членами показательные суды. Необходимо отметить, что, оставшись без социальной базы, партии были обречены исчезнуть с политического горизонта даже в том случае, если бы против них не велась целенаправленная борьба.

Социальная разбалансированность в СССР сопровождалась освобождением множества социальных ниш, в том числе престижных. Это привело в движение советское общество. Социальные низы устремились на вакантные места во властных структурах, что явилось мощным энтузиазмическим фактором, на десятилетия обеспечившим динамичную эволюцию советского общества [7, с.26]. Причем, общественно полезный труд давал человеку возможность продвижения по социальной лестнице. Так работал механизм социальной мобильности «по вертикали». Все это требовало совершенствования работы структур советского государства и его правовых институтов. Возможность поработать на совесть и занять престижные места активно стимулировалась правящими верхами. Это особенно ярко проявилось в стахановском движении. Передовики производства выдвигались в высшие органы государственного управления, при этом менялся не только их социальный статус, но и материальное положение. На этой основе в СССР складывалась партийно-государственная номенклатура.

Именно энтузиазмический фактор стал рычагом развития утверждающегося тоталитарного политического режима в СССР, в условиях, когда не работали экономические рычаги. В утверждении тоталитаризма в СССР не последнюю роль сыграла устойчивая традиция всеобъемлющей репрессивной организации российского общества и государства. Беря свое начало в средневековье, она ярко проявлялась не только в управлеченческих структурах средневековой России, но и Советском Союзе, где, например, сталинское Политбюро по своей роли, значению и другим чертам напоминает придворный совет при абсолютном монархе.

Казалось бы, Великая Российская революция покончила с наследием средневековой цивилизации, однако в определенные периоды истории средневековый потенциал берет свое, его методы используются руководством страны. В чистом виде Россия прошла две фазы, т. е. 600 лет средневековой цивилизации, и после этого вступила в цивилизацию современную, в рамках которой проявляются признаки нереализованных трех фаз средневековья.

Для советской тоталитарной системы характерен ряд черт. Во-первых, это наличие однопартийной политической системы, возглавляемой харизматическим лидером. Все другие политические партии или их бывшие сторонники жесткими мерами удалялись с политической арены. Интенсивно формировалась номенклатура, которая, с одной стороны, служила социальной базой режима, с другой стороны, выступала в качестве носителя власти.

Во-вторых, важным элементом тоталитаризма является безальтернативная идеологическая система (в СССР социалистическая). Ее господство поддерживалось введением жесткой монополии на средства массовой информации. Тоталитаризм характеризовался также жесткой всеобъемлющей системой террористического полицейского контроля над обществом. В СССР для противников и нейтральных общественных сил создавались многочисленные концентрационные и трудовые лагеря. Входила в практику система внесудебного принуждения.

В-третьих, для тоталитарной системы характерна жесткая централизация управления экономикой. Ее основой стала административно-командная система управления. Эта система складывалась из умаления роли Советов, превращения Советов из власти трудящихся во власть для трудящихся; из чрезвычайно широкой трактовки понятий «закон» и «законодательство» (силу закона получали постановления правительства и даже решения партийных съездов); из применения методов и приемов управления, основанных на массовых репрессиях и внесудебном принуждении; из номенклатурного принципа управления и, наконец, из сращивания партийного и государственного аппарата.

В рамках тоталитарной политической системы усиливалась централизация власти, сужались федералистские тенденции в государственном устройстве. Страна привыкала к двойной формальности: системе норм права, оформленных актами-документами ВКП (б), и системе норм права, оформленных актами-документами представительных органов государственной власти.

Они совпадали не всегда. Причем приоритетными были именно нормы, созданные в недрах партии, что собственно и закреплялось в Конституции СССР 1936 года. Централизация государственной власти выразилась и в прямом указании места и роли ВКП (б) в стране. В статье 126 Конституции 1936 г. был закреплен ее особый статус: «руководящее ядро всех организаций, как общественных, так и государственных»[5].

Значимым компонентом тоталитаризма является милитаризация общества. Россия, потерпев поражение в Мировой войне 1914-1918 гг. и оказавшись в политической изоляции после окончания Великой Российской революции, нуждалось в укреплении своего военного потенциала. Тем более, что ведущие мировые державы включились в цивилизационную гонку за лидерство в мировом процессе и стремительно наращивали военную мощь. Советский союз не только не отстал от лидеров, но смог за короткое время воссоздать вооруженные силы на уровне новейших военно-технических достижений. Не последнюю роль в этом сыграло изыскание средств для перевооружения армии и флота. Такие средства были получены от проведения индустриализации страны, а также коллективизации, проведенной с использованием средневековых методов (страна вновь вернулась к крепостному праву в особой форме). Несмотря на серьезные, а порой и страшные издержки внутренней политики СССР в 1930-е гг. были созданы «мощный щит и меч», обеспечившие победу советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Развитие советского государства и права в послевоенный период проходило в условиях «холодной войны». Начался новый виток в эволюции военной техники и бурное соревнование в наращивании вооружений. СССР не уступал в гонке вооружений своим соперникам. В результате совместными усилиями Великих держав было создано такое количество запасов ракетно-ядерного оружия, с помощью которых можно было несколько раз уничтожить все человечество.

В процессе идеологического противоборства усиливается нажим правительства СССР на демократические силы внутри страны. Кроме того, только принадлежность к коммунистической партии давала право занимать руководящие посты и выполнять работу в престижной идеологической, культурно-просветительной сфере. В скором времени после войны в СССР развертывается массированная кампания гонений на демократическую интеллигенцию. Начинается новая волна репрессий, фабрикуются громкие политические дела.

Однако по завершению первого послевоенного десятилетия СССР идет на смягчение конфронтации внутри страны, и этот период получил название «оттепель». Для этой ступени развития советского общества была характерна демократизация общественной жизни, в Советском Союзе прекращаются массовые политические репрессии.

Развитие военно-промышленного потенциала мировых лидеров и их партнеров происходило на основе производства жесткого индустриального типа. Такой тип производства характеризуется расточительным использованием материально-технических ресурсов, применением конвейерной системы труда на гигантских промышленных объектах, функционирующих на основе электромеханических систем. В этом процессе СССР занимал лидирующие позиции.

Однако совокупность означенных факторов привела к возникновению глобальных проблем человечества. Это проблемы войны и мира, экологическая, продовольственная, сырьевая, демографическая и другие, их вызревание ставило мир на грань катастрофы. Гибель человечества становилась почти неизбежной. Члены Римского клуба (международной организации виднейших ученых, в т. ч. и советских) предрекли ее к началу 90-х гг. XX столетия, если не будут решены глобальные проблемы [19, с.45,89,208-210; 13, с.14,44,55-56,183-185,215,224].

По всей вероятности, это бы и произошло, но государства нашли силы отойти от края пропасти. На смену жесткому индустриальному типу производства начала приходить индустрия высоких технологий. Ее составляющими являются применение электронной техники, ресурсосберегающих технологий, отказ от гигантских производственных единиц, неспособных динамично учитывать интересы потребителей, использование принципов стратегического менеджмента и персонифицированного маркетинга. Это позволило избежать на тот момент мировой экологической катастрофы. Однако модернизация индустриальных обществ во многом шла за счет слаборазвитых стран, куда выводились экологически вредные производства.

Технологический прорыв удалось осуществить далеко не всем странам. Для западного мира толчком для массового перехода к использованию новых технологий послужил нефтяной кризис 1973

г. Советский Союз, обладающий крупнейшими запасами нефти, не ощутил негативного влияния этого кризиса. Наоборот, экономика СССР получила существенную подпитку в связи с почти двадцатикратным повышением цен на это сырье. Такая благополучная ситуация была одним из факторов, затормозивших процесс модернизации экономики.

Для СССР ребром встало и проблема передачи высоких технологий из военно-промышленного комплекса в гражданские отрасли. К середине 1980-х гг. советская экономика вошла в глубокий кризис. Необходимо отметить, что кризисные явления наблюдались во всех сферах жизни советского общества. Одной из главных причин этого было исчерпание внутреннего, энтузиазмического фактора развития.

Причины кризиса советской государственности и права. Предпосылки возрождения России.

Уже в 1960-е гг. становилось очевидным, что возможность продвижения по социальной лестнице в СССР исчерпана. Необходимое соотношение между элитой, средними слоями и низами общества в социальной структуре было достигнуто. Произошло закостенение социальных границ, особенно между элитой и средними общественными слоями. Свободных мест в верхнем социальном эшелоне, куда раньше мог привести энтузиазмический фактор, больше не было. Внутри элиты также возникла проблема социального продвижения.

Тоталитарный режим, административно-командная система управления с номенклатурным принципом замещения руководящих должностей не позволяла продвигаться по социальной лестнице на основе добросовестного труда. Ответственные работники не только оставались в элите (номенклатуре) пожизненно, но и (пользуясь «телефонным правом» и т.п.) передавали свою привилегированность по наследству.

Общественно полезный труд не мог теперь обеспечить социальный рост. Верхи погрязли в коррупции. Рядовые труженики, не имеющие возможности социального роста, зачастую скатывались на общественное дно, более же жизнестойкие для улучшения своего материального положения расхищали государственное имущество. Так тоталитаризм в советском государстве изжил себя, выполнив свою историческую задачу. Советское общество оказалось в состоянии «застоя», в недрах которого вызревали перемены.

С середины 1960-х гг. до середины 1980 гг. Советский союз постепенно, но неотвратимо вплзал в политический, экономический, социальный и идеологический кризис. Выдвинутая в 1961 г. программа построения коммунизма буквала и была заменена постулатом построения развитого социализма, но вскоре стала ясна несбыточность этого проекта. Дело было в том, что само коммунистическое движение вошло в полосу системного кризиса. В середине 1970-х гг. ряд западных коммунистических партий поддержали выдвинутую испанскими коммунистами идею еврокоммунизма, опирающуюся на плюрализм в экономике, политике и идеологии [23; 3]. Это означало допуск в экономику всех форм собственности, возможность многопартийной системы в политике, свободу, вплоть до исповедования религиозных ценностей – в идеологии. Для классической коммунистической идеологии это был откат вправо на позиции социал-демократизма. Но эта затея провалилась, потому что «золотое тридцатилетие» социал-демократического движения, давшее значительные плоды, уже завершилось, и надо было идти в другом направлении в поисках спасительного эликсира, способного воскресить идеи и практику коммунизма. Коммунистические методы управления, работавшие в Советском союзе несколько десятилетий, порождали в условиях «застоя» в лучшем случае иждивенчество, в худшем «теневую экономику».

Именно в условиях жесткого регулирования со стороны государства всех сфер жизни, в том числе экономической, создавалась благоприятная почва для роста теневой экономики. Предприимчивые люди манипулировали общественными фондами, извлекали из них материальные ресурсы и направляли их в теневой сектор экономики. К концу 1970-х гг. продукция теневой экономики составляла 30 % валового национального продукта СССР, в теневом секторе было занято около 20 % рабочей силы [12, с.189].

С середины 1980-х гг. до середины 90-х гг. в СССР разворачиваются реформы, призванные обновить общество, его государственные и правовые институты и обеспечить дальнейшее цивилизационное развитие. Эти реформы получили название перестройки, их суть заключалась в обеспечении перехода от мобилизационных тоталитарных форм к демократическим формам эволюции.

Сложность реформаторского процесса советской цивилизации лежала в русле наложения эволюции индустриальной цивилизации на невостребованные реалии средневековья. Для успешного решения задач цивилизационного развития советское общество опиралось, в определенной степени, на эти реалии. Так, например, возродилось использование церкви (института средневековья) в качестве полноценного аппарата современной общественной системы.

Причины и основное содержание трансформации государственности и правой системы в СССР и постсоветской России можно проанализировать с позиций изучения ритмики эволюции цивилизаций. Это связано с элементарными – 60 и 12-летними ритмами исторического процесса, которые изучались видными отечественными учеными, соответственно, Н.Д. Кондратьевым и А.Л. Чижевским [4; 20; 21; 22], как раз на начало 1980-х гг. пришла грань между двумя 60-летними ритмами: ритмом 1922-1982 гг. и 1982-2042 гг. Внутренняя структура каждого 60-летнего ритма имеет одинаковый характер. Она складывается из пяти 12-летних подритмов. Сопоставление разных 60-леток позволяет говорить о том, что каждое 12-летие внутри 60-летнего ритма отличается специфическим состоянием развития общества, государства и права. Эти состояния дают следующий эволюционный ряд: реформы - стабилизация - волнения - оппозиция - война. Так, если результатом 1970-х гг. для российской цивилизации явилось вступление в афганскую авантюру, то начало 1980-х - первая половина 1990-х гг. - период реформ. В рамках этого периода произошел развал Советского Союза. СССР выполнил свою историческую миссию. Начался поиск новых форм государственного единства, повлекший за собой кризис 1991 г., и успешно завершившийся образованием ряда независимых государств, в том числе и Российской Федерации на территории постсоветского пространства. Важной вехой в выборе дальнейшего пути развития России стало принятие в 1993 г. Конституции РФ.

Приблизительно в конце 1995 г. российское общество вступило в полосу стабилизации, которая набирала силу последующие 12 лет. Преодолевая трудности, Российская Федерация достаточно успешно развивалось, решая серьезные экономические и социальные проблемы, преодолевая межнациональные конфликты.

Однако с 2007 г. России потребовались дополнительные усилия, чтобы сохранить стабильность в обществе. Этот процесс осложнился начавшимся в конце 2008 г. мировым финансово-экономическим кризисом. Как предсказывают аналитики, кризис и его последствия будут ощущаться приблизительно до 2020 г., когда завершится очередной 12-летний ритм. Руководство Российской Федерации в этих условиях разработало и приступило к осуществлению антикризисных мер, которые представляют целый комплекс мероприятий политического, экономического, социального, психологического, культурного характера, в их числе меры по социальной поддержке населения России, а также реформы в области совершенствования государственности и правового регулирования общественных отношений.

Библиографический список:

1. Васильев Н.И., Гальперин Г.Б., Королев А.И. Первая российская революция и самодержавие. Государственно-правовые проблемы. Ленинград, 1975;
2. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968;
3. Кара-Мурза С. Г. Евреи, диссиденты, еврокоммунисты. М., 2002;
4. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002;
5. Конституция СССР 1936 года. Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1936, № 283. 6 декабря;
6. Курицын В.М. История государства и права России. Краткий конспект лекций. Санкт-Петербург. 1994;
7. Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Т.39;
8. Ленин В.И. Доклад X съезду РКП (б) о замене разверстки натуральным налогом. Полн. собр. соч. Т. 43;
9. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции (апрельские тезисы). Полн. собр. соч. Т. 31;
10. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т.36;

11. Литвинов-Фалийский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. М., 1904;
12. Михайлова Н.В. Познание истории: ключ к прошлому, настоящему, будущему. М., 1999. С.189.
13. Печчеи А. Человеческие качества. М. 1980;
14. Постановление Временного правительства от 1 сентября 1917 г. «О провозглашении России республикой» // История России. 1917-1940. Хрестоматия / Сост. В.А. Мазур и др.; под ред. М.Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993;
15. Селунская В.М. социальная структура советского общества. История и современность. М., 1987;
16. Струве П.Б. Введение к проекту Основного закона Российской империи. Париж. 1906;
17. Струве П.Б. Консерватизм интеллигентской мысли. Размышление о русской революции // Русская мысль. 1907. Кн. VII. Ч. 2. Июль;
18. Струве П.Б. Оздоровление власти // Русская Мысль. 1914. Кн.11. Ч.2. Февраль;
19. Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980;
20. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь, М., 1973;
21. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях солнца. Гелиотараксия. М., 1995;
22. Чижевский А.Л. Физические факторы исторического процесса. М., 1924.
23. CarrilloSantiago. 1977. Eurocomunismo. Madrid.

Mikhailova N.V. Transformation of Russia's statehood and law at the end of the XX century and the early part of the XXI century: the reasoning of the process.

The characteristic of the basic conditions development of the Russian society and the state within the existence of medieval and modern civilization's features was given in this article. The process of changing the format of public administration in Russia in connection with the evolution of capitalist and socialist trends was described, the stages of development of the Great Russian revolution in 1905—1922 were presented. The key periods of the Soviet statehood development were analyzed.

Key words: civilizational crisis, the Great Russian revolution, socialist and capitalist trend, enthusiastic factor, the rhythms of the historical process.

УДК347.451

С.Г. Бунина

Потребительское право России: зарождение основ и эволюция элементов

Аннотация:

На протяжении всей истории развития российского государства изменялся правовой статус субъектов потребительских отношений, трансформировались формы защиты прав потребителей, усложнялась ответственность. Теоретико- и историко-правовой анализ позволяет выявить эффективные юридические средства воздействия на потребительские отношения и выработать рекомендации по совершенствованию законодательства в сфере защиты прав потребителей.

Ключевые слова: потребительское право, права потребителей, торговое право, договор розничной купли-продажи, защита прав потребителей

Об авторе: Бунина Сона Григорьевна, кандидат юридических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета социальных и гуманитарных наук; раб. тел.: (496) 216-60-14; эл. почта:sona@mail.ru

Природа потребительских отношений, развитие элементов товарно-денежных отношений, а также правосознание потребителей, взятые во взаимосвязи и взаимообусловленности, выступили в качестве определяющих факторов, способствовавших появлению и эволюции общеобязательных формально-определенных правил в сфере защиты прав потребителей. Как целостное явление потребительское право стало формироваться на излете советской государственной и советской правовой системы. 22 мая 1991 г. Верховным Советом СССР был принят Закон СССР «О защите прав потребителей» [1,389], важнейшей составляющей которого явилось наличие механизмов реализации установленных правовых норм. Закон не требовал принятия подзаконных актов, более того, запрещал принятие ведомственных документов, затрагивающих интересы потребителей. Закон СССР содержал много положений, которые не были разработаны в действующем в то время гражданском законодательстве, в частности, закреплял право граждан на компенсацию за причиненный моральный вред. В связи с распадом Советского Союза этот закон так и не вступил в силу. Однако 7 февраля 1992 г. в Российской Федерации был принят аналогичный Закон «О защите прав потребителей» [2, 47], положивший начало становлению российского потребительского права. Юридическая наука и практика еще не пришла к единому мнению о том, стало ли потребительское право комплексной самостоятельной отраслью права [3, 180], или является подотраслью гражданского права [4, 115], которая регулирует отношения, вытекающие из договоров розничной купли-продажи, оказания услуг и выполнения работ, одной из сторон которых является физическое лицо — потребитель. В любом случае потребительское право, будучи комплексной отраслью права или подотраслью гражданского права, есть система правовых норм, регулирующая отношения по удовлетворению материальных, духовных и иных потребностей граждан.

Предметом правового регулирования потребительского права являются отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, продавцами соответственно при выполнении работ, оказании услуг, при продажи товаров. Метод потребительского права — это метод государственно-правового протекционизма (покровительства, защиты, поддержки, охраны) законных прав и интересов потребителей, установления юридической ответственности за нарушение прав потребителей.

Задача прав потребителей представляет собой деятельность государственных органов, общественных организаций и самих потребителей, направленную на восстановление, компенсацию, а также устранение препятствий для дальнейшей реализации прав потребителей.

Она осуществляется посредством применения совокупности элементов защиты (формы, содержания, средств и способов) в определенном законом порядке.

Первой формой защиты прав потребителей была церковная защита (контроль за правильностью мер и весов — Устав князя Владимира 996 г. [5, 143], Устав Новгородского князя Всея России 1136 г. [5, 187]. Начиная с XVI в., ведущее место среди прочих форм, занимала государственная защита, имевшая целью пресечение действий, нарушающих права потребителей или создававших угрозу их нарушения. Наиболее распространенным способом защиты прав потребителей было восстановление положения, существовавшего до нарушения права (право потребителя потребовать расторжения договора купли-продажи в случае передачи ему товара ненадлежащего качества). В дальнейшем возникали новые способы, такие как: возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация морального вреда. Важную роль приобретают административная и судебная способы защиты.

Говоря об эволюции содержания прав потребителей, необходимо подчеркнуть, что первым, законодательно закрепленным правом потребителя в России, было право на установленное договором количество товара, которое гарантировалось охранительными нормами, наделяющими церковь правом контролировать правильность мер и весов. О возникновении права потребителя на надлежащее качество товара свидетельствует статья 118 Псковской судной грамоты 1467 г. Норма устанавливала правовые последствия продажи некачественного товара, а именно — возможность покупателя расторгнуть договор купли-продажи коровы, в случае если она впоследствии оказалась слабой, болезненной. Условия действительности договора купли-продажи устанавливались нормами обязательственного права, статья 114 Псковской судной грамоты закрепляла, что «делка, заключенная во время пирушки, спяни, могла быть признана недействительной, если одна из сторон хотела ее расторгнуть». Порядок установления добросовестности покупателя при приобретении краденой вещи устанавливался Псковской судной грамотой и Судебником 1497 г. Если по Псковской Судной Грамоте для освобождения покупателя от ответственности достаточно было принесения им присяги, то по Судебнику необходимы были показания свидетелей, в присутствии которых была совершена покупка (лишь при их отсутствии, допускалась присяга). Таким образом, институт свидетелей служил важным гарантом закрепленных прав покупателя. Об его эффективности как инструмента доказывания прав потребителей свидетельствует факт его существования и функционирования по сей день.

Права и обязанности сторон договора подряда закреплялись Соборным уложением 1649 г. [6, 57] Норма обязывала исполнителей работ в случае порчи материала заказчика, компенсировать последнему стоимость испорченного имущества (ст. 272, 273). Таким образом, защищались права потребителя — не только стороны договора купли-продажи, но и договора возмездного выполнения работ.

Безопасность товара, гарантированность его качества была следующим законодательно закрепленным правом потребителя: Указ Сената от 18 сентября 1713 г. [7, 16] предписывал «в мясных рядах скотину бить и продавать по прежнему здоровую, а ежели у кого явится больная, то такой не бить и не продавать и смотреть крепко, чтобы тайно того мясники не делали»; статья 366 Устава о питейных сбоях 1817 г. [7, 166] гласила «напитки в продаже должны быть доброкачественные, без вредной для здоровья примеси». Особой обязанностью купцов, установленной Уставом торгового судопроизводства 1872 г., было ведение торговых книг, соответствующих роду торговли (Т. XI ч. 2, статья 669). Эти книги были предназначены для фиксации всех купленных, полученных, проданных и отправленных товаров с обозначением их цен. Такие книги подтверждали факт совершения сделки и выступали в качестве доказательства при спорах с покупателями. Иллюстрацией развития и гарантированности права на надлежащее качество товара являются некоторые правила Свода кассационных положений Правительствующего Сената за 1866-1905 г. Так, важным выступил факт наделения покупателя возможностью в случае ненадлежащего исполнения продавцом своих обязанностей требовать возмещения понесенных убытков (ст. 6784).

Дальнейшее развитие прав покупателя при продаже им товара ненадлежащего качества, находит свое отражение в Гражданских Кодексах РСФСР 1922 [8, 422] и 1964 гг. [8, 435] Однако главной особенностью защиты прав потребителей в советский период явилось то, что в качестве

продавца выступали государственные предприятия, в связи с чем, несмотря на провозглашенные права потребителей, защищались, в первую очередь, права торгующих организаций.

Важное место в развитии потребительского права занимают вопросы юридической ответственности за нарушение прав потребителей. Первыми мерами уголовного характера за использование неправильных весов как формы обмана потребителей, были смертная казнь, телесные наказания, конфискация имущества, арест (Устав князя Владимира 996 г., Устав Новгородского князя Всеволода 1136 г., Артикул воинский 1716 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г.). В кодификации советского уголовного законодательства обман покупателей как самостоятельный состав преступления отсутствовал, это деяние рассматривалось как форма мошенничества. Нормы устанавливали ответственность за нарушение правил торговли (Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.). Обман потребителей с квалифицирующими признаками был отнесен Уголовным кодексом 1960 г. к тяжким преступлениям. В 1982 году Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря были внесены изменения в санкцию состава: исключено наказания в виде лишения свободы за простой обман, а исправительные работы увеличены до 2 лет, введен штраф и обозначен срок лишения права занимать должности в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания, бытового обслуживания населения и коммунального хозяйства. Также, обман потребителей нашел свое развитие в Уголовном кодексе РФ 1996 г.: до декабря 2003 г. действовала норма статьи 200.

Другой вид юридической ответственности за нарушение прав потребителей, гражданско-правовая ответственность, изначально была направлена только на обеспечение надлежащего исполнения обязательств, вытекающих из договоров: законодательство наделяло покупателя правом расторгнуть договор в случае продажи ему товара ненадлежащего качества, либо ненадлежащего исполнения услуг. В дальнейшем меры гражданско-правового характера расширяются возможностью компенсации имущественного и морального вреда, причиненного неисполнением обязательств.

Так, нормы Гражданского Кодекса РСФСР 1922 г. обязывали покупателя в случае расторжения договора вследствие недостатков проданного имущества возвратить его продавцу со всеми полученными доходами, а также вознаградить продавца за ухудшение имущества, кроме такого, которого он (покупатель) не мог предотвратить. Со своей стороны, продавец обязан был возместить покупателю произведенные им необходимые и полезные затраты на имущество, а также возместить понесенные убытки. Ответственность за продажу некачественного товара, независимо от степени значительности недостатка, устанавливал Гражданский кодекс 1964 г.

Правомочия потребителя при покупке товара ненадлежащего качества, нашли свое развитие и в действующем гражданском законодательстве: в настоящее время они достаточно широки, но поставлены в зависимость от вида товара, способа и времени его приобретения.

Так же право потребителя на безопасность товара защищалось применением санкций административно-правового характера, в частности статья 1 гл. 25 Соборного уложения 1649 г. предусматривала штраф за незаконное изготовление вина и его продажу, незаконное содержание питейных заведений. В указе 1718 г. запрещалась продажа «нездорового съестного харча и мертвчины» и устанавливались жесткие меры наказания: «за первую вину будет бит кнутом, за вторую — сослан на каторгу, за третью — учинена будет смертная казнь». А, например, в указе 1722 г. предписывалось «несвежее мясо бросать собакам или велеть закапывать в землю в особых местах, а ежели у кого для продажи явится какая мертвичина и за то таковых быть кнутом и, вырезав ноздри, ссыпать на каторгу на урочные годы». Кодекс об административных правонарушениях от 20 июня 1984 г. [9, 476] содержал ряд норм, устанавливающих штрафы за нарушение правил торговли, продажу товаров ненадлежащего качества или с нарушением санитарных правил. Ответственность за продажу товаров несли лица, непосредственно виновные в этом, а также руководители предприятий торговли.

Развитие мер административно-правовой и гражданско-правовой ответственности, адекватно соотносящихся с причиненным потребителю ущербом при нарушении его прав, привели к декриминализации обмана потребителя — в декабре 2003 г. была отменена статья 200

Уголовного Кодекса РФ [10, 25]. Так в Российской Федерации за нарушение прав потребителей предусматривается только гражданско-правовая и административно-правовая ответственность.

На рубеже ХХ-ХХI вв. появляется тенденция ориентации законодателя на поиск и сохранение разумного соотношения правовых статусов потребителей, продавцов, производителей, изготовителей. Динамика законодательства привела на современном этапе к появлению новых, ранее незакрепленных прав потребителей: на просвещение в области защиты прав потребителей, на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и т.д.

Ключевым документов в данной сфере стал Закон РФ от 07.02.1992 «О защите прав потребителей» [2, 47]. Он регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

Таким образом, законодательное регулирование потребительских отношений прошло длительный путь до становления в современной России потребительского права как подотрасли гражданского права.

Библиографический список:

1. Бунина С.Г. Юридическое обеспечение защиты прав потребителей в России: историко-правовое исследование: дис. . канд. юрид. наук. - Москва, 2009.
2. Ведомости ВС РСФСР, 1984, N 27.
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 «О защите прав потребителей», Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, N 3.
4. Закон СССР от 22.05.1991 № 2184-1 «О защите прав потребителей», Ведомости СНД СССР и ВС СССР, 1991, N 24.
5. Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. I: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / А.А. Зимин.
6. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1. № 1.
7. Райлян А. А. Потребительское право Российской Федерации - специальная комплексная правовая отрасль // Правовое регулирование социально-экономических отношений в условиях реформ / Под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. З. М. Фаткудинова, канд. юрид. наук, доц. З. А. Ахметьяновой - Казань: Издательство «Таглимат» Института экономики, управления и права, 2004.
8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П.. Соборное уложение 1649 года. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961 г.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ. Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25.
10. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917 – 1991 гг. / Под ред. О. И. Чистякова. — М.: Зерцало, 1997.

Bunina S.G. The Consumer Law of Russia: genesis of basics and evolution of elements

Throughout the history of the Russian state the legal status of the subjects of consumer relations is changed, form of consumer protection is transformed, responsibility is becoming more complicated. Theoretical, historical and legal analysis reveals effective legal opportunities to influence on a consumer attitudes and develop recommendations to improve the legislation in the field of consumer protection.

Keywords: consumer law, consumers rights, commercial law, contract of retail purchase and sales, consumers protection.

Памяти мастера

Владимир Петрович Зинченко (1931-2014) – известный в нашей стране и за рубежом психолог, один из создателей инженерной психологии в России. В 1998 г. организовал и до 2007 г. возглавлял кафедру психологии в университете «Дубна», после этого продолжал осуществлять научное руководство кафедрой.

Доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, вице президент Общества психологов СССР (1968—1983), заместитель председателя Центра наук о человеке при президиуме АН СССР (с 1989), иностранный почетный член Американской академии искусств и наук (1989). Главный редактор международного научного журнала «Культурно-историческая психология», член редколлегии научных журналов «Вопросы психологии», «Вопросы философии» и «Психологического журнала университета «Дубна».

УДК 159.9.07

Б.Г. Мещеряков

**Открывая работы В.П. Зинченко,
преодолевая избыточность степеней свободы понимания**

Аннотация:

В статье анализируются основные творческие мотивы, представленные в последних работах основателя и первого руководителя кафедры психологии университета «Дубна» В.П. Зинченко (1931-2014), а также особенности его стиля мышления. Отмечаются такие особенности стиля как гипотетичность, антропологичность, энциклопедичность, метафоричность и иконичность. Даётся характеристика трех крупных направлений исследований мастера: истоки культурно-исторической психологии, слои и образующие сознания, духовное развитие человека.

Ключевые слова: В.П. Зинченко, культурно-историческая психология, образующие сознания, вертикаль духовного развития.

Об авторе: Мещеряков Борис Гурьевич, доктор психологических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта:borlogic@yahoo.com

Данная статья не является некрологом, тем не менее, вполне целенаправленно посвящена памяти выдающегося отечественного психолога – Владимира Петровича Зинченко (1931-2014). За время после его недавней кончины вышло немало публикаций с биографическими описаниями и

воспоминаниями о нем⁷. Гораздо меньше публикаций посвящено его творчеству, содержательному анализу его научных работ. Учитывая это обстоятельство, здесь я буду анализировать основные творческие мотивы (и немного психологические), представленные в работах В.П. Зинченко последних двух десятилетий⁸. Тем самым, надеюсь, частично компенсировать большой накопленный долг за то постоянное внимание этого человека и ученого, которое он проявлял к работам своих коллег и к судьбе психологии.

И все-таки нельзя не отметить, что В.П. Зинченко организовал в 1998 г. и возглавлял до 2007 г. кафедру психологии в Международном университете природы, общества и человека «Дубна». И после сложения с себя обязанностей заведующего он продолжал читать лекции в нашем университете, участвовать в работе Государственной аттестационной комиссии и быть научным руководителем основанной им кафедры психологии.

Реконструкция философско-гуманитарного контекста культурно-исторической психологии

Один из ведущих мотивов научной деятельности В.П. Зинченко последних двух десятилетий – дойти до самой сути идей Л.С. Выготского, созданного им варианта культурно-исторической психологии. Хорошо зная практически все, что написано самим Л.С. Выготским и другими о его идеях, В.П. Зинченко, тем не менее, соглашался⁹ со словами Д.Б. Эльконина, сказанными в 1984 году: «...при чтении и перечитывании работ Льва Семеновича у меня всегда возникает ощущение, что чего-то я до конца не понимаю. И я все время стараюсь найти и отчетливо сформулировать ту центральную идею, которая руководила им с самого начала его научной деятельности до самого ее конца» [23, 475]. По-видимому, убедившись, что эта проблема не решается методом прямых путей, В.П. Зинченко предположил, что она может быть решена методом обходных путей: «Для лучшего понимания его <Выготского. – Б.М.> идей полезно выявление широкого научного и культурного контекста, в котором они возникали. Тем более что многое из этого контекста у самого Л.С. Выготского находится в подтексте» [8, 269].

Решая ту же задачу в духе «культурно-исторического подхода» к самой психологии (в первую очередь, культурно-исторической), В.П. Зинченко¹⁰ поставил под сомнение традиционную точку зрения, согласно которой «вклад Л.С. Выготского в развитие отечественной психологии считался феноменальным, но появившимся неожиданно исключительно в силу его гениальности. Такая точка зрения фактически отражала разрыв культурной традиции, насильственно произведенный в годы сталинщины» [11, 12]. В качестве альтернативы была выдвинута новая гипотеза о широком культурном фундаменте культурно-исторической психологии, чему во многом и была посвящена книга «Человек развивающийся». В дальнейшем эта тема была продолжена в книге «Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили» [8]. К ней же В.П. Зинченко вернулся в недавних книгах: «Сознание и творческий акт» [10] и «Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст» [12]¹¹.

При всей оригинальности эта гипотеза просто чудесно согласовывалась с тем, что и раньше было известно о Л.С. Выготском – например, о его филологических, эстетических, лингвистических, этнографических и философских интересах, а также с трагическим признанием его «одним из последних энциклопедистов в психологической науке» [14, 40]. В рамках новой гипотезы все это вставало на свои места и легко объяснялось: «Культурно-историческая психология в варианте Л.С. Выготского возникла на закате Серебряного века российской культуры. Тогда не было строгого разделения труда между наукой и искусством, эстетикой, философией и даже теологией. Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, П.А. Флоренский профессионально работали в перечисленных сферах творческой деятельности. Еще были живы

⁷См., например, два номера журнала «Культурно-историческая психология» (2014, № 1 и № 2) а также сборник материалов I Международной научно-практической конференции «Психология третьего тысячелетия» (Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2014, с. 3-13).

⁸ Должен отметить, что в данной статье я в значительной степени опираюсь на свой более ранний текст [19].

⁹ В частности, в написанном им предисловии к моей работе [16].

¹⁰ Эта тематика разрабатывалась В.П. Зинченко в статьях 1991–1993 годов [3-6], а позднее в собранном виде была представлена в ряде книг, начиная с «Человек развивающийся» [11]. Из соображений удобства я преимущественно буду цитировать книжные источники.

¹¹ Работа по реконструкции философско-гуманитарного контекста культурно-исторической психологии увлекла В.П. Зинченко на многие годы. Более того, ему удалось вовлечь в нее профессиональных философов [12].

идеи В.С. Соловьева о “всеединстве” чувственного, рационального и духовного знания. Замечательные поэты Б.Л. Пастернак и О.Э. Мандельштам были широко образованы и в философии, и в научном знании. Основатель культурно-исторической психологии Л.С. Выготский был блестящим литературоведом, философом, методологом науки. Он не умещался в узкие рамки нашего сегодняшнего разделения профессий» ([11, 308; ср.: [5, 5; 8, 268]).

Трудно не согласиться и с таким утверждением: «Нам кажется чрезвычайно важным, что Л.С. Выготский, имея филологическое образование, не мог оказаться в стороне от того самого культурного ренессанса начала XX века, о котором свидетельствуют Н.А. Бердяев и А.Ф. Лосев. Если мы примем это предположение, взгляды и место Л.С. Выготского в отечественной психологии перестанут быть внезапно возникшим феноменом, но станут вполне закономерными. Тем более что имеются значительные параллели в развивающихся им положениях и воззрениях его современников: П.А. Флоренского, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина» [11, 52].

Объем работы был столь велик, что авторы имели основания расширить исходную задачу до «реконструкции культурного поля (пространства), существовавшего в первые десятилетия» XX столетия [11, 109], называя это время то «российским Ренессансом», то «Серебряным веком». Своих читателей они предупреждали: «Многое из сказанного о взаимных влияниях недоказуемо. Да и надо ли доказывать? Поесть ведь было!» [11, 110].

В результате обширных «полевых работ» было, в частности, установлено, что «идеи В.С. Соловьева о духовной вертикали расшифровывались А.Ф. Лосевым в его учении о медиаторах (знак, слово, символ, миф). В то же время, возможно, В.С. Соловьев и А.Ф. Лосев оказали влияние на создателя культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и его выбор медиаторов (знак, слово). Видимо, не меньшее влияние на развитие идеи опосредования оказали представления Г.Г. Шпета о внутренней форме слова» [11, 109].

Можно предположить, что эта своего рода культурно-историческая экспедиция обогатила и самого В.П. Зинченко новыми философскими и поэтическими «орудиями», с помощью которых он решился на смелый штурм крайне сложных проблем психологии. Среди них на первом месте стоит проблема психического (и шире – духовного) развития человека.

Z-концепция путей построения теории развития человека

Проблема культурного развития ребенка, которая занимает центральное место в исследованиях Л.С. Выготского и всей его школы, с точки зрения В.П. Зинченко является законной частью проблемы духовного развития человека. По его словам, последняя проблема не является чисто академической и тем более ситуативной – «она вечная и всегда актуальная для индивида и социума в какой бы ситуации они не пребывали» [8, 12]. Попытки ее решения продолжаются и будут продолжаться. Такую попытку в 1990-е годы предпринял и В.П. Зинченко. Было бы странно, если бы он, затратив много сил и времени на выяснение культурного поля культурно-исторической психологии, не сделал этого.

Замысел сформулирован так: «Я хочу на основании опыта психологии развития, накопленного, прежде всего, в школе Л.С. Выготского, предложить гипотезу о возможном пути построения теории развития человека» [8, 65].

Обратим внимание на три примечательных момента этой заявки и ее концептуального продукта (Z-концепции¹²): *гипотетичность*, *антропологичность* и *энциклопедичность*. Во-первых, речь идет о гипотезе, причем по ходу изложения В.П. Зинченко неоднократно подчеркивает гипотетический характер своих схем развития и Z-концепции в целом [8, 149].

Во-вторых, говорится не только о развитии высших психических функций, психическом развитии и даже не просто о развитии личности, а о развитии человека: «проблема формирования, становления личности – это часть, конечно, важнейшая, но все же лишь часть более широкой проблемы развития человека» [8, 16]. Этую особенность гипотезы (и Z-концепции) можно обозначить словом *«антропологичность»*.

¹² Здесь и далее под «Z-концепцией» понимается оригинальная концепция сознания и «духовного развития», предложенная в работах В.П. Зинченко. Такое сокращение удобнее многословной конструкции и позволяет избежать двусмыслиности родительного падежа в названиях, типа «теория сознания В.П. Зинченко» или «гипотеза духовного развития В.П. Зинченко».

В-третьих, в основание гипотезы положен широкий теоретический фундамент, который не ограничен лишь теоретическим наследием Л.С. Выготского и его ближайших сподвижников. В ее фундаменте объединены, как писал сам автор, достижения: «физиологии активности (психологической физиологии) А.А. Ухтомского и Н.А. Бернштейна, в которой развито учение о функциональных органах индивида; учения Г.Г. Шпета о внешних и внутренних формах слова; психологической теории деятельности, действия и сознания А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна, в которой развиты представления о видах и формах деятельности, их структуре и роли в формировании психики и сознания; семиотики, в особенности учения о знаковых, семиотических системах и семиосфере Ю.М. Лотмана; философии, в особенности представлений А.Ф. Лосева о культуре, мифе и символе и представлений М.К. Мамардашвили о форме превращенной и топологии пути к самому себе; наконец (или в первую очередь), культурно-исторической теории развития психики и сознания Л.С. Выготского, его представлений о зоне ближайшего развития ребенка» [10, 161-162].

На самом деле, этот список не является полным. В других местах В. П. Зинченко признает существенную важность для своей концепции, по крайней мере, идей еще трех российских мыслителей: В.С. Соловьева, П.А. Флоренского и М.М. Бахтина, и это отлично видно из анализа содержания Z-концепции. Нетрудно, к примеру, догадаться, что применением термина «духовный» в названиях рассматриваемого развития и процессуальных схем В.П. Зинченко хотел подчеркнуть, что его концепция, равно как и культурно-историческая психология (проект Л.С. Выготского), связаны своими корнями с тем, что В.С. Соловьев называл «духовная вертикаль» [11, 103].

При таком внушительном количестве и разнообразии теоретических источников, оснований и конструктивных элементов разработанная автором гипотеза вполне заслуживает характеристики «энциклопедическая».

Предвидя возможные недоумения у некоторых читателей относительно «нетрадиционного» характера ряда упомянутых выше источников, сам автор с присущим ему диалогическим стилем изложения ставит вопрос: «Можно ли на основании идей, опыта, имеющихся в христианской антропологии, в религиозно-философских трудах более конкретно представить себе проблематику развития человека?» [8, 272]. Его собственный ответ сформулирован достаточно четко: «Едва ли следует сомневаться в полезности для науки этого опыта, хотя, как указывалось выше, на протяжении десятилетий наша наука к нему не прикасалась» [8, 272].

Кажется, У. Джеймс не мучился таким вопросом. И вряд ли бы он стал особо переживать по поводу осуждающих или недоумевающих высказываний со стороны каких-то коллег, в глазах которых подобные занятия не совместимы с научностью. Но в процессе чтения трудов З. Фрейда постоянно наталкиваешься на мучительные для него оправдания научности, к примеру, его исследования сновидений. Подобные переживания заметны и в работах Л.С. Выготского, когда, например, он оправдывается за свои анализы так называемыхrudиментарных психических функций. В каком-то смысле проще было бы большевистскими приемами постмодернизма объявить: «отныне и вовеки веков, настоящая наука стала неклассической, и в ней теперь действуют другие нормы и законы».

В работах В.П. Зинченко все иначе, намного интеллигентнее, но, к сожалению, именно этого стараются не замечать иные «осуждающие и недоумевающие», для которых сам факт разговоров о духовном опыте стереотипно интерпретируется как религиозная проповедь с вытекающими отсюда выводами о кончине науки и намеками на необходимость оздоровительных санкций и борьбы с ненаучной контрабандой. Для этих педантов¹³ В.П. Зинченко пояснял: «Духовность – более широкое понятие, чем религиозность. Она может быть и светской. Аналогично, и понятие культуры значительно шире понятия культа» [8, 101]; «...никто и никогда не давал религии монопольного права на владение духовностью. Ее состояние и развитие – не

¹³ Увы, конфликт педантов и мастеров стар как мир: «Мастер во всяком деле (в математике, в живописи, в музыке, в психологии...) характеризуется именно тем, что не справляясь о том, дозволено ли и возможно ли то, что он собирается сделать, с точки зрения существующих взглядов, убеждений и учений, – делает и осуществляет! Так что для педантов остается лишь задумываться, «как возможно» было то, что фактически сделал!» [21, 419].

меньшая забота светских институтов общества. Духовное бытие человека, духовно-практическая деятельность – это не только широкий контекст проблематики развития сознания, но и источник сознания как такового» [10, 156].

С другой стороны, надо понимать, что «мир знания, а соответственно и мир образования не полностью совпадают с миром науки» [8, 100], но это понимание, как считает В.П. Зинченко, относится к категории «самого трудного», поскольку оно требует определенной широты взглядов и души, необходимой для преодоления стереотипных матриц этноцентризма, наукоцентризма, психоцентризма, мозгоцентризма и т.п.

Если наука берется за изучение целостного человека и его полноценного развития, то *volensnolens* ей придется расширить традиционное поле исследований. Именно к этому призывает в своих работах В.П. Зинченко: «Признание духовного опыта, погружение в него вовсе не означает отказ от реальных достижений научной психологии. Напротив, это приведет к ее обогащению, сделает ее более интересной и привлекательной, а, соответственно, более деятельной и действенной, будет способствовать повышению психологической культуры, наконец, откроет перед психологией новые горизонты развития. Вместе с признанием возможно и появление путей (пока рано говорить о методах) познания духовной жизни. <...> Акцент на духовности вовсе не означает отказа от проблематики, связанной с природой человека, с его телесностью, чувственностью, аффективностью. Конечно, время духа еще не наступило, но ведь без этого не будет и времени тела» [11, 308; 8, 268].

Не сомневаюсь, что, обратившись к новой тематике, В.П. Зинченко не изменял ни науке, ни школе Л.С. Выготского, и вообще был в полном здравии (как утверждал М.К. Мамардашвили: «духовность – это не болезнь»). Скорее, можно говорить о ставшем реальностью творческом прорыве в развитии научно-исследовательской программы этой школы.

Кроме уже упомянутых трех характерных особенностей Z-концепции развития, для нее в высшей степени характерны еще две взаимосвязанных характеристики: *метафоричность* и *иконичность*. Открыто признавая таинственный характер проблем человека и его развития, сознания, личности, творчества, смысла, живого движения, души и неопределимости этих понятий, В.П. Зинченко не боится в своих обсуждениях использовать их метафорические образы. Что же здесь необычного и оригинального? В предисловии к первому русскоязычному психологическому словарю авторы писали: «В психологической терминологии, правильно замечает Лаланд, часто метафоры употребляются как формулы; персонификация психических функций заменяет их точную номенклатуру; маленькие мифологические драмы подменяют точное описание процессов» [1, 8]. И в современной психологии, в том числе и когнитивной, наряду с ненамеренным употреблением завуалированных метафор нередко в явной форме употребляются ставшие уже хрестоматийными метафоры сознания, внимания, памяти и т.д. В работах В.П. Зинченко поиск глубокой и «незатерпой» метафоры превращается в самостоятельный и крайне важный этап творческой работы с понятием. И этому есть объяснение: «Живая метафора может служить важным шагом на пути к живому понятию, назначение которого состоит в схватывании вещи, поэтому заслуживает названия когнитивной, даже эпистемологической метафоры, часто имеющей символический характер» [10, 311].

Интересны и другие высказывания В.П. Зинченко о полезности метафор: «Преимущество метафоры перед определением, помимо ее выразительности, состоит в том, что она характеризует не сторону, не часть, не срез целого: она сама целокупна, она не упраздняет, а сохраняет целое. <...> Метафоры и выражаемые посредством их смыслы живут дольше теорий» [10, 311]. Или более афористично: «Мне кажется, что одна живая метафора много полезнее десятка мертвых понятий» [8, 223], и далее, не менее афористично: «Уверен, что эвристическая роль живых метафор, которые можно было бы вслед за Л.С. Выготским назвать «искусственными понятиями», в гуманитарном знании ничуть не меньше, чем роль иррациональных выражений в знании точном» [8, 223-224]. В то же время весьма важным является уточнение, что метафоры – не самоцель, не конечный результат: «нахождение живой метафоры – это путь к исследованию, а не замена его» [12, 318].

Примечательно, что основным источником метафор для него, как правило, служит поэзия, а не, скажем, математика, мифология или фольклор. Например, при создании Z-концепции

развития автор использует поэтические метафоры, обнаруженные им у М. Волошина, О. Мандельштама, Б. Пастернака и Данте. Следовательно, метафоричность данной концепции имеет поэтический характер. Эта дополнительная характеристика оправдывается тем, что поэзия есть «самый совершенный орган или орган языка – средство саморазвития и самопознания человека» [8, 77]. Этой идеей пронизана вся работа В.П. Зинченко, которая называется «Возможна ли поэтическая антропология?» (1994), а также глава «Пролегомены к поэтической антропологии» в книге «Посох...» (1997). Недоумевающим педантам В.П. Зинченко адресует еще одно оправдание (или обоснование) любимого им поэтического саундтрека к своим теоретическим и методологическим размышлением: «Поэтические формулы не менее строги, чем формулы математические, и таят в себе семена научных теорий, в том числе (и прежде всего) психологических. Их создание требует не меньшего таланта: работа над словом столь же трудна, как и с числом» [10, 69].

Наконец, «иконичностью» Z-концепции можно назвать стремление ее автора воплотить свои, как правило, весьма абстрактные идеи в символические изображения, о чем он прямо и с самого начала предупреждает своих читателей: «Памятуя о полифоническом мышлении как наиболее адекватном средстве понимания сознания, я не буду чураться образов. Более того, буду апеллировать к визуальному мышлению читателя» [10, 157].

Конечно, перечисленные характеристики Z-концепции не исчерпывают всех ее особенностей и тем более не отражают ее содержания. Содержательный анализ концепции мы продолжим в следующих разделах. Здесь же я хотел бы обратить внимание на интересную методологическую установку В.П. Зинченко относительно понятийного аппарата психологии, которая близка к стилю мышления Л.С. Выготского. Я имею в виду осознанное конструирование понятий, которые описываются в последнем издании «Большого психологического словаря» (2009) в статье «Гибридные понятия». Прибегну к самоцитированию:

«Гибридные понятия – <...> особый тип понятий, весьма распространенный в психологии, для которого характерно объединение таких противоположных признаков, как внутренние и внешние, субъективные и объективные, формально принадлежащих к разным реальностям. Примерами понятий, имеющих гибридную (смешанную, комплексную) субъективно-объективную природу являются эмоция, мотив, цель, потребность, ценность, психологическое поле, новизна, фрустрация, социальная ситуация развития, деятельность, задача, проблема, проблемная ситуация и многие другие. Количество признаков может быть небольшое, но их разнородность выходит за рамки одной традиционной научной дисциплины. Парадигмальным примером гибридных понятий может служить определение речевой деятельности, данное Ф. Соссюром: “Взятая в целом, речевая деятельность многообразна и разнородна; протекая одновременно в ряде областей, будучи одновременно физической, физиологической и психической, она, помимо того, относится и к сфере индивидуального и к сфере социального; ее нельзя отнести определенно ни к одной категории явлений человеческой жизни, так как неизвестно, каким образом всему этому можно сообщить единство” [20, 48]. Осознание гибридности ряда психологических понятий может способствовать преодолению длительных споров относительно их содержания» [17, 125].

Уже после того, как эта словарная статья была написана, я обратил внимание на следующее высказывание в работе В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова: «Как это ни странно, чем больше развивалась гносеология, логика и методология науки, тем труднее становилось психологии, от которой требовался своего рода методологический ригоризм. Из психологии стали исчезать синкетические знания, кентаврические понятия типа аристотелевской “умной души” или понятия “смертная жизнь” (*vitam morto*), введенного алхимиками. Подобные понятия возникали и использовались в доцивилизационных формах культуры. Наука, отпочковавшись от культуры, лишилась синкетизма. Последний, согласно Л.С. Выготскому, остался достоянием детского мышления, житейских понятий» [11, 106]. Возможно, из-за этого анамнеза гибридность многих существующих психологических понятий остается недостаточно эксплицированной и осознанной, но у меня есть твердое убеждение, что Л.С. Выготский совершенно не боялся гибридных понятий, и целенаправленно их конструировал.

Содержание Z-концепции

Прежде всего, в рассматриваемой концепции можно выделить две до некоторой степени взаимосвязанные части: одну из них для удобства назовем «Z-моделью сознания», а вторую – «Z-моделью духовного развития».

Z-модель сознания описывает структуру сознания, в которой выделяются слои и образующие (компоненты) сознания, а также взаимодействия и трансформации между образующими. В качестве прототипа для Z-модели сознания используются представления А.Н. Леонтьева о структуре сознания, согласно которым в ней различаются три типа образующих – чувственная ткань, значение и смысл, а о слоях ничего не говорится. По сравнению с представлениями А.Н. Леонтьева Z-модель сознания описывает гораздо более сложную конструкцию с тремя слоями и шестью образующими, причем последние делятся на две категории – объективные и субъективные (или субъектные) образующие. Между слоями и образующими допускается определенное соответствие, позволяющее представить структуру сознания в виде достаточно простой схемы:

Слои сознания	Образующие (компоненты) сознания	
	Объективные	Субъективные
Бытийный	Биодинамическая ткань	Чувственная ткань
Рефлексивный	Значение	Смысл
Духовный	Ты (Другой)	Я

В.П. Зинченко очень четко описывает преобразование структуры сознания в понимании А.Н. Леонтьева в свою модель: «При добавлении еще трех образующих: биодинамической ткань, Я, Ты (Другой) – мы получаем трехслойную, или трехуровневую, структуру сознания. Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и действия и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл. Духовный – Я и Ты» [10, 251].

Исторически это преобразование произошло в два этапа: сначала (по-видимому, еще в 1980-е годы) В.П. Зинченко ввел биодинамическую ткань (движений и действий) в число образующих сознания (модель двухслойного сознания), а трехслойная модель с шестью образующими, если не ошибаюсь, впервые была описана в «Посохе...» [8]. Автор об этой истории пишет так: «В своих ранних работах по структуре сознания я развивал двухслойную модель. Теперь я убежден в ее недостаточности. Духовный слой сознания в человеческой жизни играет не меньшую роль, чем бытийный (экзистенциальный) и рефлексивный» [8, 318].

На первом этапе своей ревизии леонтьевского представления В.П. Зинченко не считал ее особенно неожиданной. Напротив, он считал удивительным, «что один из создателей психологической теории деятельности не включил в число образующих биодинамическую ткань движения и действия» [3, 22]. Историческую почву для этого введения В.П. Зинченко видел в работах 1930–1940-х годов Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.В. Запорожца, П.И. Зинченко и особенно Н.А.Бернштейна. Добавим, что дополнительной мощной поддержкой идеи двигательной образующей сознания могла бы послужить концепция сенсомоторного интеллекта, разработанная Ж. Пиаже, а также концепция Дж. Брунера о трех способах презентации: действие, образ и символ (включая язык).

Духовный слой является, пожалуй, самым оригинальным новообразованием по сравнению с представлениями А.Н. Леонтьева. Благодаря этому модель структуры сознания приобрела отчетливое личностное содержание (и центрирование). Не случайно в связи с введением этого слоя В.П. Зинченко цитирует слова В. Франкла о том, что, согласно немецкой философской антропологии (в лице М. Шелера): «Личность – центр духовных актов, <...> и соответственно центр всего сознания, который сам не может быть, однако, осознан» [10, 266]. С точки зрения Z-модели «...глубинная и вершинная психология одинаково важны. Одна невозможна без другой, а вместе они составляют одно целое. Вне бытийного и рефлексивного слоев сознания невозможно образование слоя духовного. Лишь взятые вместе все три слоя сознания составляют полифоническое, полноценное, открытое миру и смыслу сознание» [10, 320]. Быть может, это

стремление к сочетанию (единению, гибридизации) противоположностей и является настоящей заслугой мастера.

Мне представляется, что Z-модель сознания с тремя слоями и шестью образующими является важным шагом в развитии представлений о структуре сознания, выводящей эти представления на новый уровень сложности и эвристических возможностей. Однако некоторые принципиальные особенности этой конструкции вызывают сомнения и замечания (об этом речь пойдет после краткого описания второй части Z-концепции).

Z-модель духовного развития в достаточно полном виде описывается в «Посохе...», хотя ее базисная метафора (самотрансформируемая в полете многоступенчатая ракета) и концептуальные единицы разрабатывались автором в более ранних статьях 1990-х и в книге «Человек развивающийся» [11]. Если говорить о прототипах этой модели, то в области психологии отдаленным прототипом, вероятно, должна быть названа теория развития высших психических функций, хотя ее сходство с Z-моделью прослеживается не в конкретном содержании (наполнении) этапов развития, а преимущественно на глубинном уровне – на уровне «основных принципов, логики построения схемы», что проглядывает, например, в использовании для описания механизма развития таких понятий как реальная и идеальная форма, опосредствование и т.п.

Вертикаль духовного развития представлена В.П. Зинченко в виде оригинальной графической схемы [8, 150], имеющей семь ступеней (узлов развития), возникновение которых описывается (подобно библейской генеалогии) как цепь переходов от одной формы активности к другой (или от одного функционального органа к другому) посредством семи медиаторов (знак, слово, смысл, символ, миф, лик и духочеловек): 1) живое движение порождает действие, 2) действие порождает самосознание, 3) самосознание порождает деятельность, 4) деятельность порождает сознание, 5) сознание порождает поступок (свободное действие), 6) поступок порождает личность, 7) личность порождает деяние (или в другой формулировке: «новые формы деятельности»).

Вопрос о том, насколько согласованы Z-модель сознания и Z-модель духовного развития, требует особого рассмотрения. Если верить картинке «вертикаль развития», то, очевидно, они согласованы в том, что вектор развития направлен от бытийных (экзистенциальных) уровней через рефлексивные к духовным уровням. Но некоторые утверждения автора заставляют усомниться в таком понимании.

Критические замечания к Z-концепции

Относительно анализируемой концепции можно высказать два основных замечания. Во-первых, в Z-модели не дифференцированы и не скоординированы три аспекта: форма (материал, ткань), содержание и процессы (функции) сознания. В каком-то виде все эти аспекты используются автором, но нет ясного представления о том, как с ними соотносятся понятия слоев и образующих. Во-вторых, и это логически связано с предыдущим замечанием, жесткое распределение образующих по слоям не является обоснованным порождает массу вопросов, например: неужели Я, Ты, значение или смысл не представлены на бытийном уровне (скажем, в чувственной¹⁴ или биодинамической ткани), почему живое движение рассматривается отдельно от Я (т.е. живое движение и Я отнесены к разным слоям). В то же время создается впечатление, что в противоречии с исходными положениями своей модели автор иногда отходит от строгого распределения образующих сознания по его слоям. Примером могут служить следующие утверждения: смысл «присутствует не только во всех компонентах структуры, но и воплощается в продуктах деятельности индивида» [10, 260]; «образ мира и смысл в принципе не могут существовать вне биодинамической ткани движений и действий...» [10, 260].

Подозреваю, что многие проблемы этой концепции (в обеих ее частях) порождаются именно тем, что автор изначально распределил образующие сознания по разным слоям, тогда как на самом деле такие образующие, как значения, смыслы, Я, Ты и т.д. образуют не тот или иной слой, а сами имеют «слоистую» структуру.

¹⁴ Мне представляется вполне разумной идея Ф.Е.Василюка ввести в модель структуры сознания такие компоненты как чувственная ткань значения и чувственная ткань личностного смысла (см. [2]).

В качестве содержательных образующих сознания могли бы выступать такие единицы как Я (вместе с его смысловыми переживаниями, движениями, действиями и поступками) и не-Я (в том числе Другой, предметы, знаки и их значения), дифференциация которых начинается в онтогенезе достаточно рано. Понятие слоев сознания можно было бы связать с разными способами *репрезентации* образующих сознания и отношений между Я и не-Я. Например, бытийному слою можно поставить в соответствие сенсорно-перцептивную репрезентацию, рефлексивному слою – идеаторную репрезентацию, а духовному слою – абстрактную (безобразную). И Я, и не-Я, а также их взаимоотношения (взаимодействия – физические, информационные или коммуникативные) репрезентируются всеми слоями (и всеми способами), если, конечно, они сформированы.

В нормальном развитом сознании все слои работают совместно и синергично. Идеаторный образ (воспоминание о прошлом событии, представление невидимого предмета, образное проектирование предстоящего движения или действия) базируется на сенсорном материале (чувственной ткани). В свою очередь идеаторный образ может служить опорой для интерпретации высоко абстрактных понятий. Собственное Я представляется не только в духовном слое, но и в других слоях. Во второй части Z-концепции, посвященной развитию человека, В.П. Зинченко с большим вдохновением пишет о том, что «восхождение к духовности начинается с живого движения, в котором неразличимы его внешняя и внутренняя формы» [10, 167], но что такое живое движение как не одна из форм активности Я, исходно представленной в бытийном слое? Развитие Я начинается с живых движений и благодаря им. В своем чисто абстрактном философском значении Я не является ни живым, ни близким нам, хотя, по-видимому, и очень духовно.

Значение слова (термина) также может воплощаться на всех уровнях: сенсорные понятия, конкретно-образные понятия, абстрактные понятия. Такие как бы однослойные значения способны к синергийному взаимодействию, создавая полифоническое многослойное значение. Использование метафор для высоко абстрактных понятий (например, развитие, сознание, Я, дух, субстанция и т.п.) служит тому, чтобы обогатить это понятие предметно-чувственным содержанием.

В последних работах В.П. Зинченко можно обратить внимание на появление нового термина – «аффективная ткань», в котором можно заподозрить заявку на новую образующую сознания. С моей точки зрения, этот термин вполне можно интерпретировать как представление смысла на сенсорно-чувственном (бытийном) уровне, в то время как (в терминах А.Н. Леонтьева) собственно эмоции (эмоциональные переживания) являются реализацией смысла на идеаторном (рефлексивном) уровне, а ценностные ориентации являются представителями смысла на абстрактном (духовном) уровне.

Возможно, описывая бытийный слой сознания В.П. Зинченко опирался на понимание переживания в концепции живого знания, развивавшейся С.Л. Франком. Переживания «даны именно в лице чувственного материала душевной жизни (чувственных ощущений, внешних и органических, и связанных с ними эмоций и стремлений), ибо именно этот чувственный материал... придает впервые душевной жизни характер "моего индивидуального", единичного сознания. Правда, сами по себе переживания, как было указано, не тождественны ни с знанием вообще, ни с живым знанием. Однако, поскольку наше бытие (бытийный слой сознания? - Б.М.) есть с самого начала в несовершенной, смутной форме единство переживания с знанием, эта смутная форма должна лишь быть прояснена, чтобы стать живым знанием» [22, 363].

В Z-модели духовного развития также можно обнаружить противоречия, главное из которых, скорее всего, является следствием указанных проблем Z-модели сознания. К не главному и легко исправляемому можно, к примеру, отнести следующее: в одной книге живое движение характеризуется как «живая душа», а «утрата живого движения – это утрата души» [8, 167], в другой книге утверждается, что «живое движение, во всяком случае в его исходных «бесформенных формах», представляет собой допсихическое образование» [10, 167], но там же говорится, что живое движение «не является внешним по отношению к психике. Оно и есть психика, во всяком случае, ее душа!» [10, 481].

С моей точки зрения, главным противоречием Z-модели духовного развития является то, что она должна быть признана парадоксальной концепцией развития почти без развития. Автор и сам очень точно фиксирует этот парадокс (противоречие?), но особой беды в нем не видит: «Что же это за развитие, в котором все основные новообразования появляются практически сразу. Попытаюсь показать, что это не произвол интерпретатора, а другое понимание развития» [8, 161]. Одним из конкретных примеров такого понимания служит следующее положение: «Духовный слой сознания, конструируемый отношениями Я-Ты, формируется раньше или, как минимум, одновременно с бытийным и рефлексивным слоями. Иными словами, формирование сознания осуществляется не поэтапно, впрочем как и формирование умственных и других действий (пора отказываться от привычного советского лексикона: лагерь, этап, зона, светлое будущее и т.п.). Формирование сознания – это единый синхронистический акт, в котором с самого начала вовлекаются все его образующие. Иное дело, что этот акт может продолжаться всю жизнь и, конечно, не совершается автоматически» [8, 324]. И чтобы совсем не было сомнений: «Как я старался показать выше, развитие ребенка, благодаря *свету слова*, начинается с “верхнего до”, с образования духовного, символического слоя сознания, с “вершинной психологии”...» [10, 454].

Заметим, что представленный выше вариант отказа от жесткого распределения образующих сознания по разным слоям устранил бы противоречие с положением о том, что «формирование сознания – это единый синхронистический акт, в котором с самого начала вовлекаются все его образующие», но сохранял бы перспективу генетической развертки слоев в соответствии с разными способами репрезентации образующих сознания. С другой стороны, понять то, как развитие без какой-либо мистики начинается в «верхнего до», помогает понятие пролепсиса. Опять-таки прибегну к самоцитированию: «Пролепсис <...> – один из важнейших «механизмов» психического и личностного развития человека, заключающийся в ситуации, когда сам субъект развития в себе и/или какой-либо другой человек «видит» в нем то, что должно быть достигнуто в результате более или менее длительного процесса развития. <...> М. Коул [13] определяет пролепсис следующим образом: культурный механизм, переносящий «конец в начало» <...> Примером пролепсиса (в данном случае его можно назвать гетеропролепсисом) может служить нормальное отношение родителей к младенцу как личности, с которой следует общаться и действовать совместно (персонификация младенца); более того, уже у новорожденных иногда «открываются» признаки будущих черт характера и выдающихся способностей <...> Подобные авансы (и мифы) имеют огромное значение для личностного развития ребенка. Благодаря им взрослые стремятся к тому, чтобы насытить совокупную деятельность не только эмоциональными средствами общения, но и подлинными знаками (в т.ч. речью)» [18, 506-507].

Таинственный избыток индивидуальности

В.П. Зинченко любил цитировать слова М.К. Мамардашвили: «Вне духовного содержания – любое дело – это полдела. Не представляю себе философию без рыцарей чести и человеческого достоинства. Все остальное – слова. Люди должны узнавать себя в мысли философов» [15, 199]. И часто добавлял: «И в мысли психологов тоже» [8, 102] С давних пор вполне справедливым считается испытывать любое изобретение в первую очередь на самих изобретателях. Несколько лет назад я из высказываний В.П. Зинченко о деятельности, сознании, личности составил анонимный портрет человека, в котором, однако, трудно было не узнать самого Владимира Петровича. Воспроизведу его в том же виде.

Следует признать наличие тайны в этом человеке, в его душе и в его сознании, и не пытаться ее раскрыть: разве только прикоснуться [10, 68]. Кто бы ни сотворил этого человека, «сделано это с умом: его телесный и духовный организм снабжен огромным числом избыточных степеней свободы» [10, 548]. Несомненно, у него «имеется все достаточное и необходимое: есть избыток степеней свободы кинематических цепей <...> тела, избыток степеней свободы образа по отношению к оригиналу, избыточен язык, память, свободно мышление, <...> сознание приближается (иногда) к абсолютной свободе» [10, 214]. Наконец, он «обладает избыточным числом своих собственных Я» [10, 200]. И он «по мере активного, деятельного или созерцательного проникновения во внутреннюю форму слова, символа, другого человека, произведения искусства, природы, в том числе и своей собственной, строит свою внутреннюю

форму, расширяет внутреннее пространство своей души, говоря словами О. Мандельштама, создает *пространства внутренний избыток*» [10, 559].

Его полифоническое мышление полисемично и синкетично: в нем встречаются и перекликаются голоса понятий, образов, аффектов, символов, ощущаемых смыслов, метафор, метонимий, перебивающих, упреждающих, сопровождающих и дополняющих монологический голос рацио (ср. [10, 98]).

Его сознание – «живое, текстовое, мифологическое, – в отличие от плоского, одномерного, идеологического, имеет многослойное строение. Оно сплетено из биодинамической ткани действий, чувственной ткани образов, ткани (материи) языка, мыслительной, аффективной ткани, ткани переживаний, ткани социальных отношений и ткани живого человеческого опыта. Все это сплетение пронизано смысловыми швами, скрепляющими его» [10, 105-106].

В своем духовном развитии он подобен многоступенчатой ракете, ступени которой конструируются по ходу полета [8, 148-149; 10, 158], а траектория полета (равно как и траектория развития его сознания и творчества) – уникальна, неповторима, непредсказуема. Такое спонтанное и свободное конструктивное развитие можно понять «не как усвоение, присвоение, послушание, а как саморазвитие, самостроительство, творчество себя» [8, 124]. Однако самым темным и загадочным моментом этого развития является «переход от внешней детерминации развития к внутренней, к самоопределению и саморазвитию» [8, 153].

Его «дух сам находит, в чем определиться. <...> Он свободен и в этом его непреоборимая сила»; его «духовность – это не какие-то воспарения, не витающий в нашей духовной жизни пар, а материя. Поэтому не случайны сравнения живого духа и его движения с машиной, самолетом, ракетой и т.п., которые произведены им же и стали орудиями человеческого духа» [10, 165].

Его «личность есть предмет восхищения, зависти, ненависти, незаинтересованного художественного изображения, а не предмет изучения. Она не требует экстенсивного раскрытия: ее видно по жесту, взгляду, слову...»; она «непосредственна, ей свойственны «участность в бытии», «поступающее мышление», свободные действия – поступки» [10, 545]. В целом, эта личность – «тайственный избыток индивидуальности», от встречи с которой остается ощущение: *Esse homo* [10, 546].

Библиографический список:

1. Варшава Б.Е., Выготский Л.С. Психологический словарь. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1931.
2. Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии, 1993, № 5, с. 5-19.
3. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии, 1991, № 2, с. 15-36.
4. Зинченко В.П. Проблемы психологии развития (читая О. Мандельштама) // Вопросы психологии, 1991, № 4, 5, 6; 1992, № 3-4, 5-6.
5. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии, 1993, № 4, с. 5-19.
6. Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник МГУ, Серия 14, Психология, 1993, № 2, с. 41–50.
7. Зинченко В.П. Возможна ли поэтическая антропология. М.: Изд-во РОУ, 1994.
8. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. К началам органической психологии. М.: Новая школа, 1997.
9. Зинченко В.П. Добавление редактора к статье «Личность» // Большой психологический словарь. – 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
10. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010.
11. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. Изд. 2-е, уточненное и дополненное. М.: Тривола, 1994.
12. Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманистический контекст. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
13. Коул М. Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: «Когито-Центр», Издательство «Институт психологии РАН», 1997.
14. Леонтьев А.Н. О творческом пути Л.С. Выготского. Вступительная статья // Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982.

15. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, Культура, 1990.
16. Мещеряков Б.Г. Логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского. Самара, 1998.
17. Мещеряков Б.Г. Гибридные понятия // Большой психологический словарь. – 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009, с. 125.
18. Мещеряков Б.Г. Пролепсис // Большой психологический словарь. – 4-е изд. / Сост. и общ. ред. Б.Г. Мещеряков, В.П. Зинченко. М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2009, с. 506-507.
19. Мещеряков Б.Г. *Z* – концепция, как я ее понимаю // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко. Коллективная монография / под общ. ред. Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 640 с., с. 141-162.
20. Соссюр Ф. Труды по языкоznанию. М.: Прогресс, 1977.
21. Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: Этика. Религия. Наука. – Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997.
22. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995.
23. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Meshcheryakov B.G. Discovering V. P. Zinchenko's works – overcoming redundant degrees of freedom in understanding.

The paper analyses the main creative motifs evident in the latest publications by the founder and first head of the Department of Psychology at Dubna University - V. P. Zinchenko (1931-2014), as well as distinctive features of his style of thinking: its hypothetical and encyclopedic character, anthropocentricity, metaphoricity and iconicity. The three main directions of research are considered: the origins of cultural-historical psychology, the levels and constituents of consciousness, spiritual evolution of the human being.

Key words: V. P. Zinchenko, cultural-historical psychology, constituents of consciousness, the vertical dimension of spiritual development .

Язык и словесное творчество

УДК 159.9.01

В.Б. Хозиев, М.В. Хозиева

Пролегомены к психологическому исследованию словесного творчества

Аннотация:

Анализируется развитие единицы анализа словесного творчества в гуманитарных науках: философии, герменевтике, лингвистике, литературоведении, психологии, педагогике. Последовательно представлены разные подходы к исследованию словесного творчества, в основе анализа которых лежит соотношение текста и контекста, автора, условного соавтора и читателя.

Ключевые слова: словесное творчество, текст, контекст, автор, читатель.

Об авторах: Хозиев Вадим Борисович, доктор психологических наук, профессор, Государственный университет «Дубна», зав. кафедрой клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: v_hoziev@mail.ru;

Хозиева Марина Владимировна, кандидат психологических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры клинической психологии факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: aniram_h@mail.ru

В гуманитарных науках существует целый ряд объектов, интерес к которым естественным образом инспирирует полидисциплинарные исследования. К таким объектам относятся искусство и культура, человеческая деятельность, речь, труд, образование и др. Словесное творчество (СТ) также находится в этом ряду, и любому психологическому исследованию не миновать решения методологических и методических задач определения единицы анализа изучаемой деятельности.

Исторический экскурс позволяет обозначить целый ряд тенденций развития исследовательских подходов к СТ – от *эмпирических* наблюдений за спонтанным становлением к *экспериментальным исследованиям* СТ, от элементарного *фонетического, лексического, стилистического* и др. к целостному *лингвистическому* анализу текстов СТ, от сугубо *когнитивного* подхода к осмыслинию *коммуникативного и экспрессивного характера* СТ, от констатации *своеобразия* СТ и рассмотрения его как статического к генетическому прослеживанию становления и *формированию* СТ, от текстологии к семиотике и герменевтике, от контент-анализа текста к контент-анализу ситуации порождения СТ и др. Движение отмеченных нами подходов, впрочем, не выстраивается в единую линию. Есть разрывы, есть точки сгущения проблематики, есть эпохи активных заимствований из других дисциплин, а также повторы и циклические круги. Каждый из приведенных ниже подходов ориентирован на свой специфический инструментарий анализа СТ, обоснование, исследовательскую традицию и прикладную задачу. Синхронический и диахронический анализ развития концепций и критериев исследования СТ позволяет представить довольно пеструю и густо насыщенную картину интересов и исследовательских тенденций.

Первой выделенной нами позицией является рассмотрение СТ в его продуктивной фазе – как источника СТ и его результата – как *текста*. Эта позиция одна из самых распространенных и многогранных: от *элементаристских*, когда наиболее важным параметром для установления уровня, статуса или качества порожденного человеком текста выступает частота использования отдельных элементов: *слов, морфологических элементов слов, определенных частей речи или грамматических элементов, стилистических оборотов* или каких-либо иных *моментов* повествования (типа длины предложения или характера связи внутри абзаца и др. (как правило, эти моменты связываются исследователями с той или иной стадией развития СТ); до *целостных*, когда в

дело вступает контент-аналитическая или герменевтическая процедура. Особенностью этого подхода остается доминанта текста над обстоятельствами его создания. Наиболее ярко данный подход представлен в структурной лингвистике [36, 45 и др.], французском структурализме [2 и др.], «новой критике» [38], математической лингвистике [28 и др.].

Исследователи текста как объекта СТ, как правило, находятся под влиянием двух полярных тенденций: они рассматривают текст как самодостаточный, при этом пытаются расширить спектр исследуемых переменных. К последним начинают примыкать причины и обстоятельства создания текста, а также грядущее воздействие на читателя и все события, связанные с этапом, когда «рукописи не горят». Иными словами, текст осуществляют свое относительно самостоятельное движение в пространстве культуры и языка. Такая же тенденция может быть выявлена и в эмпирических исследованиях онтогенеза и развития СТ (речи, прежде всего), проведенных в рамках определенных возрастных категорий. Несмотря на ограниченность предмета исследования (контролируемых переменных: звука, слова, предложения, высказывания и т.д.), контекст хотя бы частично, но проявляется через текст, а, следовательно, должен быть учтен исследователями. Особое место в эмпирическом направлении исследования СТ занимали дневники детского развития середины XIX – начала XX века И.Тэна, Ч.Дарвина, К. и В. Штерн, В.Леопольда, И.А. Бодуэна де Куртене и др. В основном дневниковые записи были направлены на фиксацию тех или иных новообразований детской речи, начиная с гуления и заканчивая словообразованием. В отечественной науке развернутый *фонетический, фонологический, грамматический* анализ детской речи наиболее ярко был представлен в работах А.Н. Гвоздева и некоторых других исследователей, которые прослеживали последовательность усвоения ребенком различных элементов родного языка и определяли условия успешного освоения фонетики, грамматики, синтаксиса [10].

Понятно, что сам по себе одиничный текст, вырванный из контекста личностного или писательского развития, не может составить достаточное фактологическое основание исследования СТ. Поэтому пространство и время текста, разнообразные глоссарии и тезаурусы, изменчивость стиля и подвижность тематики произведений начинали выступать овеществленными результатами рассмотрения некоторой специально подобранный последовательности текстов. Объединения, сопоставления циклов текстов разных авторов (одних авторов в различные периоды, хронологий жанров, тематических подборок и др.) в попытке открытия общих тенденций: идейного содержания, тематики, языка и др. дали возможность оформиться текстологии. Текст в таком случае рассматривается многими исследователями под углом зрения его истории, а в качестве основных аспектов текста выделяются, например: *транскрипция, пунктуация, верификационное членение, разбивка на абзацы, иноязычные вкрапления, автографы, черновики, беловики, варианты, датировки, комментарии, расположение глав, орфография, авторские правки* и т.д. [6 и др]. Так же происходит становление нового типа исследовательских объектов психологии СТ в конце 19-го начале 20-го века, когда предметом анализа последовательно выступают ряды и подборки текстов (одного ребенка-автора в лонгитюдном или квазилонгитюдном исследовании; продольные или поперечные срезы по возрастным категориям, на разных ступенях освоения СТ и др.). Параллельно с изменением отношения исследователей к тексту как результату СТ происходят и другие изменения. Так, «статичного», «подслушанного», «записанного» или «чернового» текста оказывается недостаточно для характеристики процессуальной картины СТ. Появляется эксперимент с СТ в ситуации порождения испытуемым текста. Взрослый активно провоцирует ребенка на диалог, а также начинает создавать для исследовательских целей различные искусственные ситуации, игру в слова и др. Например, немецкой исследовательницей А. Шуберт [44] в начале 20-го века использовался несвязный ряд слов, из которых дети должны были составить связную, грамматически правильную фразу. Шуберт интересовало прежде всего умение детей активно пользоваться теми или иными синтаксическими формами, а не знание ребенком грамматики. При изучении смысловой стороны речи в качестве предмета изучения выступали: *словарь, словесная память, словесное мышление, словесная осведомленность, словесная продуктивность* и др.

Вообще интерес к детскому СТ как к модели генеза СТ взрослых возник на рубеже 19-го века, когда к институту детства начали активно применяться генетические шкалы анализа. Экспериментальная педагогика и детская психология указывают на качественное своеобразие тех или иных стадий детского развития, при этом связывая их, в свою очередь, в том числе с СТ

определенного качества. Так, Гизе [8] провел исследование литературного творчества детей и подростков, а в качестве критериев анализа более 3000 работ он выбрал *настроение, тему и литературную форму*; А. Гринберг [там же] исследовала рассказы беспризорных детей о себе, а П.П. Блонский проанализировал «первые воспоминания» учителей, студентов, школьников в целях выявления характера первых *воспоминаний*. Общим итогом таких исследований становится констатация присутствия в творческих работах тех или иных моментов, которые были выбраны исследователями с определенной долей субъективизма.

Более сложным явлением на фоне подобного рода коллекционной исследовательской стратегии является опыт Н.А. Рыбникова [33, 34], который проанализировал разнообразное творчество детей и подростков. Для обработки результатов были выделены следующие параметры: *возраст, пол, социальное положение, образование, длительность работы, длина произведения, число фраз, слов, фабула, сюжет, форма произведения, манера письма, слог, язык, стиль, объективность-субъективность, общая композиция, конструкция фраз, внешняя форма, преобладающее настроение, характерный тон, качество образов*. В подобном реестре фиксируемых показателей видна реализация тайной мысли любого исследователя: с оптимизмом агностика перехитрить трансцендентность, забравшись в сердцевину теста и отслеживая все внешние проявления подвижной феноменологии сочинительства. Конечно, целый ряд отмеченных Н.А. Рыбниковым параметров явно выходит за пределы текста как предмета исследования. Тем не менее, доминанта внешних атрибутов текста над феноменологией авторства все-таки перевешивает. Гуманитарная проблематика в виде по-настоящему поставленных исследовательских задач здесь со всей мощью непостижимости противостоит порочной практике неопозитивизма, полагающего, что вслед за первичным накоплением эмпирического материала неизбежно должно происходить теоретическое обобщение. Возможно собрать все тексты, порожденные человеком за всю жизнь. Но при этом мы не откроем и минимального внутреннего закона его жизни, поскольку текст не является самостоятельной единицей в исследовании СТ. Предельность формулы «горы, породившей мышь» очевидно обнаруживается в работах Рыбникова, вскрывшего множество ценнейших деталей языка и мышления детей своего времени, но не сумевшего воплотить Монблан фиксируемых параметров хотя бы в минимально значимую закономерность развития СТ.

Вообще, трудно определенно отметить на историко-исследовательской шкале точку, когда на смену сугубо формальному анализу текста приходит рассмотрение отношения «*Автор – Текст*» (**второй подход**). В этом бинарном сопоставлении возможно выделить несколько тенденций, по которым шло определение и уточнение в гуманитарных науках критериев его анализа. Во-первых, своего рода *текстоцентризм*, когда порождение текста (а вместе с ним, новых смыслов и отношений) начинает выступать как настоящая сверхзадача искусства и культуры. Соответственно, в СТ выделяются критерии нового типа, позволяющие анализировать «авторский текст» как качественно новый объект культурного обихода. В частности, в результате пересмотра структуралистской доктрины с позиций коммуникативных представлений о природе искусства в конце 60-х годов XX века оформилась *нарратология* [35] – теория повествования, основными положениями которой являлись: коммуникативное понимание природы литературы; представление об акте художественной коммуникации как процессе, происходящем на нескольких повествовательных уровнях; преимущественный интерес к проблеме дискурса; теоретическое обоснование многочисленных повествовательных инстанций и др.

Во-вторых, можно выделить (опять же условно) *автороцентризм*, когда доминантой структурирования всевозможных видов и форм творчества становится «авторская позиция». Обширная жатва на этой ниве велась и ведется литературоведами, полагающими, что степень произвола автора и есть знак творческого отношения к сочинению. *Включенность* автора в повествование, *отстраненность*, *смена позиции* в процессе раскрытия образа, *трансформации* самого автора под воздействием мощного характера его героя и др. – все эти явления активно обсуждаются как нормативные проявления СТ [1 и др.]. Заметим, что соотношение автора и текста полагается большинством исследователей подвижным. Приведем в качестве иллюстрации две схемы, в согласии с которыми намечаются критерии анализа СТ. Автороцентрическая схема предполагает выделение признаков изменения самого автора, которые при желании могут быть найдены в самом тексте произведения (произведений) или черновиках автора (блестящий пример этой «парадигмы» –

И.Л.Андроников). Иной вариант критерия имеет место там, где детерминация развития автора относится на счет действия СТ. В этом случае пластиность текста рассматривается как итог творческих метаморфоз автора. Так, В.В. Виноградов, анализируя категорию *образа автора*, отмечал, что реальный автор развивается как личность и меняет свои принципы и установки, однако в конкретном произведении автором остается однажды выбранный его образ, и не случайно читатель может и не различать образ автора и его реальную личность [7]. При автороцентризме основные критерии анализа текста так или иначе связаны с *авторским стилем*, который большинством исследователей понимается как эстетическое единство всех сторон и элементов художественной формы, обладающее оригинальностью и выраждающее определенное содержание [6].

Позиция автороцентризма как нельзя точно подводит к пониманию необходимости исследования не только поэтики творения (текста), но и поэтики творчества. И здесь мы уже вплотную приближаемся к проблематике психологии творчества. Ярким представителем этого направления в рамках культурно-исторического литературоведения был ученик А.А. Потебни Д.Н. Овсянникова-Куликовский [26], который сосредоточил свое внимание на глубинных проблемах соотношения языка и мысли, различии научного и художественного мышления, психологии творчества и восприятия произведений художественной литературы. Особое внимание психологии творчества уделял И.В. Страхов [37], который провел не только психологический анализ творчества классиков, но и исследовал психологические аспекты таких видов творчества, как научного, технического, музыкального. П.П. Блонский [25] также (но уже в контексте обучения речи) указал на необходимость анализа деятельности писателя, при этом обозначил условия, которые помогают в творчестве: *определенный уровень скорописи, усидчивость, богатство мыслей, глубину и качественность анализа действительности, связность изложения, децентрированная позиция по отношению к написанному и др.*

Следующее, **третье**, важнейшее основание для производства критериев анализа СТ – отношение «Текст – Читатель». Ключевой проблемой здесь является восприятие, понимание текста, перевод и интерпретация знакового, символического, смыслового и образного языка текста читателем. В данном подходе можно выделить *текстоцентрированное* направление, когда текст интерпретируется со структурно-семиотических позиций с единственной целью – помочь читателю его понять. В качестве одного из примеров критериев этого направления можно назвать *топики* (или *общие риторические места*), которые К.П. Зеленецкий – российский словесник – в середине XIX века описал как представляющие собой «источники изобретения, развивающие мысли», указывающие, «с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль» [18; 34]. Автор сделал попытку философского осмыслиения двадцати четырех источников мысли (настоящих архетипов, если говорить о детерминации читательской мысли), которые позволяют родиться слову, предложению; а также тезисно проанализировал целый ряд примеров художественных образов, фрагментов художественных текстов. На этом примере мы видим неудовлетворенность современными единицами анализа; в рамках топиков происходит снятие оснований для субъективного произвола и автора, и читателя, имеет место своеобразный историко-этнографически-социологический крен в пространство доминирующих и волнующих тем повествования.

Второе направление в данном подходе можно обозначить как «*читателецентристское*», признающее в диалоге с художественным текстом полное или почти полное всецелое читателя, его свободу от автора, от послушного следования авторской концепции [6]. Постструктурлистические тенденции в художественной словесности были в свое время переосмыслены поздним Р. Бартом и сведены к тезису о смерти Автора в художественном тексте: «...Рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [2; 391]. Барт в привычном для него метафорическом изложении указывает на важное обстоятельство во взаимоотношениях текста и читателя: «Текст, который вы пишете, должен дать мне доказательства того, что он меня желает. Такое доказательство существует: это письмо. Письмо – это вот что: наука о языковых наслаждениях, камасутра языка (причем существует лишь единственный трактат, обучающий этой науке, – само письмо)» [там же; 464].

Очевидно, что в данной позиции сплелись все иски неудовлетворенной критики и авторства к читательству как суверенному общественному институту. Читателя (а также и писателя) нужно учить – таков буквально физически осязаемый вывод французского литературоведа. Сводить сложный процесс «Текст-читатель» к детализации: например, эффективности «трансляции», семантике

идейности, сюжетности и образности вряд ли целесообразно, поскольку речь идет о целостном герменевтическом отношении, в котором должен быть учтен актуальный уровень культуры, литературная и смысловая традиция, дискурс и жизненный контекст. Такая же позиция прослеживается и в психологических исследованиях понимания текста читателем. Так, Л.С. Выготский [9] писал, что чтение является сложным процессом, в котором принимают участие высшие психические функции, требующим взвешивания каждого из многих элементов предложения, их организации, отбора некоторых из возможных значений. Понимание рассказа Выготский сравнивал с решением математической задачи, которое состоит в отборе *правильных элементов ситуации* и в соединении их в *правильных соотношениях*, в придаании каждому из них *правильного веса, влияния или степени важности*.

Несколько в другом ракурсе проблема понимания текста рассматривалась Ж. Пиаже [27], который, исследуя речь и мышление ребенка, провел целую сотню опытов на понимание детьми рассказа. Для анализа выделялись: *общее понимание* (то, как слушающий понял рассказ объяснятеля) и *понимание вербальное* (касающееся причинных или логических связей). Таким образом, и Выготский, и Пиаже (хотя и используя разные языковые контексты) в качестве основных моментов понимания текста (рассказа) выделяли понимание и смысла рассказа, и причинно-следственных связей в нем. Однако выводы, сделанные исследователями, расходились в самых спорных точках: соотношение обучения и развития, а также природа эгоцентрической речи.

Спустя более полувека С.Н. Карповой и М.А. Степановой [20] было проведено исследование характера речевых высказываний дошкольников в зависимости от ситуации общения (ребенок-взрослый, ребенок – ребенок). В качестве основных критерии анализа были выделены: *уровень связности речи и мера самостоятельности ребенка* при пересказе. В контексте поиска критерии анализа чтения (понимания) текста стоит упомянуть исследования восприятия литературного произведения. Например, Е.А. Флериной (1928). Т.А. Кондратович (1954), Н.С. Карпинской (1955) были выделены различные методические приемы организации восприятия литературных произведений дошкольниками [19]. А целым рядом исследователей [19, 29] подчеркивалась особая роль сказки, рассказа в развитии ребенка, и анализировались трудности, встречающиеся у дошкольников при восприятии текста литературного произведения. Попытки разработать методики, позволяющие анализировать этот процесс и обучающие школьников восприятию художественного текста, были предприняты Г.Г. Граник и Л.А. Концевой [11], которые предложили такие критерии, как *знание смысла отдельных слов, извлечение смысла из слов, словосочетаний, предложений и их взаимосвязей; пунктуация; умение задать вопрос тексту, дать на него ответ, выдвинуть предположение о дальнейшем содержании, проверить себя и т.д.*

Примером значимости диалога со взрослым в ходе обучения чтению является исследование М. Коула, который в контексте обучения чтению изучал умение детей понимать смысл текста с помощью вопросов и создал новый тип третичного культурного артефакта, назвав его «чтением путем вопросов и ответов» [21]. Кроме понимания художественных текстов, в фокусе внимания исследователей оказалось также понимание учебного и научного текста [15, 16, 17 и др.].

Появление в схеме анализа «второго» героя повествования – читателя – закономерно приводит рассмотрение СТ к формату общения. Текст в общении становится посредником между действующими лицами – автором и читателем, действующими, бытийствующими в определенной системе отношений. Литературоведение здесь обретает новый предмет анализа, а лингвистика открывает для себя предельную границу. По мнению Н.М. Шанского [42], основной задачей литературоведческого анализа является изучение литературного произведения как факта истории общественной мысли и социальной борьбы, а филологического анализа – выявление и объяснение использованных в художественном тексте языковых единиц в их значении и употреблении. Мы могли бы продолжить: общение не есть простой акт коммуникации, но создание общности – разделения, по крайней мере, двумя людьми системы значений между ними. Текст, таким образом, представляется как настоящее культурное пространство – фиксатор значений. Необходимость СТ открывается в потребности нечто сказать другому. Принципиальным для анализа становится (вслед за М.М. Бахтиным) *диалог* [5], в котором происходит пересечение, познание, осмысление и др. разных позиций, мнений, обстоятельств автора и читателя как равных участников процесса СТ. Критерии анализа диалога овеществляются в тексте, но сам диалог к тексту не сводится. Важно открытие

контекста диалога, иначе не понять, почему текст именно таков. По мнению Бахтина, «художественное произведение ... становится художественным только в результате взаимодействия творца и созерцателя» [4; 76], при этом форма произведения всегда учитывает третьего – слушателя, который всегда меняет взаимоотношения творца и героя.

Понятно, что при таком анализе не может быть искусственно выделенных критериев интерпретации, поскольку опора осуществляется на более сильные основания. Даже, казалось бы, вполне конкретные моменты текста (*сюжет, прозаическое слово, монологическое слово и слово рассказа, слово героя и пр.*) сведены Бахтиным к диалогу, к диалогическому противостоянию. При этом диалогичность не есть какой-либо из изолированных моментов телеологической схемы автора, героя или читателя. Диалог – наиболее совершенная для постижения, одновременно психологически полноценная, социологически минимальная, художественно насыщенная литературная форма. Здесь, в **четвертом** подходе, мы видим синтез гуманитарных оснований для понимания СТ, оно уже не предстает произволом автора или спонтанностью трансцендентности, но необходимостью.

Оформление «контекста» в различных критериях анализа СТ (**пятый подход**) делает сложно расчлененной, социологичной, предметно и обстоятельственно предопределенной саму ситуацию общения, дает общую характеристику творческой ситуации, в которой порождается текст. Контекст соединяет и противопоставляет окружение, инспирировавшее СТ, высвечивает текст через призму читательского интереса. Контекст раскладывается на множество составляющих: в нем проявляются разнообразные тенденции обыденной жизни, отражаются жизненные позиции и приоритеты, овеществляются нормы и дискурсы. Важным ориентиром для осмыслиения контекста может служить один из принципов М.М. Бахтина, в согласии с которым «всякое литературное произведение внутренне, имманентно социологично» [3; 9].

Литература как письменное, а риторика как устное СТ, раскрываемые и развивающиеся каждое по-разному, именно в контексте достигают масштаба целостной и относительно самостоятельной формы искусства. По мнению В.В. Виноградова [7], изучение художественного произведения должно опираться на понимание общественной жизни, культуры, искусства, языка, соответствующего периода развития народа, на глубокое проникновение в творческий метод автора и своеобразие его индивидуального словесно-художественного мастерства. На необходимость восприятия текста в определенном контексте указывал и Ю.М. Лотман [24]. В качестве примера анализа отношений текста и внетекстовой реальности можно привести исследования В. фон Гумбольдта [13], выделившего два вида этих отношений: *объективные*, т.е. как воздействуют поэмы) и *субъективные*, сводимые к анализу главного для поэта.

Как мы видим, критерии анализа контекста СТ широко варьируют от исследователя к исследователю в зависимости от предмета, целей и традиций соответствующего направления. Язык описания контекста в своем формальном движении может доходить до теории множеств, а на другом, содержательном полюсе, тяготеть к эволюционной метафоричности. На этом широчайшем пространстве находят отражение парадигмальные лейтмотивы, социология поэзии, частные тенденции организации СТ, основания логотерапии др. Понятно, что в связи с восхождением критериев к контексту начинают постепенно теряться крупный план и исчезать детализация СТ. Зато контекст существенно возвышает причастность к СТ множеству обстоятельств, не имеющих непосредственного отношения к тексту. Эти «побочные переменные», в числе которых социальные, экономические, исторические знаки эпохи, уже не выступают поодиночке, но образуют целостный дискурс. Например, особым контекстом для Ж. Лакана выступал внутренний мир человека, для анализа которого использовались лингвистические аналогии. А М. Фуко [39], исследуя исторически изменяющиеся структуры, эпистемы, выделил основной упорядочивающий их принцип – соотношение слов и вещей; и показал, как язык в ходе развития культуры постепенно обнаруживает свое бытие. В этом видится, по мнению Фуко, установление особых отношений, отношений взаимодополнительности, между человеком и языком в культуре. Особой близости психологическая и историческая линии достигают в понятии «ментальность», введение которого в исторический ракурс исследования, по мнению А.Я. Гуревича [14], позволило иначе подойти к изучению многих областей человеческого знания, в том числе и к исследованию человеческого творчества.

Поиск критериев такого уровня уже начинает напоминать своего рода прагматическую семиотику, переходящую в герменевтику. Дифференциация и уточнение оснований СТ позволяет

выделять в контексте череду внешне обусловленных *задач* (**шестой подхod**). Здесь происходит своеобразное обращение критериев: контекст создавался многими основаниями, которые в свою очередь порождали новые формы, теперь несущие на себе основную смысловую тяжесть обсуждаемой проблемы. Задачи явно (в форме требований, например, этикета или сложившихся традиций образования, культуры) или неявно обусловливают содержание и формы СТ. Соответственно, будучи выделенными, задачи начинают противостоять определенным тенденциям развития контекста. Нередко изменения контекста не приводят к изменению задач, закрепленных в институтах образования и культуры. Например, такова ситуация с СТ в современной школе: интенсивный старт – как можно скорее научить детей читать и писать – и последующий уход СТ в небытие, поскольку писать не о чем, а развитие внутреннего мира ребенка, предписанное содержанием образовательной программы, не согласовано с операционально-техническим освоением письма. Репродуктивные литературоведческие работы и изложения с диктантами, присущие сложившейся системе школьного образования, могут останавливать продуктивное действие контекста СТ.

Еще одно важное направление (**седьмое**) в дифференцировке контекста – вхождение *соавтора* в СТ. Тщательное наблюдение за становлением СТ показывает [1, 2, 3 и др.], что присутствие *второго*, овеществленного или, напротив, одуховленного или даже просто предполагаемого лица в качестве соавтора является непременным условием развития собственной авторской позиции. Собеседник, критик, редактор, издатель – ряд причастных авторскому СТ можно продолжать и далее – создают особого рода человеческое пространство, не сводимое к элементарным социальным характеристикам. Участие соавтора персонифицирует контекст СТ, переводит ситуацию СТ в общение и взаимодействие не только на микро-, но и на макроуровне. В качестве критериев различными исследователями начинают обсуждаться различные аспекты участия соавтора в СТ: *стиль СТ и взаимоотношение с окружением, человеческая история конкретного произведения, собственное отражение автора в дневниках* и др. [40].

Наконец, заключительный (**восьмой**) уровень критериального рассмотрения СТ представляется нам *целостным бытием*. Рассыпанные дифференциальным анализом гуманитарных дисциплин различные моменты СТ, ставшие в ходе их изучения рядоположенными, вновь собираются в рамках этой единицы в новом качестве. Общее значение отчужденного текста здесь таково, что он делает задачу СТ, его контекст и др. чрезвычайно значимыми для существования (развертывания) культуры. Анализ здесь возвращается к философским основаниям СТ, а главный вопрос вновь обращен к самой возможности СТ как формы бытия. Здесь же и определим, что роль психологии, как дисциплины, раскрывающей и содержание, и значение, и функции, и генезис СТ вовсе не исчерпывается приведением к какому-либо одному критерию. Активно пересекаясь с философией, лингвистикой, литературоведением, герменевтикой и др. на материале *объекта* – СТ – при рассмотрении своего *предмета*, психология имеет ближайшей целью представить *результат со своим становлением*. В таком контексте вполне уместна также мысль В. фон Гумбольдта о языке как главном средстве человеческой деятельности, как о самой деятельности, как о созидающем процессе и вечном посреднике между духом и природой [12].

Эта линия в свое время была подхвачена Ф.де Соссюром [36]. Язык был понят им как социальный продукт, как совокупность необходимых условностей, принятых сообществом, чтобы обеспечить реализацию способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя языка. Принятие языка как средства последовательно подвело лингвистов к пониманию языка как особого типа конвенционального опосредствования [41], что в разной мере и в разных вариациях было развито в работах Р. Якобсона [45] и других языковедов.

К трактовке СТ как целостного бытия стремился П. Рикер [30], в размышлениях которого явно заметен психологический потенциал СТ. Сoverшая краткий исторический экскурс в герменевтическое прошлое, он обозначил основную задачу герменевтики в открытии того, что «существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, которые рождаются в мире культуры» [32; 34]. При этом, по мнению Рикера, существование становится человечески зрелым существованием, лишь присваивая себе тот смысл, который «заключается сначала «вовне», в произведениях, установлениях, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа» [там же; 34]. Не существует понимания самого себя, не опосредованного знаками, символами текста. Изначальная языковая предрасположенность любого человеческого переживания есть фактическое

опосредствование знаками. «И так как речь воспринимается скорее, чем произносится, самый короткий путь Я к самому себе – это речь другого, позволяющая мне проскочить открытое пространство знаков» [31; 83].

Таким образом, исследования середины XIX – XX века рельефно обозначили ориентиры движения, в направлении которых раскрывалась психологическую сущность СТ. Это, прежде всего, расширение контекста исследований, рассмотрение различных феноменов СТ в связи с жизненно значимыми для «носителя языка» задачами и коллизиями, использование критериев анализа СТ более высокого порядка, нежели лингвистические: фонема, лексема, морфема, грамматические конструкции и др., логические: суждение, умозаключение, сорит и др., а также герменевтические: текст, контекст, дискурс и т.д. Очевидно, что на очереди в ряду усилий гуманитарных наук оказалось выстраивание целостной системы анализа и конструирования СТ, а также введение психологической единицы, позволяющей представить СТ как особую форму познания действительности и способ явления пишущего и говорящего миру и самому себе.

Библиографический список:

1. Арнаудов М. Психология литературного творчества. 2 изд. М.: Прогресс, 1970. - 653 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. М.: Прогресс, Универс, 1994. - 616 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: NEXT, 1994.
4. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М.: Лабиринт, 2000. - 640 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. - 445 с.
6. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: Учеб.пособие. Под ред. Л.В.Чернец. М.: Высш. Шк.; Академия, 2000. - 556 с.
7. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. - 654 с.
8. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: СОЮЗ, 1997. - 94 с.
9. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1996. - 480 с.
10. Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. М.: Академия педагогических наук РСФСР, 1961. - 471 с.
11. Граник Г.Г., Концевая Л.А. Восприятие школьниками художественного текста // Вопр. психол. 1996. №3. С.43-52.
12. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкоznанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
13. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1985. - 452 с.
14. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. - 328 с.
15. Доблаев Л.П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982. - 176 с.
16. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III – VII классов // Известия АПН РСФСР. 1956. Вып. 78. - С.141-250.
17. Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. М.: Лабиринт, 1998. - 368 с.
18. Зеленецкий К.П. Топики // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М.: Academia, 1997. С.34-40.
19. Карабанова О.А. Роль иллюстрации в восприятии литературно-художественных произведений в младшем дошкольном возрасте // Вест. Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. 1984. № 2. С. 25-33.
20. Карпова С.Н., Степанова М.А. Особенности связной речи дошкольников при общении со взрослым и со сверстником // Вест. Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. 1984. № 4. С. 21-28.
21. Коул М. Культурные механизмы развития // Вопр. психол. 1995. №3. С.5-20.
22. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. - 824 с.
23. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. - 287 с.
24. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. - С.202-212.
25. Ляудис В.Я., Негурэ И.П. Психологические основы формирования письменной речи у младших школьников. М.: Международная педагогическая академия, 1994. - 150 с.
26. Овсянко-Куликовский Д.Н. Лирика как особый вид творчества // Вопросы теории и психологии творчества. Том 2. Вып. 2. Спб: Издание Суворина, 1910. - С.182-226.
27. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб.: Союз, 1997. - 256 с.
28. Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. М.: Высшая школа, 1977. - 383 с.

29. Репина Т.А. Роль иллюстрации в понимании художественного текста детьми дошкольного возраста // Вопр. психол. 1959. №.1. - С.127-146
30. Рикер П. Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ. М; СПб.: Университетская книга, 1998. - 313 с.
31. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМИ», 1995.
32. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. М.: Academia-Центр, Медиум. 1995. - 416 с.
33. Рыбников Н. А. Язык ребенка. М., Гос. Изд-во, 1920. – 83с.
34. Рыбников Н.А. Методы изучения речевых реакций // Детская речь. М.: Ин-т эксперимент. психологии, 1927. - С.7- 131.
35. Современное зарубежное литературоведение. Энциклопедический справочник. М.: Интрада-ИНИОН. 1996.
36. Соссюр Ф. Де. Заметки по общей лингвистике. М.: Прогресс, 1990. - 280 с.
37. Страхов И.В. Психология литературного творчества. М.: «Институт практической психологии». Воронеж: «МОДЭК», 1998. - 384 с.
38. Тодоров Ц. Семиотика литературы // Семиотика. Т.2. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. - С.377-381.
39. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994. - 406 с.
40. Хализев В.Е. Теория литературы. Учеб. М.: Высш.шк., 1999. - 398 с.
41. Хозиев В.Б. Опосредствование в становящейся деятельности. Сургут: Сургутский гос. Ун-т – Дефис, 2000. – 324с.
42. Шанский Н.М. Лингвистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1990. - 415 с.
43. Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. - 602 с.
44. Шуберт А. Тесты на испытание речевого развития детей // Детская речь. М., 1927. - С.117-131.
45. Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс. 1985. - 455 с.

Hoziev V.B., Hozieva M.V. Prolegomena to psychological investigation of verbal art

The focus is on the evolution in the humanities (philosophy, hermeneutics, linguistics, literary criticism, psychology, and pedagogics) of a new unit required for analyzing verbal art and verbal proficiency. Different approaches to studying verbal art, basing their analysis on the correlation between the text and the context, the author, the imaginary author, and the reader, are surveyed in succession.

Key words: verbal creativity, text, context, author, reader.

УДК 811.161.1

И.Б. Шатуновский

Перлокуттивные действия и их виды: как действовать словами, действуя словами¹⁵

Аннотация:

Статья посвящена перлокуттивным действиям и перлокуттивным глаголам — глаголам, которые обозначают перлокуттивные действия — в русском языке. Исследование перлокуттивных действий чрезвычайно важно не только для лингвистики, но также для социологии, социальной психологии и логики действий, поскольку перлокуттивное взаимодействие неразрывно связано с социальным взаимодействием в целом. В статье предложен новый подход к перлокуттивным действиям и глаголам, определены условия перехода перлокуттивных глаголов в иллокуттивные глаголы, выделены основные типы перлокуттивных глаголов и действий, описаны наиболее важные глаголы этого типа в русском языке.

Ключевые слова: перлокуттивный, иллокуттивный, речевые действия, глаголы, русский язык, семантика, прагматика.

Об авторе: Шатуновский Илья Борисович, доктор филологических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта:shatunovskiy@yahoo.com

Перлокуттивные речевые действия

Теория речевых актов, наиболее активно развивавшаяся в 60-х гг. прошлого века, постепенно отодвинулась на задний план вследствие изменения лингвистической моды, или, говоря научным языком, парадигмы лингвистических и примыкающих к ним гуманитарных исследований. При этом очень многие чрезвычайно важные для теории и практики описания языка вопросы остались «недорешенными», в частности, особенности перлокуттивных речевых действий в связи с семантикой и грамматикой описывающих их глаголов. Как отмечает М. Я. Гловинская, понятие перлокуции у Остина неясно [9, 227], мы бы сказали мягче — не совсем ясно. Возможно, поэтому в ряде работ иллокуттивные и перлокуттивные акты (действия) не разграничиваются. Так, Дж. Серль в своей классификации иллокуттивных актов рассматривает в качестве иллокуттивных актов и фактически перлокуттивные акты (*threaten* ‘угрожать’, *boast* ‘хвастаться’, *complain* ‘жаловаться’ [29, 177, 181]. Аналогично, в работе [8] рассматриваются недифференцированно в качестве глаголов речевых актов иллокуттивные и перлокуттивные глаголы. Однако это различие объективно существует, перлокуттивные действия, как мы надеемся показать, принципиально отличаются от иллокуттивных актов. При этом перлокуттивные действия представляют собой такой уровень речевой деятельности, на котором неразрывно соединены, слиты язык и (социальная) жизнь, речевое и социальное взаимодействие в целом.

Прежде всего, определение: перлокуттивные действия (далее иногда сокращенно ПД) — это неконвенциональные речевые действия более высокого (относительно иллокуттивных актов) уровня, которые совершаются посредством конвенциональных иллокуттивных актов (речевых актов, далее сокращенно РА), которые относятся к уровню собственно языка. Остин об этом: «... Осуществление локуттивного акта и вместе с ним иллокуттивного акта может также выступать как исполнение акта другого рода. < ... > Мы назовем осуществление акта этого типа осуществлением *перлокуттивного* акта, или *перлокуцией*» [22, 88]; «Иллокуттивные акты конвенциональны; перлокуттивные акты *не-конвенциональны*» [22, 100]. Ярким примером перлокуттивного действия

¹⁵ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00136.

является *убеждение*. Мы убеждаем кого-нибудь в истинности пропозиции Р¹⁶ посредством высказываний, которые сами по себе являются дескриптивными речевыми актами — сообщениями или констатациями. Всегда, когда мы совершаем какой-то перлокутивный акт, имеет место и какой-то иллокутивный акт (акты) (но не наоборот). Так, высказывание (речевое действие) *Петя позонил*, на иллокутивном уровне может быть охарактеризовано как *сообщил*, но на более высоком перлокутивном уровне — как *успокоил*: *Он сообщил, что Петя наконец-то позонил, и тем самым успокоил Машу*. Когда человек жалуется, он сообщает или констатирует нечто плохое, касающееся его, поэтому это одновременно и сообщение (или констатация), и, на более высоком перлокутивном уровне, жалоба.

Из этого также вытекает следующее различие: в случае перлокутивных действий различается то, что делают, и то, чем (какими словами) это делают. Так, угрожают, с о б щ а я : *Если вы не сделаете это, я вас убью*. В случае иллокутивных актов совпадает то, что делают, и то, чем это делают. Так, когда утверждают, что Земля плоская, то делают это словами: *(Я утверждаю, что) Земля плоская*. (Скобки показывают необязательность перформатива.)

Теперь, в каком смысле иллокутивные акты (речевые акты) конвенциональны, а перлокутивные — нет. Иногда Остину приписывают мнение, что для осуществления иллокутивных актов необходимы какие-то внеязыковые установления, и затем это опровергают [33, 136; 29, 176]. Однако Остин нигде не говорит о том, что в с е иллокутивные акты требуют для своего осуществления внеязыковых установлений. Очевидно, что не все иллокутивные акты требуют внеязыковых установлений. Какие-то требуют, а какие-то нет. «Для того, чтобы сообщить, что идет дождь, или пообещать навестить вас, мне достаточно только соблюдать правила языка» [29, 176]. Все иллокутивные акты конвенциональны в том простом смысле, что их значение и употребление основывается на конвенциях (правилах) языка. Для того, чтобы пообещать что-то или сообщить, что идет дождь (со стороны говорящего (Г), а со стороны адресата (А) — понять, интерпретировать сказанное как обещание и сообщение соответственно), необходимо соблюдать (для А — знать) правила языка. У иллокутивных актов есть специальные языковые показатели, есть конвенциональная форма, так же, как и у отдельных слов и у, скажем, синтаксических типов предложений. Для дескриптивных РА — это форма изъявительного наклонения, для различных видов дескриптивных РА, например, сообщения — дополнительно перформатив *сообщаю*, особая интонация; для побуждения — форма повелительного наклонения, а также, дополнительно, перформативные слова, для вопросов — форма и интонация вопроса. Без этих показателей языковых, формальных — это не будет сообщением, вопросом и т.д.¹⁷

В случае перлокутивных актов (действий) не надо знать никаких правил и конвенций, ни языковых, ни внеязыковых, касающихся собственно перлокутивных актов. Всё, что здесь нужно, это знать, как совершать и интерпретировать иллокутивные акты, посредством которых они совершаются, и плюс к этому иметь экстраграмматические знания, касающиеся устройства мира и ума человека, и владеть естественной, внеязыковой, обыденной логикой, которой все люди владеют, независимо от конкретного языка, уже в силу того, что они являются людьми. Так, для того, чтобы сказать с определенной целью (со стороны Г) и понять, что происходит, и как-то на это реагировать (со стороны А), в случае, например: *Если ты это сделаешь, я тебе голову оторву*, совершенно не надо знать, что это угроза. Если А понял содержание этого сообщения и (тем самым) принял его во внимание, то перлокутивный акт угрозы осуществлен. Из этого сообщения также вытекает, можно сказать, в каком-то смысле содержится в нем, «идея», что Г стремится (и может) добиться посредством этого высказывания, чтобы А не делал Р. Но если А и не станет после и в результате этих слов Г делать Р, то это не потому, что он знает, что это угроза, но

¹⁶Р — пропозиция, описывающая какое-то положение дел (состояние, событие, действие, процесс и т.п.) в действительности / положение дел, описываемое пропозицией.

¹⁷ Отметим, что косвенные речевые акты, которые делаются посредством прямых РА и мотивируются ими, также о в е н ц и о н а л ь н ы ; способы совершения косвенных речевых актов различаются в разных языках и в целом идиоматичны [30, 213 – 215]. При этом следует различать косвенные речевые акты и компрессированные цепочки РА, в которых какой-либо РА присутствует имплицитно как импликатура: *Пойдем в кино — У меня завтра экзамен* → ‘поэтому я должен готовиться к экзамену’ → ‘поэтому я не могу пойти в кино’ → ‘поэтому я отказываюсь’ (см. подробнее [38]).

исключительно потому, что ему не хочется испытать ущерб, который ему причинит Г в случае совершения им Р. Это логика жизни, а не языка.

С описанной выше спецификой иллокутивных и перлокутивных актов (действий) связаны особенности употребления соотносительных с этими актами (обозначающими их) иллокутивных и перлокутивных глаголов. Иллокутивные глаголы могут употребляться и дескриптивно — для описания, сообщения о том, какое иллокутивное действие произведено, производится, будет произведено, и перформативно — для совершения этого самого речевого акта и экспликации его характера, т. е. указания, какой именно акт совершается. Перлокутивные глаголы не употребляются перформативно. Иными словами, мы не убеждаем, говоря: **Я вас убеждаю, что вам надо сходить к врачу, и не угрожаем, произнося: *Я вам угрожаю, что я вам голову оторву*¹⁸. Вопрос: почему? Почему не говорят: *Я угрожаю...*? Просто потому, что оно здесь не ужно. Здесь нет ничего скрытого, конвенционального, о чем сигнализировало бы слово *угрожаю*. Экспликация коммуникативной цели — **Я вам угрожаю...* — ничего не прибавляет к ... если вы это сделаете, я убью вас. Перлокутивные глаголы не употребляются (без особых оснований) в перлокутивных актах потому, что их добавление нарушает один из главных принципов речевого общения [11]: не говори лишнего.

Для некоторых из перлокутивных глаголов дополнительными причинами, препятствующими их перформативному употреблению, являются «подрывные» факторы, описанные З. Вендлером [6]. Например, в случае английского *flatter* и русского *льстить* таким фактором, препятствующим экспликации цели данного действия в самом этом действии, является его неискренний характер: *льстить* — ‘неискренне говорить хорошее (≈ хвалить) А с целью добиться его расположения (хорошего к себе отношения) и получить какую-то выгоду’ [14, 660] — обнаружение А-ом неискренности дескрипций Г уменьшает (но не исключает!) шансы на достижение цели этого действия, поэтому обнаруживать скрытую цель и вредить самому себе — нелогично и неразумно. В *хвалиться, хвастаться, подначивать* (и в соответствующих английских глаголах) и т.п., а также в *льстить* и *flatter* заключена отрицательная оценка данного действия, что препятствует приложению этой оценки к себе (в целом люди оценивают себя и свои действия положительно), хотя и не исключает этого (в качестве некоторой самокритики: *Хочу похвастаться...* — Г осознает свою слабость). Но всё это дополнительные факторы. Не используется перформативно и множество других глаголов, которые обозначают действия, в экспликации которых отсутствует какой-либо подрывной фактор. Нет ничего плохого, неискреннего и т.п. в том, чтобы подбадривать, успокаивать, уговаривать, утешать, жаловаться и т.п., и т.д., тем не менее, не говорят: **Я вас подбадриваю сделать это; *Я вас успокаиваю, что он обязательно позвонит* и т.д., где цель — хорошая и оценка действия — положительная.

Заметим, что перлокутивное действие не обязательно делается посредством конкретных иллокутивных актов, располагающих собственным иллокутивным глаголом, способным употребляться дескриптивно и перформативно. Так, при совершении перлокутивных действий активно употребляются РА «широкого», недифференцированного побуждения, выражаемого формами повелительного наклонения [25, 102; 23, 79], не имеющими специального лексического показателя иллокутивной силы (перформативного слова). Аналогично, перлокутивные действия часто совершаются посредством «широких» дескриптивных (описывающих действительность) РА (высказываний), о которых можно сказать не более того, что они фактивны (среди «узких», конкретных РА к ним относятся сообщения, объявления, констатации) или нефактивны (утверждения, заявления, уверения, заверения) [36].

Поскольку перлокутивные действия осуществляются посредством иллокутивных актов и в каком-то смысле «состоят» из них (как предложение строится и состоит из слов), любое перлокутивное действие состоит, по крайней мере, из одного иллокутивного акта (высказывания с определенной иллокутивной силой), но может совершаться и целым рядом иллокутивных актов

¹⁸«... Нельзя совершить актов, скажем, похвалы или угрозы, сказав “Настоящим я хвались” или “Настоящим я угрожаю”, — пишет Серль, делая из этого вывод, что не все иллокутивные глаголы могут употребляться перформативно [29, 177]. Однако из этого, на наш взгляд, следует только то, что это не иллокутивные, а перлокутивные глаголы.

(высказываний), часто разного типа. (Это как предложение, которое может состоять из одного слова, но обычно состоит из нескольких слов, выполняющих различные функции в этом предложении.) Если перлокутивное действие состоит из одного иллокутивного акта, то в этом случае можно говорить о перлокутивном акте. Например, можно похвастаться одним высказыванием, сообщающем о каких-то положительных качествах или достижениях Г — это будет перлокутивный акт хвастовства. Однако можно хвастаться и обычно хващаются, а тем более убеждают, уговаривают и т.д. целым рядом высказываний, объединенных одной целью. Поэтому необходим и мы употребляем здесь более общий термин *перлокутивное действие*, не предполагающий, как термин *акт*, единичность.

Мы обрисовали приблизительно границу перлокутивных действий «снизу», со стороны более низкого, языкового уровня, ограничив их от иллокутивных актов. Но необходимо провести эту границу также «сверху» и «сбоку». Прежде всего, необходимо как-то ограничить круг возможных перлокутивных действий. Трудно даже вообразить все возможные эффекты и цели, которые может иметь в виду Г, совершая иллокутивный акт (акты), тем самым формируя действие более высокого уровня. Поэтому здесь речь пойдет о таких речевых действиях, которые выделены, фиксированы в языке при помощи специальных слов — глаголов и отглагольных существительных. Так, есть даже два слова (одно более широкое, другое более узкое по значению) для речевого действия, совершающегося словами *Если вы сделаете это, я накажу вас — предупреждение / угроза*, но в русском языке нет слова и тем самым не выделено в языке противоположное действие — *Если вы сделаете это, я вознагражжу вас* — хотя как таковое оно на том же уровне, что и угроза. Раз нет такого слова — то, в рамках лингвистики, нечего и изучать.

Другое ограничение — перлокутивные действия должны быть именно речевыми действиями по преимуществу. Если иллокутивные акты могут совершаться только речевыми способами или же физическими действиями, имеющими знаковую, символическую природу (например, можно попрощаться, сказав *До свидания!* и / или помахав рукой) [22, 97 – 98], то иная ситуация в области действий перлокутивных. Здесь также есть большая группа чисто речевых действий — действий, которые могут совершаться только словами: *жаловаться, упрекать, льстить, говорить (делать) комплименты, хвастаться, уговаривать* и т.п. Однако многие глаголы обозначают действия, которые могут совершаться как словами, так и неречевыми средствами (см. [22, 97 – 98]). Так, *успокоить, подбодрить* и даже *убедить* можно не только словесными действиями: *He should convince his employer that he could do his job* (Deutsche Welle TV) — *Он должен убедить работодателя, что он мог бы выполнять эту работу* (работу электрика) — наверное, прежде всего своими делами, а не словами. Такие действия и глаголы рассматриваются только в той мере и в том аспекте, в каком они являются речевыми действиями; критерием здесь является способность вводить прямую речь (в форме совершенного (СВ) или несовершенного (НСВ) вида; так, *смешить / рассмешить* не является перлокутивным глаголом, поскольку не может вводить прямую речь: «Я выиграл эту гонку», — *(рас)смешил меня он; аналогично *Чубайс получал деньги от американцев, —*клеветал / *оклеветал его Доренко; «Ты идиот», — *оскорбил Петра Ивана.*

Перлокутивные акты могут переходить в иллокутивные акты в тех случаях, когда происходит их конвенционализация, фразеологизация. Это приводит к возникновению переходных случаев между иллокутивными и перлокутивными глаголами, когда один глагол может употребляться и перлокутивно, и иллокутивно (*предупреждаю, уверяю, умоляю, настаиваю* и т.д.). Проиллюстрируем это на примере *предупреждения*. *Предупреждение* — это комплексно-перлокутивное действие, которое совершается дискурсивным «блоком», состоящим из двух естественно — с точки зрения логики речевого общения — связанных иллокутивных «частей»: сообщения, что возможно / будет некоторое плохое для А Р, и побуждения принять это во внимание, учитывать в своих дальнейших действиях (≈ «Х говорит это потому, что хочет, чтобы Y руководствовался этой информацией в своих действиях» [8, 173]. Компонент побуждения может по-разному конкретизироваться в различных ситуациях предупреждения: ‘не делай Q, которое может привести к Р’; ‘сделай Q, которое позволит предотвратить Р / минимизировать его последствия’; ‘приготовься к тому, чтобы столкнуться с Р или его последствиями’ и т.д.: *Не пей из лужи, Иванушка, козленочком станешь!* В подобных случаях

предупреждаю обычно не употребляется, просто потому, что оно здесь излишне, хотя дескриптивно это действие описывается именно как предупреждение: *Из машины не вылезайте, кнопки все нажмите — папаша суровый, может и палкой заехать, и собаку спустить!* — предупредил Байрам (М. Гиголашвили. Чертово колесо)¹⁹. В то же время предупреждать может использоваться перформативно, формируя вместе с вводимой им диктальной пропозицией иллоктивный акт. В этом случае оно «вбирает» в свое значение какие-то элементы перлоктивного текста, претерпевая тем самым конвенционализацию, лексикализацию. Этот переход сигнализируется сокращением перлоктивного текста, какие-то элементы которого уже не выражаются открыто как таковые, но сигнализируются перформативным предупреждаю, употребление которого в этом случае становится если не необходимым, то весьма желательным: *Предупреждаю: в поле будет жарко. — Я не боюсь.* (И. Грекова. На испытаниях). В данном случае эксплицитно выражено то, что будет плохое для А Р; наличие побуждения ‘прими это во внимание, подумай, может быть, тебе не стоит ехать’ сигнализируется здесь перформативом предупреждаю. Другой вариант — эксплицируется только побуждение, а сообщение о плохом Р имплицируется перформативным глаголом предупреждаю: *Я просто еще раз предупреждаю тебя, чтобы ты не выходила из офиса* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости) → ‘если выйдешь, с тобой будет нечто плохое’. Ср. также замечание Серля: «Некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с разной иллоктивной целью. ... Так, ...: «Предупреждаю: отстань от моей жены!» (директив), «Предупреждаю, что бык вот-вот бросится» (репрезентатив)» [29, 194]. Как представляется, в обоих случаях это иллоктивный акт именно предупреждения (warning), просто в одном случае имплицитным остается компонент сообщения о возможном плохом для А Р (= ‘если ты не отстанешь от моей жены, я каузирую тебе плохое Р’ — разновидность предупреждения, предупреждение-угроза), во втором — компонент побуждения: ‘беги / приготовься к схватке или т.п.’.

Другой подход к разграничению иллоктивных и перлоктивных глаголов, представленный в российском языкоznании прежде всего в работах М. Я. Гловинской [9, 277 – 284 ; 8, 216 – 217], опирается на критерий достижения перлоктивного эффекта (результата) («... The perlocutionary act ... is the *achieving of certain effects* by saying something» [41, 120], см. также [41, 101]) исоответственноврусскомязыкенаразличиеHСВиСВ. Перлоктивы «обозначают речевой акт с реальным, достигнутым результатом, притом запланированным заранее. При этом граница между иллоктивами и перлоктивами проходит обычно внутри видовых пар: в форме НСВ (в нерезультативных значениях) глагол является иллоктивом, в форме СВ — перлоктивом» [9, 278]. В соответствии с этим критерием глагол НСВ, например, *убеждать* — это иллоктивный глагол, соотносительный глагол СВ *убедить* — перлоктив. На наш взгляд, имеет смысл разграничить иллоктивные и перлоктивные глаголы, не связывая это противопоставление с реальным достижением результата и различием видов. *Убеждать* и др. НСВ глаголов этого типа и обозначаемые ими действия (деятельность) имеют объективные отличия от иллоктивных глаголов (речевых актов) и объективные сходства с СВ *убедить* и др. И главное отличие — *убеждают, успокаивают* и т.д. посредством иллоктивных актов. Деятельность (процесс) убеждения так же неконвенциональна, как и достижение результата. И НСВ, и СВ в этом случае обозначают одно и то же действие, одну и ту же неконвенциональную, осуществляющую посредством конвенциональных иллоктивных актов деятельность (но с разных сторон, в разных аспектах, как это и свойственно формам вида).

Далее, если принять в качестве критерия перлоктивности достижение действием эффекта, окажется, что одно и то же речевое действие, пока оно не достигло результата, а совершается, является иллоктивным актом, а после того, как оно достигнет результата, оно же становится задним числом перлоктивным актом (действием). Такое описание не кажется естественным. Более того, очень часто остается неизвестным, достигло ли результата действие, ср.: *Почему? Как? Где я вообще? — У себя дома, — успокоил его Крячко.* (Н.И.Леонов,

¹⁹ Источником примеров в статье являются, за редким исключением, материалы «Национального корпуса русского языка» (URL: <http://www.ruscorpora.ru>. — Режим доступа: свободный); далее — Корпус.

А.В.Макеев. Гроссмейстер сыска) = ‘сказал с целью успокоить’ [34], достиг ли результата, успокоил ли — неизвестно.

Кроме того, наличие цели и произведение эффекта, достижение этой цели (результата)²⁰ само по себе не может служить основанием для разграничения перлокутивных и иллокутивных глаголов (актов), поскольку, как справедливо отмечает Остин, у иллокутивных актов тоже часто есть цель, состоящая в изменении состояния ума А-а [22, 96]. Так, когда я сообщаю что-то, то у меня есть цель передать информацию (Р) А-у, и я не могу сказать, что я *сообщил* что-то А-у, если не достигнут результат — А воспринял Р — содержание моего сообщения, принял его как факт и поместил его в свою картину мира (см. [36]).

Примечание: Различие, которое тем не менее имеется в отношении достижения результата между иллокутивными и перлокутивными глаголами, следующее: в перлокутивных глаголах СВ достижение или недостижение результата (там, где это выражается глаголом, не все и не всегда перлокутивные глаголы СВ обозначают достижение результата [34]) — ассерция, потому что здесь результат может быть достигнут, а может быть и не достигнут (*убеждал, но не убедил*), в иллокутивных глаголах СВ достижение результата является импликативным компонентом [42]. Результат здесь достигается как автоматическое следствие того, что Г сказал Р, просто в силу того, что Г правильно, с соблюдением всех условий успешности произвел соответствующий иллокутивный акт: *Г приказал А-у сделать Р* = ‘сказал ..., [и в силу этого А обязан сделать Р]’; *Г сообщил А-у, что Р* = ‘сказал ..., [и в результате этого А имеет Р в уме]’. Поэтому здесь невозможно отрицание достижения результата: *сообщал, но не сообщил, приказывал, но не приказал; Он не сообщил ему, что Р* = ‘не сказал’.

Два типа перлокутивных глаголов и действий

Все перлокутивные речевые действия, поскольку это намеренные, контролируемые действия, производятся с целью достижения какого-либо эффекта. Однако всё не так просто с целью и намеренностью. Перлокутивные речевые действия и обозначающие их глаголы²¹ делятся с точки зрения наличия и характера цели на 2 группы. Одна из этих групп — это цели на практике глаголы, обозначающие прототипические действия — действия в полном смысле слова, имеющие четкую цель, фиксированную в значении слова, описывающего это действие, полностью и безусловно намеренные. Эта цель касается осуществления какого-то воздействия на А, изменения состояния его «ума» — в широком смысле, ментальной сферы, включающей мысли, чувства и волю адресата. Это такие действия, как *убеждать / убедить, уговаривать / уговорить, успокаивать / успокоить* и т.п. Такие действия являются полностью контролируемыми в отношении процесса совершения этого действия, выражаемого формой НСВ, например, *убеждать* (но не полностью контролируемыми в отношении достижения результата).

Другая группа перлокутивных глаголов / действий — это (глаголы, обозначающие) действия, не имеющие фиксированной, выделенной цели (цели, которая была бы закреплена, лексикализована в значении обозначающего это действие слова). Это такие глаголы / действия, как *жаловаться, предупреждать, ругать, угрожать, упрекать, хвалить, хвастаться* и многие другие. Такие действия также совершаются посредством конвенциональных действий собственно языкового уровня — иллокутивных актов. Так, когда Г *жалуется*, то он сообщает А-у о некоторых плохих для Г Р, когда он *упрекает* А-а, он, используя дескриптивные высказывания, констатирует, что он сделал для А некоторые хорошие для А Р, а А со своей стороны не сделал для Г ожидаемых на основе взаимности хороших для Г Р, когда Г *хвастается*, он сообщает А-у о некоторых положительно характеризующих Г Р, и т.д. Такие речевые действия также имеют какую-то цель или цели. Однако, в отличие от перлокутивных действий предшествующей группы, цель этих действий не фиксирована в языке. С ними связан, ассоциируется «пучок» (только) возможных целей, нечетко отделенных друг от друга. Ср.

²⁰ В случае целенаправленных (контролируемых) действий (которые только и могут быть названы в полном смысле действиями) цель и результат — это две стороны одной концептуальной медали. Цель — это «замыленный» деятелем, намеченный, предполагаемый результат; результат — это достигнутая действием цель [17, 176].

²¹ Мы классифицируем, делим на типы перлокутивные действия в м е с т е с обозначающими их глаголами (и существительными), это одновременно классификация слов и действий. В области перлокутивных действий язык и жизнь особенно трудноразделимы.

различия в толкованиях цели перлокутивного действия упрека у разных авторов: «Основная цель упрека — указать, что упрекаемый обманул наши ожидания» [40, 140]. Вполне возможно, что так — в каких-то случаях. «Х говорит это, чтобы Y знал, что P огорчает X-а, и не делал больше P» [8, 198]. Такая цель также возможна — но только возможна. Но может быть, также, что он / она старается сделать так, чтобы она / он чувствовал себя виноватым, испытывал угрызения совести, и в результате (всё это только возможно) побудить его сделать что-то хорошее для Г в порядке компенсации. Помимо того, что цель этих действий более размыта, она очень часто и более «инстинктивна», эмоциональна, не рациональна, не очень ясна самому Г — а это значит, что она в меньшей степени является собственно целью, а эти действия в меньшей степени являются собственно действиями. Здесь цель часто превращается в неосознаваемый или слабо осознаваемый мотив²². В мотиве сближаются, сливаются причина и цель. Так, когда человек хвастается, он, вероятно, хочет произвести впечатление на А-а, добиться того, чтобы А ценил, уважал Г, возможно, восхищался им, преклонялся перед ним и т.п. Однако он может хвастаться не для того, чтобы почувствовать себя выше А-а (это была бы цель), но поэтому, что ему приятно чувствовать себя выше А-а (возможно неосознаваемый мотив). Г может жаловаться для того, чтобы побудить А предпринять какие-то действия для облегчения положения Г, но также просто для того, чтобы «облегчить душу», «дать выход отрицательным эмоциям» [8, 196], разделить с кем-то тяжесть неприятных событий. Язык является не только рациональным орудием описания, информирования, задавания вопросов и т.д., но и средством иррационального выражения и «возбуждения» различных эмоций, сознательных, полубессознательных и бессознательных переживаний и чувств — в самом Г и А. Такое выражение и «возбуждение» гораздо меньшей степени контролируется Г. Нет резкой границы между рациональным, намеренным и эмоциональным, непроизвольным, ненамеренным в речи (и тем самым в отражающем ее факты языке), в частности в перлокутивных действиях этой группы.

В целом, если в целенаправленных перлокутивных глаголах четко фиксирована цель, т.е. для чего это говорится, но их содергательная характеристика, то есть что при этом говорится, является гораздо более неопределенной, то в перлокутивных глаголах второго типа, напротив, специфика действия (значения глагола) определяется прежде всего тем, что говорится, это достаточно четко фиксировано в значении глагола, но для чего это говорится — является недостаточно определенным, не совсем ясным.

Поскольку здесь неясны цели и тем более неясно, достигнуты ли они, такие глаголы имеют СВ со значением ‘сказал’ и не имеют СВ со значением достижения цели: Г *пожаловался* А-у на Б — ‘сообщил о некоторых плохих для Г действиях Б,’ чего он этим хотел достичь и достиг ли он этим чего-нибудь — неизвестно.

(Как видим, различные действия, в том числе и перлокутивные действия, являются действиями в разной — большей или меньшей степени. Это размывает описание, но ничего не поделаешь — такова жизнь и таков встроенный в нее, являющийся ее неотъемлемой частью язык.)

Целенаправленные перлокутивные глаголы

Рассмотрим теперь более подробно группу целенаправленных перлокутивных глаголов (действий). Перлокутивные глаголы этого типа обозначают речевое действие, цель которого воздействовать на А. Для этих глаголов важным является противопоставление конативных и неконативных перлокутивных глаголов. При этом различие по этому признаку может проходить как между глаголами в целом (то есть глагол в целом является конативным или неконативным), так и между различными значениями (употреблениями) одного глагола, который в одних случаях понимается как конативный, а в других — неконативный. Наиболее простое определение этой группы — конативные глаголы — это глаголы со значением попытки (для СВ), включающие в свою семантику значение ‘пытаться’ (для НСВ) [5, 27; 23, 112; 19]. Глагол *попытаться* / *пытаться* является аналитическим показателем конативности, посредством этого глагола образуются конативные сочетания от глаголов, которые могут пониматься как конативно, так и неконативно (например, *пытается открыть окно*). В случае *пытаться* / *попытаться* и конативных глаголов в целом действие имеет некоторую цель (направлено на достижение

²²О сближении в ряде случаев мотива и цели, их контаминации см. [3,15; 26].

определенного результата), и достижение этой цели является вероятностным (только возможным). При этом важно, что достижение цели в случае конативных глаголов двусторонне обусловлено: оно, с одной стороны, зависит **от усилий С**, а с другой, как отмечает Е.В. Падучева [24, 52], — всегда **и от (неподвластной ему) удачи**. Например, человек *пытается найти / ищет кого-либо*. В одно место заглянул — нет его, в другое место заглянул — нет, ... в десятое место заглянул — он там, действие увенчалось успехом (*нашел*) или опять не обнаружил его и прекратил поиски (*не нашел*). При этом субъект, не обнаруживший объект своих поисков в десятом месте, может **продолжить их** (это **зависит от него**), и если ему **повезет** (что **от него уже не зависит**), он найдет его в 11-ом месте.

В случае неконативных глаголов и неконативной интерпретации неоднозначных в этом отношении глаголов достижение действием цели также может быть только возможно, однако ее достижение или недостижение уже не зависит двусторонне от усилий С и удачи. Например, С пошел в магазин купить хлеба, но хлеб к его приходу закончился или магазин был уже закрыт. Мы не можем сказать в этом случае, что он **попытался** купить хлеб, потому что от его усилий здесь ничего не зависело, и мы не предполагаем, что он мог бы купить хлеб, если бы совершил еще одну попытку. С другой стороны, если он решил написать грандиозный роман и прилагал усилия к осуществлению своего замысла, но у него ничего не вышло, здесь также плохо сказать, что он **попытался** написать роман, поскольку здесь очень много зависит от усилий С и его способностей, но не видно, в чем здесь роль удачи, и мы не можем сказать, что он написал бы роман, если бы ему повезло.

Свидетельством конативной интерпретации перлокутивных глаголов (в случае успешной попытки) являются обстоятельства *с трудом, на силу, еле-еле* и т.п. (см. [19]), но также *легко, без труда* и т.п.: ... *Я с трудом убедила его выпить стакан чаю* (В.А. Каверин *Открытая книга*); *Однажды я его с большим трудом уговорил пойти со мной на водную станцию*. (Ф. Искандер. *Мой кумир*); *Он попытался было слезть с помоста, но я всё-таки уговорил его спрыгнуть* (Ф. Искандер. *Мой кумир*); *Он без труда / легко убедил его поступать в театральный институт*.

Неконативные перлокутивные глаголы и неоднозначные в этом отношении глаголы в неконативных значениях обозначают речевое действие, не состоящее из ряда попыток. Здесь эффект также может быть достигнут, а может быть не достигнут, однако это уже зависит не от действий самого Г, а от установок, позиции А. Например, А может не верить Г или не доверять его компетентности. Тогда результат не будет достигнут. Например, Г сказал нечто с целью успокоить А, но А не успокоился, потому что не поверил этим успокоительным заявлениям.

Однозначно конативными перлокутивными глаголами являются *убеждать, уговаривать, упрашивать*. Однозначно неконативными являются *ободрять, подбадривать, обнадеживать, пояснять* (ср. **Он с трудом / легко подбодрил его*) и др.; многие глаголы допускают как конативное, так и неконативное понимание (*уверять, успокаивать, объяснять, разъяснять* и т.д.).

Конативные и неконативные глаголы различаются с точки зрения значения СВ. Конативные глаголы и глаголы в конативных значениях в СВ обозначают достижение результата: *Он убедил ее в том, что печалиться не стоит*, неконативные глаголы и глаголы в неконативных значениях имеют значение ‘сказал’, достигнут или не достигнут результат — неизвестно [34; 35]: *«Не стоит печалиться, вся жизнь впереди»*, — успокоил он ее.

При этом никакое речевое действие как таковое не может оказать непосредственно какое-либо физическое, материальное воздействие на А (исключая магическое побуждение и вообще магию посредством слов — *заклинаний, проклятий* и т.п., но этот вид действий за пределами нашего рассмотрения), они могут воздействовать только на нематериальную сторону А, на его внутренний идеальный мир (и только через события этого внутреннего мира производить опосредованное воздействие на мир физический, внешний). Внутренний, идеальный мир человека делится на 3 основных части: ум, волю и чувства (эмоции). Соответственно, целенаправленные перлокутивные действия делятся на 3 основных вида в соответствии с тем, на какую область внутреннего мира человека они воздействуют (см. [9, 278]). Это

1) ПД, воздействующие на ум (ментальное состояние) А-а, его картину мира): *убежждать₁, настаивать, объяснять* и т.д. — дескриптивные ПД (соотносительные с дескриптивными — описывающими действительность — РА (высказываниями));

2) ПД, воздействующие на волю А-а (= ПД побуждения к действию): *настаивать₂, убежждать₂, уговаривать, умолять, упрашивать* и т.д.;

3) ПД, воздействующие на чувства А-а — его эмоциональное состояние — *успокоить, подбодрить, утешить* и т.д.

Между этими группами нет резких границ — недаром многие глаголы употребляются для обозначения воздействия на разные сферы с диффузной переходной зоной; поскольку выбор воли часто обусловлен умом, рациональными соображениями, воздействуя на ум, мы воздействуем и на волю, воздействуя на волю, мы часто прибегаем к помощи ума и чувств, воздействуя на чувства, прибегаем к помощи ума и воли.

Целенаправленные перлокутивные глаголы, помимо валентностей участников коммуникации — Г и А, имеют также валентность перлокутивной цели (= *результат*, если цель достигнута) — в чём хотят, например, убедить А-а, и валентность *средства* достижения этой цели — это высказывания, речевые акты, которыми убеждают, побуждают что-либо сделать, успокаивают и т.д. Эти высказывания вводятся посредством прямой или несобственно-прямой речи, в некоторых случаях — изъяснительных *что*-придаточных.

Рассмотрим теперь подробнее каждый из этих типов.

Продолжение статьи — в следующем номере журнала.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 341 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М.: Наука, 1992. С.14–23.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. литер., 1955. 416 с.
5. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Просвещение, 1971. 239 с.
6. Вендлер З.Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 238 – 250.
7. Гловинская М. Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 82 – 88.
8. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993б.
9. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
10. Гловинская М. Я. От «наставлений» к «подначкам» // Логический анализ языка: Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М.: Индрик, 2011. С. 48 – 56.
11. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
12. Дмитровская М.А. Механизмы понимания и употребление глагола *понимать* // Вопросы языкоznания. 1985. № 3.
13. Ефремова Т. Ф.Новый словарь русского языка. – М., 2000.
14. Зализняк, Анна А., Шмелев А. Д.. *Лъстить*: семантическая эволюция и актуальная полисемия // Логический анализ языка: Между ложью и фантазией. М., 2008.
15. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
16. Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2009.
17. Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка //Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 161 – 238.
18. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
19. Милютина М.Г.Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка

- результат» и его выражение в современном русском языке. Ижевск, 2005.
20. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-ое изд., испр. и доп. Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
21. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
22. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
23. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
24. Падучева Е.В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкоznания. 2004. № 5.
25. Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
26. Рахилина Е.В. Отношение причины и цели в русском тексте// Вопросы языкоznания. 1989. № 6. С.46–54.
27. Русская грамматика / АН СССР. Ин-т рус. яз. Т. 1. М., 1980.
28. Селезнев 1988 – М.Г. Селезнев. Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
29. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
30. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. .
31. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981-1984.
32. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
33. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.
34. Zhang Jiahua. Eluosi dangdai yuyiue. Beijing, 2003.
35. Чжан Цзяхуа, Шатуновский И. Б. Перлокутивные глаголы и вид в русском языке // Scando-Slavica. 2014, 60:2. С. 352 – 366. — <http://dx.doi.org/10.1080/00806765.2014.984471>.
36. Шатуновский И. Б. Дескриптивные высказывания в русском языке // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25. No 1.
37. Шатуновский И. Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения // Агрессия в языке и речи. М., 2004.
38. Шатуновский И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог' 2004. М., 2004.
39. Шатуновский И. Б. Грамматика мысли в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., МГУ, 20 – 23 марта 2010 г. Труды и материалы.
40. Шмелев А. Д. Русский язык и внезыковая действительность. М., 2002.
41. Austin J.L. How to do things with words. Oxford, 1962.
42. Karttunen L. Implicative verbs // Language. 1971. V. 47. N 2. P. 340 – 358.
43. Macmillan English dictionary: For advanced learners. 2006.
44. Wierzbicka A. English speech act verbs: A semantic dictionary. Sydney etc., 1987.

Shatunovsky I.B. Perlocutive acts and their types: how to do things with words, doing things with words.

This paper is devoted to perlocutionary actions and perlocutionary verbs — the verbs that denote perlocutionary actions — in Russian. The study of perlocutionary actions are of great importance not only for linguistics, but also for sociology, social psychology, and logic of actions, because perlocutionary interaction is an intrinsic part of social interaction at large. The paper proposes a fresh approach to perlocutionary actions, establishes the conditions of transition of perlocutionary verbs into illocutionary ones, identifies the main types of perlocutionary verbs and actions, describes the most important Russian perlocutionary verbs.

Keywords: perlocutionary, illocutionary, speech acts, speech actions, verbs, Russian, semantics, pragmatics.

УДК 398.91

С.Г. Ангелова

Мудрость как культурная ценность

Аннотация:

Статья посвящена исследованию семантического этнополя, включающего в себя концепт «мудрость» в болгарском и румынском языках. Сопоставительный анализ паремий дает возможность вскрытия этнокультурных особенностей, связанных с повседневной жизнью болгар и румын.

Ключевые слова: мудрость, пословицы и поговорки, семантическое этнополе, культура, ценности, паремиология.

Об авторе: Ангелова Силвия Георгиева, Русенский университет им. Ангела Кынчева, Филиал-Силистра, Болгария, сертифицированный преподаватель кафедры филологических наук; эл. почта: silvijabg@yahoo.com

Лингвокультурологические концепты в болгарской и румынской паремиологии, их идентификация и сопоставительный анализ дают возможность вскрытия этнокультурных особенностей, связанных с повседневной и духовной жизнью болгар и румын.

Румынские и болгарские паремии представляют собой исключительно разнообразный и изысканный культурный материал, который поднимает вопрос об их классификации. В своем исследовании я пользуюсь определением этнополе, сформулированным Константином Негряну. Он впервые ввел это понятие, охватывающее пословицы и поговорки, которые относятся к одному и тому же концепту, в лингвокультурологию.

Негряну разделяет румынские пословицы и поговорки на семантические этнополя, включающие концепты *мудрость, глупость, трудолюбие, лень, правда, истина, умеренность, дружба и др.*

Исследования показывают, что этнополе в румынском языке включает широчайший спектр пословиц о мудрости. Этот феномен Константин Негряну[5] объясняет тем, что мудрость доминирует в моральной идентичности румын: «Моральный облик румынского народа можно охарактеризовать через следующие компоненты: превосходство, разум, рациональность..., реализм, здоровая связь с природой, меланхолия протяжных народных песен, юмор и живость, глубокое, но здравое национальное чувство, сопряженное с духом широкой толерантности, замечательная способность впитывать новое, чувство меры и конкретный подход в каждой ситуации, отказ от мистицизма».

Концепт «мудрость (разумность)» характеризуется такими компонентами, как предусмотрительность, рационализм, оценочность, трудолюбие, молчание, терпение, собственное мнение. Вокруг этих культурных ценностей строится этнополе пословиц и поговорок. Пословица *Мудрые собирают, глупые расточают* декларирует предусмотрительность, что для обоих народов явным образом является частью характеристики концепта «мудрость».

В национальном самосознании и болгар, и румын мудрость соотносится с таким качеством как рационализм (*Глупость отдает, мудрость берет, Умный и во сне зарабатывает свой хлеб, Умный везде найдет себе на пропитание, Мудрый готовит пищу до того как проголодается*) и реализм (*Боятся мудрые, а не глупые, Мудрый заботится сегодня о завтрашнем дне*), а также совпадает и высокая оценка, которую оба народа дают мудрости (*Ум и разум за деньги не купишь, Лучше знать, чем иметь и не знать, Ум дороже денег, Лучше иметь грамм памяти, чем обол силы, Глаза мудрых видят дальше, Мудрый и без денег богат*). В некоторых болгарских поговорках отождествляются такие ценности как мудрость и ум.

Концепт «мудрость» включает и микроконтексты, в которых мудрости отдается превосходство над красотой и удачей, везением. Все это естественным образом приобретается мудростью. Болгарская пословица «*По одежке встречают, а по уму провожают*» идентична румынской поговорке «*Лучше уродливый и умный, чем красивый и глупый*». Обе пословицы несут послание, что мудрость более ценна, чем красивая внешность. Такая положительная оценка мудрости особенно ярко выражена в румынских пословицах: *Красота без мудрости как цветок в грязи, Красота убывает, а мудрость растет, Сила без ума, как красота без глаз*.

В национальном румынском сознании бытует убеждение, что мудрость основана не на везении: *Удача ничто, мудрость – все; Удача иногда нас находит, но мудрость нам самим нужно искать как сокровище*.

Этнополя, которые составляют концепт «мудрость», охватывают многочисленные качества мудрого, основанные на длительном опыте. Это терпение, благородство, справедливые суждения, предусмотрительность и др. *Мудрец терпелив; Терпение - основа (подобие) мудрости*. Румынские пословицы прямо связаны и с практической жизнью, обозначая связь двух ценностных характеристик культуры. Синонимичные болгарские пословицы «*Ночи не пустое время; Ночь – наследка, что-то да высидит*» объясняют смысл пословицы «*Утро вечера мудренее*», а именно, что человеку не следует торопиться с принятием решений.

Ценностная характеристика мудрости включает и такое качество, как благородство: *Преждечем что-то делать – подумай! Мудрый ко всему готовится загодя; Говори, после того, как подумаешь!* Мудрость в румынском самосознании связана с благородством: человек мудрый не хвастается, не поднимает шума вокруг своих дел, думает, прежде чем что-то сказать, например: *Мудрый молчит и делает; Мудрый семь раз прикусит язык прежде, чем что-то сказать; Кто молчит среди кричащих, тот умнее их*.

Благородство у болгар приобретает дополнительную черту – отстаивание собственных взглядов, при этом человек мудрый прислушивается и к мнению других: *Людей слушай, но свой ум не теряй*.

В национальной картине мира каждого народа, любая культурная ценность представлена не только через выявление ее положительной аксиологической характеристики, но и через антиномии: указание на противоположные ей качества, осуждаемые народом. Так, например, иногда суждение (суд, осуждение) парадоксальным образом представляется антонимом мудрости: *Суждение с восковым носом. Суждение/осуждение подобно телеге с двумя ведущими: может ехать и вперед и назад*.

Противопоставление двух культурных ценностей ума и удачи включает и этнополе антиномий: *Лучше грамм удачи, чем вагон ума. Вместо телеги разума, лучше зернышко счастья*. Явное противоречие читается в оценочной характеристике, которую румынский народ дает антиномии ум – удача. С одной стороны, в психологии народа мудрость обозначается как приоритетная ценность по отношению к везению, удаче, но, с другой стороны, преобладает pragmatism, где отдается предпочтение удаче и счастью. Подобный pragmatism, дающий перевес более легкому проведению жизни, представлен в болгарской пословице: *Лучше болит голова, чем болят ноги*. Здесь приводится несколько иной аспект оценки культурной значимости ума (знания) – понимание того, что образованный человек не имеет необходимости в тяжелом физическом труде и поэтому ему легче живется.

В коллективном болгарском самосознании четко различаются обладание умом (разумом) как качеством, отличающим человека, как мыслящего индивида, от животных, и ценостная характеристика «ум». Вот почему, в некоторых поговорках ум противопоставляется мудрости. Сравним: *У каждого есть капля ума (то есть разум присущ каждому человеку), Ум делает, голова мешает* (неверные суждения, самонадеянность, глупость и т.д. – причины того, что человек сам себе вредит); *Ум царствует, ум находится в рабстве, ум уток пасет* (три варианта проявления ума – благородство, тупоумие, глупость (в значении беспечность)).

В оппозиции мудрости на оценочной шкале ценностей стоят глупость и дурость: *Чего мудрый стыдится, тем дурак гордится; Мудрые собирают, глупые расточают; Лучше плакать с мудрым, чем смеяться с дураками*. В обеих последних поговорках выбор делается в пользу мудрости по сравнению с предполагаемым убытком или бедой. Синонимом аналогичной народной

мудрости в румынской пословице: *Носи камни с умными, не будь товарищем безумных! Лучше получить шлепок от мудреца, чем поцелуй от глупца.*

И для болгарского, и для румынского народа мудрость предпочтительна, независимо от того, приносит ли она материальную выгоду даже в сравнении с прибылью глупца: *Пусть тебя бьет ученый, а не ласкает неуч; Лучше с умным убытки, чем с глупцом прибыль.* Для контраста вспомним приведенную выше румынскую пословицу: *Вместо телеги разума, лучше зернышко счастья*, идея которой приближается к всемирно распространенному утверждению, что во многом знании много печали. Такое же послание несет буквальный смысл болгарской пословицы: *Кто ищет мудрости, пожнет печаль.*

В мировосприятии двух народов укрепилось предпочтение мудрого врага глупому другу: *Лучше враг разумный, а не безумный (болг.); Лучше умный злодей, чем безумный приятель (болг.); Лучше умный враг, чем глупый друг (рум.).* В данном случае как в болгарской, так и в румынской народной психологии в одну моральную плоскость поставлены понятия мудрости и чести.

Высокая частотность пословиц и поговорок, содержащих концепт «мудрость», демонстрирует важное значение, которое болгарский и румынский народы придают этой культурной ценности, являющейся плодом многовекового национального и общечеловеческого опыта.

Библиографический список:

1. Пенаков, Ив., Райнов, Ж., Паунчев, Г. Румънско-български речник, София, 1962.
2. Икономов, Н. Балканска народна мъдрост. Успоредици на български, сръбски, турски, румънски, гръцки и албански пословици и поговорки, Изд. на БАН, София, 1968
3. Стойкова, Ст. Български пословици и поговорки, ИК „Колибри”, 2007.
4. Витанова, М. Човек и свят. Лингвокултурологични проучвания, Изд. „Бул-Корени”, София, 2012.
5. Negreanu, C. Structura proverbelor romanesti, Bucuresti, Ed. Stiintifica si Enciclopedica, 1983.
6. Botezatu, Gr., Hincu, A., Dictionar de proverbe si zicatori romanesti, Ed. Litera International, 2001.
7. Hintescu, I. Proverbele romanilor. Ed. Facla, Timisoara, 1985.

Angelova, S. G. Wisdom as Cultural Value.

The paper considers the ethnic semantic fields containing the concept of ‘wisdom’ in Bulgarian and Rumanian. A contrastive analysis of the paroemiae allows discovering specific ethnic-cultural aspects connected with the every-day life of the Bulgarians and the Rumanians.

Key words: wisdom, proverbs and sayings, ethnic-semantic field, culture, values, paremiology.

Научный дебют

УДК81'367.7

О.Д. Бушева

«Сложное подлежащее» в британской прессе, или как быть объективным и субъективным одновременно

Аннотация:

Ни для кого не секрет, что газетный текст не всегда выполняет только лишь информационную функцию. Чаще всего она дополняется функцией воздействия на общественное мнение. Конечно, в разных статьях приоритетной оказывается либо та, либо другая функция. Работа, результаты которой представлены в данной статье, была проведена для того, чтобы проверить гипотезу: во-первых, конструкция «сложное подлежащее» — частый гость в британских статьях, во-вторых, это языковое средство оказывается помощником британского журналиста, который стоит перед задачей повлиять на мнение читателя, при этом не подрывая собственную репутацию голословными утверждениями.

Ключевые слова:

конструкция «сложное подлежащее», британская пресса, прагматика, дискурс печатных СМИ, аналитический текст, информационный текст.

Об авторе: Бушева Ольга Дмитриевна, Государственный университет «Дубна», студентка 1-го курса магистратуры кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: olga_busheva94@mail.ru

Прежде всего, следует пояснить, что из себя представляет конструкция «сложное подлежащее». Посмотрим на следующий пример:

— *Mary is said to have won the competition.* — Говорят, Мэри выиграла соревнование.

В этом предложении *Mary ... to have won* — пример конструкции «сложное подлежащее». В русском языке аналогов ей нет. В английском же языке она часто используется во всех регистрах: в разговорной речи, в новостях, в художественной и научной литературе, хотя в каждом из них употребление конструкции «сложное подлежащее» имеет свои особенности. Чтобы понять, как устроена конструкция, рассмотрим её с точки зрения двух уровней: синтаксического (формального) и семантического (уровня значения).

С формальной точки зрения в предложении из примера лишь один субъект — *Mary* и одно сказуемое — *is said to have won*. Однако глаголов в этом сказуемом два (1 — *is said*, 2 — *to have won*). Второй глагол (в неличной форме «инфinitив») относится к «Мэри» («Мэри выиграла»), а первый (в личной форме) выражает комментарий по отношению к действию «Мэри», причём от кого исходит такой комментарий, в предложении не обозначено. Таким образом получается, что логически глагол *is said* относится к утверждению, что «Мэри выиграла соревнование» (к *Mary ... to have won*), а не только лишь к «Мэри». Значит, логическое подлежащее не совпадает с подлежащим формальным и состоит из двух частей: именной фразы и инфинитива. Эти части разделены глаголом в личной форме (стоит отметить, что, во-первых, вместо глагола здесь может стоять модальная фраза; во-вторых, этот глагол или модальная фраза может также выражать,

помимо комментария, мнение или вывод) [5, с. 424]. Отсюда и название — «сложное подлежащее».

Чуть позже мы рассмотрим, как особенности подобной структуры используются в тексте британских газет. Прежде чем это сделать, отметим пару моментов, связанных с использованной нами методологией. Так как, согласно положению Томаса Куна, моделью постановки проблем и их решений науку обеспечивает научная парадигма, важно знать, какая парадигма господствует на сегодняшний момент в лингвистике [6]. А лингвистика сегодня развивается в свете постнеклассической науки, для которой характерно соединение объективного мира и мира человека. Иными словами, нынешняя лингвистическая парадигма ставит во главу угла фактор человека и отвечает на вопрос «Как функционирует язык?», а не на вопрос «Как устроен язык?», которому уделялось так много внимания раньше. Был произведен отказ от рассмотрения языка «в себе и для себя», поворот к «индивидуалистическому субъективизму», как назвал М.М. Бахтин направление лингвистики, которое рассматривает язык как «деятельность, непрерывный творческий процесс созидания,... осуществляемый индивидуальными речевыми актами» [1]. Языковые единицы стали рассматриваться в тесной связи с pragматическим аспектом их употребления.

Прагматика ставит своей целью выяснить взаимосвязь между употреблением языковых единиц и коммуникативной целью говорящего/пишущего. Мы также последуем этим путём и в исследовании особенностей употребления грамматической конструкции «сложное подлежащее» сделаем упор на целеустановки автора, решившего (осознанно или подсознательно) использовать конструкцию «сложное подлежащее» в газетной статье.

Это невозможно без обращения к тому, как определяет особенности газетного стиля функциональная стилистика, а также к отличительным характеристикам дискурса печатных СМИ.

Несмотря на расхождение мнений по вопросу принадлежности текстов газет к какому-либо функциональному стилю, некоторые исследователи выделяют газетный стиль в качестве самостоятельного функционального стиля. К таким исследователям относятся профессор И.Р. Гальперин и И.В. Арнольд. Проф. Гальперин определяет газетный стиль как систему взаимосвязанных языковых средств, которые служат для информирования читателя и воздействия на него. Помимо этого, в перечень задач газетного текста входит формирование у читателя определённого взгляда по ряду вопросов, а также оценка представленной информации, диктуемая политикой газеты. Важно отметить, что авторы статей чаще всего стараются избежать ответственности за информацию, которая может оказаться недостоверной и прибегают к средствам выражения модального значения вероятности [3]. Решению перечисленных задач и способствует использование конструкции «сложное подлежащее».

При анализе языка газетного текста следует также учитывать основные особенности дискурса печатных СМИ. Понятие дискурса впервые появилось в концепции французского лингвиста Эмиля Бенвениста. Э. Бенвенист писал, что «речь [*discours*]» необходимо понимать в наиболее широком смысле как любое высказывание, произведённое с условием присутствия адресанта и адресата, а также намерения первого оказать определенное воздействие на второго [2, с. 23].

Главными целевыми ориентирами, присущими дискурсу печатных СМИ, можно назвать единство информативной и воздействующей цели. Помимо этого, деятельность СМИ ориентируют такие базовые ценности, как: информативность, достоверность, точность, новизна, объективность, доступность, актуальность, своевременность, оперативность [7].

Мы поддерживаем точку зрения, согласно которой британские газетные тексты, как и тексты газет вообще, можно разделить на два основных типа: 1) информационный текст, содержащий в основном информацию о фактах, процессах, событиях окружающего мира, которая явно выражена и не содержит эмоционально-оценочных элементов и, с другой стороны, 2) аналитический текст, в котором содержатся элементы неявно выраженной информации. Такая информация выражает авторское понимание отношений между явлениями либо извлекается благодаря активизации ассоциативных значений слов и выражений [4, с. 27—28; 8].

В качестве материала для исследования были выбраны 2 качественные (*The Independent*, *The Guardian*) и 2 популярные (*The Mirror*, *The Express*) газеты, которые пользуются хорошей репутацией в Великобритании.

Исходя из соображений, что в рамках различных тем особенности употребления языковых средств в тексте могут варьироваться, мы провели ещё одну, тематическую, классификацию. Ознакомившись с разделами выбранных для исследования газет, мы выделили ряд наиболее крупных тем, освещаемых в британской прессе: 1) политика, 2) экономика, 3) образование, 4) наука, 5) спорт, 6) преступность, 7) искусство, 8) медицина, 9) социальные вопросы.

Помимо того, мы сочли необходимым рассматривать отдельно статьи в британских популярных газетах и статьи в британских качественных газетах из-за их различий в языковом плане: как правило, британские качественные газеты характеризуются более официальным, книжным языком. Популярным газетам в Британии свойственен более простой, разговорный язык.

Подробная классификация печатных СМИ, представляющих собой объект нашей работы, может быть представлена в виде Таблицы 1:

БРИТАНСКИЕ ГАЗЕТЫ									
КАЧЕСТВЕННЫЕ	THE INDEPENDENT		ПОПУЛЯРНЫЕ		THE EXPRESS		THE MIRROR		
	THE GUARDIAN				THE GUARDIAN				
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ	ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕКСТ		АНАЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ		ИНФОРМАЦИОННЫЙ ТЕКСТ				
Политика	Экономика	Образование	Наука	Спорт	Преступность	Искусство	Окружающая среда	Медицина	Социальные вопросы

Таблица 1

В целом при проведении исследования мы опирались на метод индукции: изучали фактический материал, собранный из британских газет и на примере этого материала делали выводы об употреблении конструкции «сложное подлежащее» в различных типах британских статей.

Первым из подобных выводов стало подтверждение первой части нашей гипотезы. А именно, при помощи количественного анализа мы обнаружили, что британские журналисты действительно довольно часто прибегают к использованию конструкции «сложное подлежащее»: из 400 рассмотренных статей в 235 (59 %) было отмечено употребление конструкции.

Здесь необходимо остановиться и ещё раз сказать о том, что конструкция «сложное подлежащее» обладает рядом разновидностей. Благодаря чему это становится возможным? В самом начале статьи было упомянуто, что части этой конструкции разделены личным глаголом либо модальной фразой. С ними у «сложного подлежащего» устанавливается глубокая связь, ведь именно с их помощью автор выражает комментарий, оценку или вывод об утверждении, содержащемся в «сложном подлежащем». Перечислим группы слов, благодаря которым достигается разнообразие видов конструкции:

1. глаголы вероятности или простого факта в действительном залоге (*seem*, *appear* — казаться, *happen* — случаться, *turnout* — оказываться);

2. модальные фразы, обозначающие различные оттенки вероятности или уверенности (*belikely* — быть вероятным, *beunlikely* — не быть вероятным, *besure*, *becertain* — с наибольшей вероятностью сделать что-либо, *bebound* — быть обязанным);

3. глаголы в страдательном залоге:

- говорения (*say* — говорить, *report* — докладывать);
- другие коммуникативные глаголы, не подразумевающие речевое общение (*show* — показывать, *suggest* — предлагать);
- глаголы, обозначающие мыслительные процессы, явления (*assume* — предполагать, *consider* — считать, *expect* — ожидать);
- глаголы чувств (*feel* — чувствовать, *see* — видеть, *hear* — слышать);
- глаголы желания (*hope* — надеяться, *wish* — желать);
- глаголы намерения или решения (*decide* — решать, *choose* — выбирать);
- глаголы модальности или причинности (*let* — позволять, *persuade* — убеждать).

Классификация, которую мы выстроили, дала нам возможность сделать выводы об употреблении конструкции «сложное подлежащее» в статьях с различными типами текста (информационным и аналитическим). Несмотря на то, что частотность использования конструкции в статьях обоих типов практически одинакова, различия в особенностях употребления колossalны.

В статьях аналитического типа конструкция употребляется в основном для того, чтобы выразить личное мнение автора, а не других людей, поэтому не даётся ссылок на авторитетные источники. В текстах информационного типа автор сообщает читателю реальное положение вещей и часто делает ссылки на источники информации. В приведённых ниже примерах такие ссылки делаются при помощи фраз «*the report warns*» («предупреждают авторы отчёта»), «*experts have said*» («по словам экспертов»).

Примеры из аналитических статей.

- *A wounded Ukraine is unlikely to come to Russia's heel.* — Маловероятно, что раненая Украина падёт к ногам России.
- *They are not particularly bothered about the fact they are more likely to be excluded from school and less likely to get good qualifications, because they still learn an average £330,000 more than women over a lifetime.* — Они не особенно беспокоены тем фактом, что большей вероятностью могут быть исключены из школы и изменить вероятность получить высокую квалификацию, поскольку они в среднем зарабатывают в течение жизни 330 тысяч фунтов больше, чем женщины.

Примеры из информационных статей.

- *Britain's health and environmental "cultural heritage" is also likely to be hurt, the report warns.* — Вероятно, здоровье и природное "культурное наследие" Британии также потерпят ущерб, предупреждают авторы отчёта.
- *Every few years there is also a notable increase in the number of cases and the latest bout of infections is likely to be part of that cycle, experts have said.* — По словам экспертов, каждые несколько лет также заметно возрастает число заболевших, и последний всплеск инфекции, вероятно, является частью такого цикла.

Особой значимостью для исследователя обладает окружение, в котором встречаются языковые элементы. Так как ближайшим окружением для нашей конструкции является глагол в личной форме либо модальная фраза, внимание при анализе было направлено именно на них. Таким образом мы обнаружили, что и в информационных, и в аналитических статьях могут делаться предположения и может производиться оценка. Различие состоит в степени объективности и формальности. В аналитическом типе текста оценка обычно даётся при помощи глаголов вероятности (*seem, appear*), которые характеризуются меньшей степенью формальности:

- *Private schools seem to do better, but once you strip out the advantages conferred on them by having an intake that is largely made up of well-to-do children who live with their vigorously engaged parents in a house full of books, their advantage disappears.* — Кажется, что в частных школах дела обстоят лучше. Однако если не учитывать преимущества, которые они получают благодаря набору, в большей степени состоящему из обеспеченных детей, живущих в домах, полных книг, с родителями, активно вовлечёнными в процесс обучения, то все их преимущества сводятся на нет.
- *Too often, little seems to be done to hold them iscreants behind the seacts to account because the body charged with this task, the Independent Police Complaints Commission, is underfunded, toothless and even unwilling to act.* — Кажется, слишком часто не предпринимается практически никаких действий для того, чтобы привлечь правонарушителей к ответственности, потому что орган, которому поручена эта задача, Независимая комиссия по рассмотрению жалоб на действия сотрудников полиции, недостаточно финансируется, неэффективен и даже не желает предпринимать никаких действий.

В то же время, в информационных текстах подобная задача решается при помощи глаголов мышления в страдательном залоге (*be thought, be supposed* — считаться, *be expected* — быть ожидаемым), которые отличаются большей степенью формальности:

- *More than 100 Tories — including several ministers — are expected to vote against the move, although party sources insisted the majority of its MPs would support there form.* — Ожидается, что более 100 тори, включая нескольких министров, проголосуют против этого шага, хотя партийные источники утверждали, что большинство их членов парламента поддержат реформу.
- *The main culprit is expected to be the trade gap, which grew by nearly £1bnto £9.2bn in the final three months as exports sank even more quickly than imports.* — Ожидается, что основным виновником окажется дефицит торгового баланса, который вырос примерно на 1 млрд. фунтов до 9,2 млрд. фунтов за последние три месяца, когда экспорт сокращался даже быстрее, чем импорт.

Следует добавить, что глаголы говорения (*say* — говорить) довольно редко встречаются в конструкции «сложное подлежащее». Это можно объяснить тем, что журналист при передаче чьих-то слов предпочтёт сделать ссылку на определённый источник(в примере ниже таким источником будут «*Ministers*»), избежав неопределённо-личного «Говорят,...».

- *David Cameron is said to have personally warned Mr Hunt over the potential political damage that rejecting the vaccine could cause.* — Говорят, что Дэвид Кэмерон лично предупредил мистера Ханта о возможных политических проблемах, которые может повлечь за собой отказ от вакцины.
- *Ministers said claimants will be expected to improve their English wit in six months; <...>.* — По словам министров, от претендентов будет ожидаться повышение уровня владения английским языком за шестимесячный срок; <...>.

В заключение сделаем следующие выводы. Исходя из того, что на нынешнем этапе развития лингвистической науки главенствует антропоцентрическая парадигма, мы в своей работе уделили особое внимание прагматическому аспекту, а именно коммуникативной цели автора/авторов британских газетных статей. Выбранный методологический аппарат позволил нам подтвердить гипотезу о том, что конструкция «сложное подлежащее» вносит свой вклад в выполнение дискурсом печатных СМИ своих функций: информационной и воздействующей. Благодаря этой конструкции сведения излагаются в менее категоричной форме, читателю представляется точка зрения, которая может в большей или меньшей степени соответствовать действительности. Таким образом, использование конструкции помогает журналисту при сообщении информации быть объективным и избегать голословности, при этом предоставляя ему возможность выразить мнение и оценку, не поставив под угрозу своё доброе имя. Кроме того,

сообщение может быть более или менее формальным в зависимости от выбранного журналистом личного глагола.

Библиографический список:

1. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005. 432 с.
2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Падучевой Е.В.. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 21—38.
3. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: «Высшая школа», 1981.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотипное. М: КомКнига, 2006. 144 с.
5. Кобрина Н.А. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис. 2-е изд., испр. и допол. СПб.: Перспектива, Издательство «Союз», 2008. 528 с.
6. Кун Т. Структура научных революций. М.,1977.
7. Присяжнюк Т.А., Назарова Р.З.. Дискурс печатных СМИ vs. Газетно-публицистический стиль // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика, вып. 4.
8. Ушникова О.В. Лингвопрагматические и социокультурные особенности газетных текстов британской прессы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2003. 165 с.
9. The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/>
10. The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/uk>
11. The Mirror. URL: <http://www.mirror.co.uk>
12. The Express. URL: <http://www.express.co.uk/>

Busheva O.D. “The complex subject” in british press, or how you can be objective while being subjective

It is not a secret that the informative function is not always the only function of newspaper texts. More often than not it is accompanied by the function of influencing the social opinion. Surely it depends on the particular article which of these functions becomes predominant. In this article there are presented the results of the research, which was conducted in order to test the following hypothesis: firstly, the Complex Subject occurs very frequently in British newspapers, and secondly, this linguistic means helps British journalists to influence readers' opinion, and at the same time to protect their reputation by avoiding mere assertions.

Key words:the Complex Subject, British press, pragmatics, media discourse, analytical text, informational text.

УДК 340.132.2

А.Б. Краснов

**Особенности генезиса основных понятий, форм и институтов в области взаимодействия
субъектов публичного и частного права**

Аннотация:

В данной статье описаны основные подходы к формированию понятийного аппарата в области отношений субъектов публичного и частного права с использованием различных форм «государственно-частного партнерства». Автором проведен анализ законодательства субъектов РФ в данной сфере, определяющий ведущие направления толкования регионами сути содержания форм взаимодействия в рамках «государственно-частного партнерства». Автором также дана характеристика указанного термина, высказано мнение относительно его содержания и целесообразности его дальнейшего использования.

Ключевые слова:

Государственно-частное партнерство, формы ГЧП, субъекты публичного и частного права, публичная рента.

Об авторе: Краснов Алексей Борисович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета социальных и гуманитарных наук, эл. почта: sb_ak@mail.ru.

Развитие российского государства на современном этапе невозможно без обеспечения его экономической безопасности, которая приобретает особо значимую роль в условиях внешней санкционной блокады. При таких обстоятельствах государство находится в поиске различных форм взаимодействия с субъектами предпринимательской деятельности с целью обеспечения хозяйственного развития и достойного уровня жизни населения [8, ст. 2]. Достижение указанных задач во многом определяется нормативным обеспечением такой деятельности, в связи с чем происходит совершенствование правовых основ и организационных форм взаимодействия субъектов публичного и частного права.

Исходя из данного положения и с учетом своих задач, публично-правовому образованию необходимо постоянно выбирать оптимальный вариант своего развития. При этом виды и способы функционирования экономико-правовой системы государства зачастую зависят от влияния как минимум двух конфликтующих между собой факторов:

1. производства благ (экономическая эффективность);
2. распределения благ (социальная справедливость).

Одной из главных задач, стоящих перед государством, является удовлетворение потребностей граждан, поскольку государство, будучи особой формой организации политической власти в обществе, стремится, прежде всего, удовлетворить социальные потребности. С другой стороны, обеспечение данных социальных потребностей зачастую зависит от развития экономики государства и ее эффективности.

Одним из инструментов, рассматриваемых представителями экономической и правовой науки в качестве решения проблем в сфере столкновения интересов бизнеса и социума, являются различные формы взаимодействия субъектов публичного права (государства, органов местного самоуправления и др.) с субъектами частного права (представителями частного капитала).

Поскольку общественные отношения в области такого взаимодействия имеют достаточно обширную историю, это предполагает также генезис некоторых определений, форм, институтов и иных правовых явлений, на основе которых происходило развитие данных отношений.

В современной науке весь спектр правоотношений в данной области принято обозначать единым термином «государственно-частное партнерство» (далее ГЧП). На сегодняшний день к

правоотношениям в данной области проявляют немалый интерес исследователи различных отраслей науки, как юридического, так и экономического профиля. К примеру, А.В. Белицкая говорит «о необходимости комплексного исследования проблем правового регулирования государственно-частного партнерства, призванного сыграть существенную роль в развитии важнейших сфер экономики и предпринимательства в России» [2, 3]. Между тем, многие экономисты посвящают свои исследования рассмотрению различных аспектов применения форм ГЧП в рамках хозяйственной деятельности, к примеру, в рамках концепции устойчивого развития [16].

Кроме того, необходимо заметить, что, вместе с повышенным интересом исследователей к данной отрасли знания имеет место большое количество дискуссионных вопросов, в т.ч. касающихся форм и видов ГЧП.

В различные периоды истории развития общественных отношений в области ГЧП были известны разнообразные формы взаимодействия — от системы кормлений и откупов до передачи государственных объектов в содержание, а также предоставления привилегий и концессий. Помимо этого практиковалось предоставление торговых и таможенных льгот, создание предприятий на паритетных началах, занимавшихся выпуском продукции, строительством, добычей полезных ископаемых и т.д.

Непосредственно сам термин «государственно-частное партнерство», как утверждают исследователи, «получил распространение в Великобритании в 90-х годах XX века» [2, 36], и является устоявшимся переводом с английского языка *«public-private partnership»* что, по мнению других ученых [3, 12], сужает изначальный смысл понятия. При этом, немаловажно отметить: сам термин построен таким образом, что первое место отведено в нем именно государству (публично-правовому субъекту) как основному инициатору такого рода правоотношений. Вопрос о роли каждой из сторон отношений также является на сегодняшний день в крайней степени дискуссионным, поскольку наряду с термином «государственно-частное партнерство» употребляются также термины «частно-государственное партнерство».

Поскольку, в рамках правоотношений по взаимодействию субъектов частного и публичного права их инициатором выступает, как правило, последний, автор присоединяется к позиции А.В. Белицкой, указывающей, помимо прочего, на «привлечение государством бизнеса для решения общественно значимых задач, наличие существенной социальной значимости проектов и сохранения государственной собственности на хозяйственный объект»[2, 38].

Таким образом, необходимо признать, что область правоотношений, определяемая общим термином «государственно-частное партнерство» довольно обширна, и включает в себя множество различных форм. Вместе с тем, необходимо отметить, что на современном этапе не выработано единого законодательного и доктринального подхода к определению термина ГЧП.

Так, например, основу современной иностранной правовой доктрины в области взаимодействия субъектов публичного и частного права составляет ряд актов, принятых комиссией европейских сообществ, генеральной дирекцией европейской комиссии по региональной политике, а также экономической комиссией ООН по Европе и носящих рекомендательный характер:

1. «Зеленая книга о государственно-частных партнерствах и местном законодательстве о государственных контрактах и концессиях»;
2. «Руководство по успешным государственно-частным партнерствам»;
3. «Руководство о частно-государственном партнерстве для целей развития инфраструктуры».

В указанных источниках ГЧП рассматривается как: «формы взаимодействия публичных структур со сферой бизнеса...» [19, 8], при этом формы самого взаимодействия (партнерства) классифицируются следующим образом:

1. ГЧП контрактного типа — сотрудничество публичного и частного сектора, основанное на договорных формах [19, 8], таких как государственные (муниципальные) контракты, арендные (лизинговые) отношения, концессии, соглашения о разделе продукции. Своеобразной формой ГЧП контрактного типа может также являться институт частной

финансовой инициативы (далее ЧФИ), появившийся в Великобритании в 1992 г. Данный институт является формой осуществления государственной программы закупок путем привлечения на подрядной основе субъектов частного права к осуществлению капитального строительства с последующим возмездным отчуждением возведенного объекта в пользу государства [15, 114].

2. ГЧП организационного типа — сотрудничество государственных институтов и бизнеса, посредством создания совместного предприятия [19, 8] для достижения общих целей.

В современной экономической доктрине ГЧП рассматривается как «особая система экономических отношений, формирующихся между государством и хозяйствующими субъектами по поводу использования в течение длительного периода и на возвратной основе ресурсов частного сектора (финансовых, технических и управленческих) для создания или модернизации общественной инфраструктуры, оказания общественных услуг, а также для развития других сфер, затрагивающих общенациональные интересы» [18, 13].

Помимо мнения теоретико-правового характера также стоит обратить внимание на наличие законодательного подхода к данной сфере правоотношений. На федеральном уровне такой подход закреплен лишь в рамках законопроекта «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации», размещенного на официальном сайте Минэкономразвития РФ: «Под государственно-частным партнерством [...] понимается взаимодействие публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, осуществляющееся на основании заключенного по результатам конкурсных процедур соглашения о государственно-частном партнерстве, направленного на повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых услуг населению, а также на привлечение в экономику частных инвестиций, в соответствии с которым частный партнер принимает на себя обязательства в соответствии с частью 11 настоящей статьи, а публичный партнер принимает на себя обязательства в соответствии с частью 9 настоящей статьи» [12].

При этом в обязательства публичного партнера согласно ч. 9 ст. 3 указанного законопроекта входит:

1) предоставить частному партнеру имущество, предназначенное для осуществления деятельности, предусмотренной соглашением о государственно-частном партнерстве, во владение и (или) пользование;

2) предоставить право использования результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации (исключительные и (или) неисключительные права), необходимых для исполнения соглашения о государственно-частном партнерстве.

В обязательства же частного партнера согласно ч. 11 ст. 3 входят:

1) полное или частичное финансирование и эксплуатация и (или) техническое обслуживание объекта соглашения о государственно-частном партнерстве;

2) разработка и согласование проектной документации;

3) создание объекта соглашения о государственно-частном партнерстве;

4) реконструкция объекта соглашения о государственно-частном партнерстве.

Однако, несмотря на то, что такой подход к пониманию термина ГЧП закреплен лишь на уровне законопроекта, следует подчеркнуть ряд немаловажных особенностей, говорящих об особом отношении государства к данной сфере экономической деятельности: 07.03.2013 года рассматриваемый проект закона одобрен Правительством РФ к внесению на рассмотрение в Государственную Думу РФ, в структуре федеральных органов исполнительной власти сфера ГЧП выделена в качестве приоритетного направления деятельности Минэкономразвития РФ, с определением ответственного лица — департамента инвестиционной политики развития государственно-частного партнерства. На сегодняшний день в экспертном сообществе ведется широкая дискуссия относительно положений разработанного законопроекта [13].

Отдельно необходимо сказать о формулировании целей, на достижение которых направлено применение института ГЧП: «повышение качества и обеспечение доступности предоставляемых услуг населению, а также на привлечение в экономику частных инвестиций». По мнению авторов данного исследования, законодатель позиционирует в качестве основного предназначения ГЧП

исключительно привлечение представителей субъектов частного права публично-правовым субъектом для осуществления своих основных функций.

Подтверждение этому возможно также найти и в пояснительной записке к рассматриваемому проекту закона: «В настоящий момент в Российской Федерации ввиду бюджетных ограничений отсутствует возможность осуществить финансирование всей необходимой публичной инфраструктуры, требуемой для реализации полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, в соответствующих сферах деятельности исключительно за счет бюджетных средств» [12].

В дополнение к вышеизложенному, необходимо уточнить, что в определении термина «государственно-частное партнерство» немалую роль сыграли и региональные законодатели, поскольку в большинстве субъектов Российской Федерации приняты соответствующие нормативные акты (в 65 субъектах РФ из 85) [14], регулирующие данную сферу общественных отношений. Основываясь на анализе этого массива нормативного материала, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Подавляющее большинство субъектов РФ приняло за основу понятие ГЧП, которое обобщенно можно сформулировать следующим образом: «Государственно-частное партнерство — совокупность форм среднесрочного и долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества (взаимодействия) субъекта Российской Федерации и муниципального образования (муниципальных образований) субъекта Российской Федерации с российским или иностранным юридическим лицом, индивидуальным предпринимателем, объединением юридических лиц, физическим лицом в целях создания, реконструкции, модернизации, обслуживания или эксплуатации объектов социальной и инженерной инфраструктуры, реализации социально значимых проектов, развития инновационного, инвестиционного, инфраструктурного и иного потенциала на условиях разделения прав, обязанностей, рисков и ответственности, которое осуществляется путем заключения и исполнения соглашений о государственно-частном партнерстве». При этом характерно, что для определения понятия срочности необходимо обращаться к доктринальным источникам [7].

2. В некоторых определениях, данных в законах субъектов РФ, оговариваются особенности, требующие внимания. Рассмотрим некоторые из них:

а) так например, в Архангельской области ГЧП рассматривается как основание для «более эффективной реализации полномочий органов государственной власти» [4, п. 1 ч. 1 ст.4]. С такой позицией законодателя следует согласиться в той части, которая обуславливает привлечение субъекта частного права с целью реализации задач, стоящих перед государством. Здесь же можно отметить и позицию законодателя Владимирской области, говорящего о «реализации отдельных проектов, направленных на решение задач социально-экономического развития Владимирской области» [5, п. 1 ч.1 ст. 2];

б) в некоторых субъектах РФ (Кемеровская, Нижегородская области, республики Коми, Северная Осетия-Алания, Чувашская республика) при определении термина ГЧП присутствует указание на особый предмет правоотношений между субъектами публичного и частного права — государственная собственность;

в) в иных регионах (Кировская область, Ямало-Ненецкий автономный округ) присутствует указание на особое основание возникновения правоотношений — конкурс или аукцион;

г) ряд региональных законодателей (Амурская, Архангельская, Кировская, Московская, Новгородская, Псковская, Ростовская, Тамбовская, Томская и Ярославская области, республики Алтай, Бурятия, Карелия, Коми, Татарстан, Хакасия, Удмуртская республика, Краснодарский и Ставропольский края, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) допускают неточность, упоминая как в определении термина ГЧП, так и среди положений самого нормативного акта возможность участия муниципальных образований в таких правоотношениях [8, ст. 12]. Необходимо заметить, что такая неточность является формальной, поскольку муниципальные образования могут являться полноправным участником правоотношений в сфере ГЧП, однако такого рода неточности, допускаемые в законе, могут привести к настоящим ошибкам;

д) так, законодатель Мурманской области исказил смысл содержания правоотношений в сфере ГЧП, определив их как: «взаимовыгодное сотрудничество Мурманской области с муниципальными образованиями Мурманской области, с российскими или иностранными юридическими лицами, либо объединением юридических лиц, либо физическими лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, с целью реализации проектов, направленных на социально-экономическое развитие Мурманской области, в том числе путем эксплуатации, реконструкции или нового строительства объектов общественной (социально-экономической) инфраструктуры (далее — общественная инфраструктура), предоставления публичных услуг с их использованием на принципах разделения рисков, прав и ответственности, на условиях заключения и исполнения соглашений о государственно-частном партнерстве» [6, п. 1 ч. 1 ст. 1], и выделив тем самым взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления в качестве формы ГЧП.

е) наконец, стоит обратить внимание на законодательство субъектов РФ о ГЧП в тех случаях (республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Тыва, Ивановская, Калининградская, Новгородская, Орловская области, г. Санкт-Петербург), где имеется указание на концессионную форму взаимодействия сторон, как на основную форму ГЧП.

Исходя, непосредственно, из содержания правоотношений, охватываемых понятием ГЧП, последнее рассматривают как в широком, так и в узком смыслах.

В более широком смысле ГЧП — «это различные формы взаимодействия государства и бизнеса в достижении общих целей социально-экономического развития, например совместная работа по совершенствованию бизнес-климата и улучшению инвестиционного имиджа страны» [10, 80]. В узком смысле ГЧП «представляет собой институциональный и организационный альянс государственной власти и частного бизнеса с целью реализации общественно значимых проектов в широком спектре сфер деятельности — от развития стратегически важных отраслей экономики до предоставления общественных услуг в масштабах всей страны или отдельных территорий» [17, 14].

Необходимо отметить, что подавляющее большинство исследователей указывает на партнерский характер описываемых правоотношений, делая акцент на факторе сотрудничества. Однако, с точки зрения авторов данного исследования, такой подход не может считаться объективным *в силу двух причин*:

1. Применение термина «партнерство», имплементированного из иностранной правовой доктрины, в контексте общего определения, по мнению некоторых ученых-филологов, будет некорректным по отношению к отечественной теории права, поскольку: «заемствованные термины не могут донести всю гамму значений слова-термина, и оценочный компонент [...] может оставаться скрытым, по крайней мере, на начальных этапах функционирования заимствованного термина» [9, 22].

2. Сам термин «государственно-частное партнерство» искажает суть содержания правоотношений, относящихся к данному экономико-правовому институту (т.к. субъект публичного права для наиболее полной реализации своих основных функций всего лишь привлекает субъекта частного права в качестве помощника на заранее определенных публично-правовым субъектом условиях, в то время, как партнерство предполагает сотрудничество на паритетных началах). Такая позиция основывается в т. ч. и на мнении некоторых региональных законодателей Российской Федерации (см. выше);

Исходя из вышеизложенного, стоит отметить, что наряду с термином «государственно-частное партнерство» необходимо использование термина, наиболее полно отражающего смысл и содержание правоотношений, составляющих предмет правового регулирования данного института, а именно термина «публично-частное взаимодействие», означающего «оформленную специальными видами соглашений особую разновидность привлечения субъектов предпринимательской деятельности для реализации публичных функций на условиях, обозначенных субъектом публичного права».

Для конкретизации легальной позиции относительно форм ГЧП необходимо обратиться к ранее рассмотренным положениям регионального законодательства. В процессе анализа проекта

федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» [11] было установлено следующее: данный проект содержит в себе открытый перечень с указанием некоторых отдельных видов форм ГЧП:

1. обеспечение публичным партнёром частичного финансирования создания объекта соглашения о государственно-частном партнерстве;
2. обеспечение частным партнером полного или частичного финансирования создания объекта соглашения о государственно-частном партнерстве, его эксплуатации и (или) технического обслуживания;
3. осуществление частным партнером создания объекта соглашения о государственно-частном партнерстве в порядке и на условиях, которые определены соглашением;
4. осуществление частным партнером эксплуатации и (или) технического обслуживания объекта соглашения о государственно-частном партнерстве в порядке и на условиях, которые определены соглашением;
5. наличие у публичного партнера оснований для возникновения вещных прав на объект соглашения о государственно-частном партнерстве по истечении определенного соглашением срока.

6. наряду с указанными в настоящей статье формами государственно-частного партнерства оно может осуществляться в форме концессионного соглашения, а также в иных формах, не противоречащих законодательству Российской Федерации или международному договору Российской Федерации.

Однако, несмотря на такой подход центральных органов законодательной и исполнительной власти, действующее законодательство субъектов РФ в сфере ГЧП имеет, на наш взгляд, более высокое значение для настоящего исследования, т.к. в отличие от проекта федерального закона «Об основах государственно-частного партнерства в Российской Федерации» является действующим и функционирующим на практике.

Вместе с тем, поскольку анализируемый нормативный материал содержит в себе различные точки зрения региональных законодателей относительно форм ГЧП, возможно привести лишь некоторую обобщенную их характеристику:

1. Значительная часть субъектов РФ (Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Ставропольский края, Архангельская, Вологодская, Кемеровская, Курганская, Московская, Омская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Саратовская, Свердловская, Томская, Челябинская, Ярославская области, республики Дагестан, Ингушетия, Коми, Марий Эл, Чувашская, Удмуртская республики, г. Санкт-Петербург) пошла по пути перечисления форм ГЧП, среди которых отдельно выделены концессионные соглашения.

В едином перечне имеют место следующие формы взаимодействия:

а) предоставление земельных участков, иного недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности на праве безвозмездного пользования, доверительного управления (аренды, лизинга и т.д.) субъекту частного права. Предоставление прав на объекты интеллектуальной собственности, находящиеся в государственной собственности;

б) совместное создание и участие в деятельности организаций со смешанной формой собственности;

в) создание и функционирование особых экономических зон;

г) размещение и заключение государственных контрактов на поставку товаров для государственных нужд;

д) предоставление финансовых льгот (отсрочек и рассрочек по уплате налогов, субсидий, льгот по аренде, бюджетных инвестиций, инвестиций региональных фондов и т.д.);

е) заключение соглашений (в том числе концессионных, а также соглашений о разделе продукции).

2. Другая группа регионов (Амурская, Волгоградская, Ивановская, Калининградская, Кировская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская, Самарская, Тамбовская области, Чеченская республика, республики Алтай, Карелия, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономный округа) в соответствующих законах разграничивает вышеперечисленные

формы на две большие группы – формы имущественного и финансового участия в проектах ГЧП, не меняя при этом самого содержания данных форм.

3. Еще одной характерной чертой профильного законодательства некоторых субъектов (Воронежская область, Краснодарский край, Кабардино-Балкарская республика, республика Адыгея) является отнесение форм ГЧП к мерам государственной поддержки данного института.

Однако, несмотря на разницу в подходах, законодательство субъектов в своем большинстве содержит упоминание концессионного соглашения в качестве одной из основных форм ГЧП. Также следует согласиться с мнением некоторых региональных законодателей, относящих некоторые формы ГЧП к инструментам государственной поддержки развития частного сектора экономики.

Что же касается научной мысли, то стоит отметить, что взгляды ученых на рассматриваемую проблему, в целом, схожи с мнением законотворческих органов субъектов РФ. Так, например, А.В. Басюк отмечает, что «с юридической точки зрения оформить ГЧП возможно путем использования различных правовых конструкций, как общих, так и специально разработанных.

К таким конструкциям, в частности, относятся:

- концессионные соглашения;
- квазиконцессионные формы (контракты жизненного цикла и сервисные контракты);
- соглашения о разделе продукции;
- инвестиционные договоры с определением прав на создаваемые объекты;
- арендные договоры с инвестиционными обязательствами;
- договоры о совместной деятельности;
- различные смешанные договоры». [1, 56]

Отдельно стоит остановиться на рассмотрении различных подходов к пониманию группы правоотношений в области концессионного взаимодействия субъектов публичного и частного права, поскольку именно эта группа отношений является одной из самых распространенных форм ГЧП.

Подводя итог исследованию вопросов формирования основных понятий и институтов в сфере взаимодействия субъектов публичного и частного права необходимо отметить, что на современном этапе развития экономико-правовой мысли интерес к различным формам взаимодействия субъектов публичного и частного права (в том числе и к различным формам ГЧП) повышается. Вместе с тем, нельзя оставить без внимания тот факт, что и в теоретико-правовой мысли, и в позициях законодателей различных уровней присутствует ряд дискуссионных вопросов по данной тематике. Например, в области формирования понятийного аппарата.

Библиографический список:

1. Басюк А.В. Особенности реализации концессии как институциональной формы государственно-частного партнерства в российской экономике: дисс. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2011;
2. Белицкая А.В. Государственно-частное партнерство: понятие, содержание, правовое регулирование: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2011;
3. Варнавский В.Г., Клименко А.В и др. Государственно-частное партнерство: теория и практика. – М.: изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010;
4. Закон Архангельской области от 30 сентября 2011 года № 332-24-ОЗ «Об участии Архангельской области в проектах государственно-частного партнерства» // газета «Волна», № 44, 11.10.2011;
5. Закон Владимирской области от 09.02.2012 № 1-ОЗ «О государственно-частном партнерстве во Владимирской области» // газета «Владимирские ведомости» от 18 февраля 2012 г. № 29 (4384);
6. Закон Мурманской области от 27.12.2010 № 1311-01-ЗМО «Об участии Мурманской области в государственно-частных партнерствах» // газета «Мурманский Вестник», № 248, 29.12.2010;
7. Козлов А.А. Государственно-частное партнерство: сущность, классификация // Управление экономическими системами (электронный научный журнал) URL: <http://www.uecs.ru/uecs-38-382012/item/1053-2012-02-20-06-19-20> (дата обращения 20.08.2014);

8. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014);
9. Макшанцева Е.А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина: на материале русского и английского языков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2001;
10. Мочальников В.Н. Повышение стратегического потенциала экономики России на основе активизации системы государственно-частного партнерства: дисс. ... докт. экон. наук. М., 2010;
11. Официальный сайт комитета по вопросам собственности Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации // URL: <http://www.komitet2-5.km.duma.gov.ru/site.xp/052056052.html> (дата обращения 20.08.2014);
12. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации // URL: http://www.economy.gov.ru/minec/press/news/doc20130307_06 (дата обращения 20.08.2014);
13. Партнерство власти и бизнеса // Минэкономразвития предложило альтернативу 94-ФЗ // Интернет-портал Zakon.ru, URL: <http://zakon.ru/Discussions/OneDiscussion/3407> (дата обращения 20.08.2014);
14. По состоянию на 20.08.2014 по данным официального сайта Министерства экономического развития Российской Федерации, URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/privgovpartnerdev/> (дата обращения 20.08.2014) — прим. авт.;
15. Радионова О.В. Англо-саксонская модель государственно-частного партнерства // Известия ИГЭА, 2012, № 4;
16. Тощенко В.В. Государственно-частное партнерство как фактор устойчивого развития: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2011;
17. Частно-государственное партнерство: состояние и перспективы развития в России: Аналитический доклад. М.: Институт экономики РАН, Национальный инвестиционный совет, 2006;
18. Шамбир В.Н. Государственно-частное партнерство как форма инвестирования приоритетных муниципальных проектов: дисс. ... канд. экон. наук. М., 2010;
19. «Green Paper on Public-Private Partnerships and Community Law on Public Contracts and Concessions» // Commission of the European Communities. Brussels, 2004.

Krasnov A.B. The features of genesis of basic concepts, forms and institutions in the sphere of public and private law subjects' interaction

This article describes the main ways to the formation of the conceptual framework in the field public and private law subjects' relations involving the various forms of «public-private partnership». The analysis of Russian Federation subjects' legislation in this sphere was carried out by the author. This analysis defines the leading directions of essence of the content of the interaction forms in the framework of «public-private partnership» interpreted by the regions. The characteristic of the specified term was vouched for, as well as was expressed in relation to its content and advisability of the further use.

Key words:

Public-private partnership, PPP-forms, public and private law subjects, public pension.

Разговор о сущем

О Вселенной, социальной ризоме и принципе справедливости. Беседа с профессором В. Розиным о философском самоопределении

Аннотация: Общий кризис философии и новые вызовы, с которыми сталкивается философия техники; Интернет как социально-техническое тело и специфика современного эсхатологического переживания на фоне предлагаемых естественными науками прогнозов эволюции мегамира; трансформации социальной реальности в эпоху перехода от одной цивилизации к другой – на примере современных споров о социальной справедливости и концепции социальных заговоров. Эти и другие вопросы обсудила с известным философом, методологом и культурологом Вадимом Розиным главный редактор нашего журнала Надежда Багдасарьян.

Надежда Багдасарьян (далее *Н.Б.*). Вадим Маркович, добрый день. Мы с вами знакомы очень давно. Как Вы хотите, чтобы я вас представила читателям? Философ, методолог, культуролог или как-то еще? Диапазон Ваших работ таков, что мы можем вести разговор в любом ракурсе.

Вадим Розин (В.Р.). Ну, давайте попробуем остановиться на методологическом и культурологическом контексте современности. Из предварительного общения я понял, Вы хотите, чтобы я рассказал о том, каким образом вижу современную жизнь, причем именно как философ. Но давайте условимся: я буду говорить о том, что переживаю сам, а не о том, что думают другие философы, или что в философии считается.

Н.Б. Замечательно. Начнем с Вашего самоопределения. Вопрос у меня такой. Не кажется ли вам, что современная философия исчерпала актуальные темы, занимавшие человека в прошлые столетия, а новые её, как бы, и не интересуют, и поэтому значение философии в современном мире снизилось?

В.Р. Не думаю. Вот, например, тема осмыслиения современной техники. Еще в начале прошлого века сложилось целое направление – «Философия техники», значение которого постоянно возрастает. Не могу не вспомнить в связи с этим одно высказывание американского философа техники Х. Сколимовски, который писал: «Философы нашего времени, включая имеющих отношение к философии техники, еще не осознали, что преобразующая сила феномена техники порождает беспрецедентные онтологические проблемы. Мы вновь вынуждены отвечать на извечный вопрос: что такое реальность?.. Метаморфозы реальности посредством техники ставят нас перед тем же самым вопросом, который преследовал Платона (и всех философов с тех пор): что есть реальность? Адекватный ответ на этот вопрос не может быть получен посредством перетасовки старых онтологических категорий. Те, кто жалуются, что философия закончилась, поскольку нет более новых задач для рефлексии, просто игнорируют новые реалии – человеческие и онтологические – созданные благодаря современным науке и технике»²³.

Н.Б. Насколько я знаю, философы техники больше обсуждают классическую технику, хотя человечество в настоящее время имеет дело с высокими технологиями, мобильной связью и Интернетом. Не получается, что современная техника им не по зубам?

В.Р. Ну, почему же, вполне можем откусить лакомый кусочек. Вот, например, у меня только что вышла книга, где в том числе обсуждается Интернет и мобильная связь²⁴. Что меня удивило в этих технологиях? Как только я включил свой мобильник или Интернет, тотчас же мои координаты и многие другие данные (паспортные, некоторые счета, различные сведения о нашей жизни) стали известны. В каких сетях и кому точно известны – сказать трудно: может быть, нашей

²³ Сколимовски Х. «Новая социальная философия как оценка техники». Цит. по книге Ефременко Д.В. Введение в оценку техники. М., 2002.

²⁴ Розин В.М. Конституирование и природа индивидуализации. М., 2014.

или американской разведке, может быть, каким-то государственным центрам, отслеживающим потенциальных террористов, может быть, сетевым магазинам, которые составляют наш портрет потребителя (в Японии это уже обычная практика), может быть, еще кому-нибудь. Причем наши координаты нахождения скоро можно будет определить с точностью до одного метра.

Н.Б. Да уже сегодня это не проблема. Например, у меня есть приложение в мобильном телефоне для парковки, и когда я его включаю, моя машина светится зеленой точкой с номером парковочного места.

В.Р. Вот-вот. Все чаще мы становимся жертвами электронного насилия. Два года тому назад моя почта в эмейл была взломана и уничтожена, поскольку я отказался дать неизвестным посетителям номер своего мобильника. И таких случаев очень много. Еще больше случаев электронного вымогательства, особенно в отношении пенсионеров, плохо разбирающихся в современной технике, когда снимают деньги со счетов под видом вымышленной помощи.

Н.Б. И это я могу подтвердить личным примером. Получив сообщение «мама, не звони мне по телефону, я его потеряла, кинь 500 рублей на этот номер», я, как последняя курица, тут же отправила на указанный номер деньги. И только потом стала думать: с какой стати новый номер не МТС, к которому мы давно привыкли, а Билайн? Потом написала СМС дочери, которая тут же мне ответила. Я посмеялась над собой, и нашла оправдание только в том, что находилась в тот момент за границей. А недавно услыхала, что этот бизнес распространен в основном в местах, не столь отдаленных. Ну, может, кто-то на мои 500 рублей действительно поговорил с мамой. Мне, по крайней мере, хотелось бы так думать.

В.Р. Ну вот, а еще профессор. Нередко борьба с вирусами заканчивается поражением пользователя: его компьютер полностью выходит из строя или требует дорогостоящего ремонта, или исчезает так нужная пользователю информация. В плане же государственных институтов многие вирусы демонстрируют просто чудеса эффективности. Например, как сообщалось в печати, израильские ученые разработали и запустили в иранские сети такие вирусы, которые не только передавали Mossad нужные сведения, но и разрушили ключевые программы, использовавшиеся в иранском ядерном проекте, отбросив его разработку на несколько лет.

И, судя по ряду исследований, вирусная зараза будет только возрастать. Если на заре Интернета в сетях ходили несколько сот опасных вирусов, то сегодня их тысячи. За день слабо защищенные сайты, а их, вероятно, большинство, посещают примерно 80000 различных программ и вирусов. Они ищут слабые места в программах пользователей, чтобы внедриться в них с целью получения нужной информации или разрушения. Одни из этих «электронных паразитов» создавались профессиональными хакерами, другие просто любителями, трети вообще уже давно бесхозные, подобно отслужившим и брошенным спутникам в околоземном пространстве.

Н.Б. Но в этом нет ничего особенного. Не надо, Вадим Маркович, пугаться, всегда новая техника влечет за собой негативные и незапланированные последствия. Вы сами об этом писали. Постепенно люди учатся с ними справляться, так сказать, минимизировать их.

В.Р. Но не столкнулись ли мы здесь с совершенно новым феноменом? Похоже, что Интернет – это не просто сложная техническая система, что достаточно очевидно, но и своеобразный живой организм. На эту мысль наводят размышления над некоторыми вообще-то известными моментами. Обратим внимание на феномен пакетной передачи информации, хранение информации в облаке, посещение сайтов тысячами программ и вирусов, о чем мы говорили выше, нарастание количества и сложности паразитических вирусов и параллельно выстраивание против них все более мощной защиты. Принцип работы сетей, использующих пакетный режим, как известно, примерно таков. Сформированный пакет «находит» свободный канал и поступает в сеть. Система, на основе специальных кодов, программ и алгоритмов, опознает пакет и направляет его адресату. Интересно, что при разработке подобных кодов, программ и алгоритмов использованы различные биологические и психологические аналогии.

В некотором отношении пакет можно уподобить живому организму, а Интернет – сложной среде-организму с колоссальным множеством подобных пакетных организмов, своего рода рукотворный Солярис. Но хранение информации в облаке тоже предполагает пакетную передачу. В отличие от модели хранения данных на всем известных серверах, облачное хранилище данных клиенту, в общем случае, не видно. Информация хранится и обрабатывается в

так называемом облаке, которое представляет собой, с точки зрения клиента, один большой виртуальный сервер. Физически же такие серверы могут располагаться удалённо друг от друга географически, вплоть до расположения на разных континентах.

Еще более очевидна витальная сущность Интернета, если посмотреть на него с точки зрения устройства и жизни программ и особенно вирусов. Программы, подобно живым организмам, должны воспроизводиться (это особенно понимаешь, когда почему-либо твои программы перестают работать), у них есть своеобразный цикл жизни – от записи до момента удаления, они питаются (электричеством), в форме вирусов (или антивирусов) могут размножаться и «поедать» другие программы, могут сканировать другие программы и передавать о них информацию, имеют свои ниши, перемещаются по сетям. В Интернете, как мы знаем, идет настоящая война живых электронных организмов: одни ищут слабые места в других программах и поедают (разрушают) их, другие защищают свою территорию от этих «электронных хищников», причем ясно, что окончательная победа одной из сторон в этой войне Интернету не грозит.

Короче, я в этой книге стараюсь показать, что Интернет является планетарным социально-техническим телом, позволяющим людям в ситуации современного кризиса и перехода сохранять и возобновлять социальную и политическую жизнь. Ведь именно в Интернете мы можем продолжать действовать, общаться, бороться, предлагать решения, совершать поступки, несмотря на крах и паралич основных социальных норм и регулятивов (права, морали, нравственности, авторитета и прочее). Это тело достаточно парадоксальное: и сложная техническая система, и среда нашего обитания, и живой организм.

Н.Б. Ладно, оставим технику в покое. Лучше рассмотрим точные науки, которые позволяют нам создавать и эту самую технику и, как писал Макс Вебер, расколдовывать мир. Разве естествознание не делает это лучше философии?

В.Р. Согласен, точные науки, конкурируя сегодня с философией в объяснении мира, представляют для последней вызов. Но, «расколдовывая» мир, они одновременно вовлекают нас в мрачную перспективу. Например, наше будущее становится просто страшным. Эта мысль возникла у меня, когда я смотрел по ТВ серию прекрасных фильмов о происхождении планет, галактик, эволюции Вселенной. Передачи завораживали, но одновременно что-то тревожило. Что именно, я сразу понять не мог. Потом сообразил: творцы фильмов, опираясь на современные астрономические исследования, рисовали будущее, где или человеку места не было вообще, или же его ожидала печальная судьба.

Человечество может погибнуть в любой момент по самым разным причинам: или Земля столкнется с другим небесным телом (кометой, гигантским астероидом), или в силу внутреннего движения магмы она лишится магнитного поля, или это поле будет уничтожено вспышкой сверхновой звезды. Как утверждают авторы передачи, одна из ближайших к нам звезд вот-вот взорвется и станет сверхновой, и гигантские потоки ее излучений помчатся прямо к нашей планете. Существуют и другие сценарии гибели Земли и человечества в результате естественной эволюции Вселенной. Например (правда очень отдаленный во времени), метаморфоз при разбегании галактик, или, наоборот, схлопывание их в сверхплотное фантастически малое ядро. Причем, все это не фантазии, а расчеты, основанные на астрономических наблюдениях и законах природы. Им вроде бы нельзя не верить, и, в результате возникает тревога и, так называемые, эсхатологические переживания.

Н.Г. Но причем здесь естествознание? Такова реальность природы. Кроме того, будем отличать гипотезы от реальности. Не всякой гипотезе нужно верить.

В.Р. Почему современный человек не должен верить астрономам, которые изучают планеты, галактики и Вселенную, используя самую современную технику (телескопы, спутники, разнообразные приборы), созданную на основе законов природы? И характеристики космоса они выявляют в рамках этих законов, с помощью математики, компьютеров, данных естественных наук. При этом астрономы удостоверяют нас в таком будущем, где человечество каждый час может ожидать катастрофа и конец света. Кажется, альтернативы такому будущему нет. Поясню, при чем здесь естествознание.

Много тысячелетий человек считал, что Вселенная – это не физический мир, а или боги (солнце, луна, звезды – все это были боги) или, как в средние века, мир, созданный для человека

Богом. Вселенная, действительно, была повернута к человеку. Проблема возникла лишь в новое время, когда вера и разум были разведены по разным инстанциям, а Вселенная была истолкована в духе естественных наук, то есть как физическая реальность. Вот здесь и оказалось, как писал Паскаль, что человек – это жалкий тростник, его место во Вселенной непонятно и ничтожно. С точки зрения такой Вселенной, смысла существования человека нет.

С подачи Ф. Бэкона и Галилея природа стала пониматься как «стесненная искусством» (в эксперименте и механизме). Все в природе, до чего человек мог дотянуться, он превращал в технику. Сегодня в том же духе он хочет освоить солнечную систему. Правда, до Вселенной ему не дотянуться. Кажется, построим космические корабли, полетим, изучим все её уголки. Но ведь это только наши замыслы – чистое умозрение. Сегодня, да и в отдаленной перспективе человек никуда не полетит, он даже не знает, возможно ли это в принципе. Вполне можно согласиться с Ханой Арендт, которая пишет, что «в наших планах ныне не больше чем обследовать непосредственно окружающую часть Вселенной, ту бесконечно малую область, какой человечество только и может достичь, перемещайся оно хоть со скоростью света. Учитывая продолжительность человеческой жизни – единственное абсолютное ограничение, оставшееся на данный момент, – очень маловероятно, что мы когда-либо доберемся намного дальше»²⁵.

Н.Б. Хорошо, отступим на территорию социальных наук. Вопрос у меня такой: почему современная философия не может дать ясной картины социальной реальности? Вот, например, только что вышла книга известного французского философа Бруно Латура, «Пересборка социального», так там социальный мир описывается даже не в образе ризомы (это хоть и трудно помыслить – какое-то корневище без центрального корня и ясной структуры – но все же возможно), а в образах неопределенности и темной (неизвестной) социальной материи. Как такое можно понять, о каких социальных законах после этого говорить?

В.Р. Но ведь, это не вся философия, а французская – Делез, Фуко и другие. Правда, согласен, в настоящее время очень популярное направление. Сюда же можно отнести и феноменологию, например, Мартин Хайдеггер на французов явно оказал влияние. Соглашусь и с тем, что в современной философии нет ясной однозначной картины социальной реальности, зато Монблан концепций и гипотез. Думаю, это не случайно, учитывая в какое время мы живем.

Н.Б. Вадим Маркович, все кивают на время, разве это что-нибудь объясняет? И чем, скажем, время конца античности так уж отличалось от нашего? Кроме того, как там у поэта: «времена не выбирают, в них живут и умирают».

В.Р. Не скажите, есть время и время. Мы, кстати, как и в первых веках, живем во время перехода от одной цивилизации к другой. При этом, что и составляет одну из проблем, подавляющая часть человечества по-прежнему живет в предыдущей цивилизации, ускоряя ее ход, а новая цивилизация еще даже и не проявилась в своей определенности.

Н.Б. У Вас получается, что мы не можем сказать, какое нас ожидает будущее.

В.Р. Вот-вот будущее! В прошлые века будущее в значительной степени было понято как продукт реализации проектов человека. Время не только вытянулось в стрелу времени (прошлое – настоящее – будущее), где будущее остирием прорывало вечность, но и во многом стало ощущаться как результат научно-технического творчества людей. Последний момент является исключительно важным. Успехи естествознания и инженерии (в том числе социальной – тоталитарные институты, идеология, СМИ, пиар) обусловили во второй половине XIX, первой XX столетия убеждение, что будущее понятно и достижимо. Человеку показалось, что оно уже почти поймало эту жар-птицу, что, оседлав будущее, человечество легко въедет в земной рай. Но жар-птица будущего легко вырвалась из рук, вильнула хвостом и куда-то унеслась.

Спрашивается, почему? Не потому ли, что, начиная со второй половины XX столетия, были осознаны границы естествознания и инженерии и лавинообразно стали нарастать негативные последствия научно-технического прогресса. Не потому ли, что проекты все больше расходились с их реализацией (замышлялось и проектировалось одно, а получалось другое, причем социальная и индивидуальная реальности так трансформировались, что человек уже не мог с этим примириться). Не потому ли, что мы, действительно, живем во время перехода, когда

²⁵

Арендт Х. Покорение космоса и статус человека // Между прошлым и будущим. М., 2014. С. 403.

по выражению нашего философа-медиевиста Светланы Неретиной «одна реальность уже ушла, а новая еще не опознана».

Современный человек научился так интерпретировать события и затем вменять полученные интерпретации себе и другим, что реальность стала неопределенной и мерцающей, то она выглядит так, то эдак. Очень вероятно, что и дальше мы будем наблюдать победное шествие техники и технологии и связанную с ними глобализацию мира. Но возможно, этот тренд сменится другим. Некоторые вслед за Гегелем думают, что разум и согласие на нашей планете возрастают. Другие, напротив, по Платону пророчат, что нас ожидает борьба всех против всех. Сторонники техногенной цивилизации считают, что человек сможет организовать под себя земную природу. Но «зеленые» и антиглобалисты думают иначе – природа накажет зазнавшегося человека ураганами, цунами, эпидемиями. Как верно заметил Григорий Померанц, хотя «новое время кончилось, и начался поворот неизвестно куда, в эпоху дрейфа, потери и обновления ориентиров», тем не менее, «все попытки увековечить современное состояние мира, нынешний стиль восприятия жизни необоснованны»; «история культуры – это история обуздания новых стихий»²⁶. Вопрос, удастся ли обуздить на этот раз?

Н.Б. А нельзя ли конкретнее? Что собственно говоря изменилось или изменяется?

В.Р. Почему же, можно. Чтобы было конкретно, рассмотрю две темы – современные споры о социальной справедливости и концепцию социальных заговоров. Анализ литературы позволяет выделить две противостоящие концепции социальной справедливости. Одну условно можно назвать марксистской, а другую – конформистской. Маркс, следуя за социалистами, утверждает в «Капитале», что в капиталистическом обществе царит социальная несправедливость, поскольку капиталисты крадут у рабочих значительную часть создаваемой ими прибавочной стоимости. Хотя ради справедливости стоит отметить, что начало этого дискурса положил Платон, говоривший в «Законах», что предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Если богатство развратило душу человека роскошью, то бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства. Социальная справедливость восторжествует тогда, утверждает Маркс, когда «экспроприаторов экспроприируют».

Когда жил Маркс! – но созданный им политический дискурс жив и процветает. Вот известный журналист, писатель и комментатор «Эха Москвы» Юлия Латынина, которую я, кстати, очень уважаю за политическую смелость, мышление и бескомпромиссность. В своих передачах на радиостанции «Эхо Москвы» она постоянно говорит о некомпетентности, корыстности и неэффективности нашей власти и управления. По ее мнению, для восстановления справедливости люди должны выйти на улицу, необходимы радикальное сокращение чиновников и полиции, пересмотр их полномочий, изменение налоговых моделей, перестройка образования, медицинского и пенсионного обеспечения и т.д.?

Н.Б. Я так поняла, это реализация первой концепции социальной справедливости?

В.Р. Да, теперь вторая концепция. В ряде своих публикаций та же Ю. Латынина обсуждает следующую ситуацию: в мире и в том числе в России миллионы людей не работают и живут за счет государства или благотворительных организаций. С точки зрения Ю. Латыниной, это следствие действия либеральной доктрины и кризиса современного государства. В России, показывает она, к этому добавляется страх властной элиты перед народом, распространение насилия как способа решения социальных проблем, крайняя неэффективность государства.

Еще журналистка старается показать, что многие чиновники международных гуманитарных организаций и правозащитники, хотя субъективно считают себя работающими на благо общества и человека, на самом деле служат противоположным целям. Скажем, может ли Палестинская автономия прожить без гуманитарной помощи? Нет. Но эта помощь, утверждает Латынина, позволяет миллионам арабов уже много лет жить и размножаться, не работая. Причем, в такой помощи заинтересованы не только палестинцы, но и сами международные гуманитарные организации, сотрудники которых неплохо зарабатывают. Понимают они это или нет, но

²⁶

Померанц Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М, 2001. Т. 3. С. 298.

объективно чиновники гуманитарных организаций, число которых постоянно растет, поступают эгоистически. Однако на пособия живут, не работая, не только многочисленные беженцы, осевшие на чужих территориях в результате войн. Известно, что пособия составляют значительную долю бюджета и безработных, которых, возможно, в мире даже больше беженцев. С точки зрения Латыниной, такой порядок вещей – явная социальная несправедливость. Но, с точки зрения сторонников конформистской концепции, наоборот, утверждение социальной справедливости. И действительно, разве помочь старикам и детям, безработным и беженцам плохое дело? Разве огромный разрыв между богатством одних и бедностью других нормален и не ведет к конфликтам? Разве либеральные принципы равенства и братства не совпадают с христианскими заповедями? И не потому ли в современном мире все страны фактически движутся к социализму, а справедливое распределение наряду с потреблением становится основным социальным механизмом и институтом?

Н.Б. И как вы разрешаете эту антиномию?

В.Р. Ее должен разрешать не я, а общество. А я в рассмотренной здесь ситуации выбора политологических интерпретаций социальной справедливости вынужден был переосмыслить само это понятие и выработать новое видение реальности. Как можно осмыслить сложившуюся ситуацию? Возможны две разные позиции. Первая, речь идет о вопиющей социальной несправедливости, для которой характерны эгоизм и беззаконие; альтернативная точка зрения – мы наблюдаем мировой тренд развития глобальной цивилизации, у которой есть определенные неприятные издержки. Вторая позиция – складывается новый тип социальности, в рамках которого основные участники социального процесса потеряли ориентиры и понимание того, что происходит, и что они делают. Думаю, что имеет место и то и другое.

Новый эгоизм, конечно, налицо, но он не вечен. История показывает, что эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается именно усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее время эгоизм преодолевается не способом построения либеральных институтов, что было характерно для XVII-XVIII вв., и не путем построения демократических институтов (XIX-XX вв.), а посредством переговоров, расчетов и компромиссов.

Н.Б. Получается, что-то похожее на новый «разумный эгоизм»?

В.Р. Лучше не скажешь. Может быть, наши властные элиты и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов в настоящее время разрешаются путем установления баланса и противодействия разных сил. Существенную роль здесь играют: эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты того, что вы назвали «разумным эгоизмом», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки отдельной личности. Наконец, изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее). В результате и устанавливается то, что я называю «ведущим типом социальности».

Для ведущего типа социальности характерны определенные формы осознания действительности, а именно либерально-демократические (право, гуманизм, равенство и т.д.), стремление с социальным миру (как утверждает Латынина, в настоящее время война экономически невыгодна), возможность государства перераспределять доходы (налоги, выплаты, льготы, преференции и пр.), заинтересованность многих социальных субъектов и организаций в подобном распределении (государственные институты, гуманитарные и правозащитные организации и т.п.), вменение общественности нужных ценностей и видения (СМИ, пиар, реклама).

Изменяются и взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций. Яркие примеры: благотворительность, некоммерческие общественные организации (НКО), волонтерское движение, фандрайзинг. Во всех этих случаях функции, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя отдельные личности или сообщества, действующие, исходя из

собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований.

Наконец, в настоящее время складываются новые общие условия жизни. Что они собой представляют? Это такие социальные структуры (законы, социальные институты, средства массовой коммуникации, социальные услуги и прочее), которые обеспечивают жизнедеятельность человека и общества *безотносительно к разнообразию и взаимообусловленности отдельных форм социальной жизни*. Например, в современном обществе власть и обычные граждане (опять же по идеи) могут существовать независимо друг от друга. Каждый выполняет свои роли, а связывают их лишь общие условия. А вот когда общие условия жизни не обеспечены или нарушены, как в случае российских реформ, то независимое сосуществование отдельных сообществ и форм социальной жизни становится невозможным.

Н.Б. Чувствуешь, вы пытаешься понять, какие условия и факторы определяют становление современной социальной реальности?

В.Р. Вы совершенно правы, еще я бы отметил такой важный момент, как вклад в социальность самих социальных концепций и более широко действий людей. Например, анализ истории построения в нашей стране социализма показывает, что, если концепции социальной несправедливости и определенные способы её преодоления овладевают массами, конечно, не без помощи пропаганды, то может сложиться такая организация социальности, которая рано или поздно разрушает социум и саму жизнь. При этом подобные концепции нельзя считать неестественными, неорганичными. Например, для своего времени и условий российской жизни идеи марксизма были вполне органичны для определенных слоев и популяций (социал-демократов, большевиков, рабочих, маргиналов разного рода).

Эти идеи и сегодня популярны у многих россиян. Борьба большевиков за власть, отсутствие моральных ограничений, повышенная пассионарность и ряд других причин привели к становлению особой организованности социальности – социалистической. Лишь после того, как были осознаны катастрофические последствия такой организации жизни – гибель десятков миллионов в лагерях и во время войны, бедность и скудность жизни остальных, атмосфера всеобщего страха, проигрыш соревнования с капитализмом, распад СССР – идеи социализма и коммунизма потеряли свою привлекательность и силу. И так каждый раз, пока не обнаружатся, не будут осознаны негативные или катастрофические последствия сложившейся социальности.

Подводя итог этой теме, можно сказать, что в настоящее время складывается новая организация социальности, но формы концептуализации старые. Они не позволяют не только осмысленно работать на становление новой социальности, но и анализировать возможные последствия происходящих изменений. К чему, например, может привести перераспределение от работающих к неработающим; чем чревата относительно благополучная жизнь на пособия; где границы социальных компромиссов; на все ли изменения, связанные с процессами глобализации, стоит идти; можно ли жить только на основе pragматических, рациональных соображений без высших идеалов и нравственности? На эти и многие другие вопросы и проблемы, к сожалению, сегодня нет ответов, и они почти не обсуждаются.

Вряд ли стоит зацикливаться на проблеме социальной несправедливости. Более важно понять, как устроена социальность, каковы характерные для неё тренды развития, можно ли прогнозировать последствия, проистекающие из становления и функционирования новой социальности. Это есть одно из условий правильной жизни и реалистического социального действия.

Н.Б. Хорошо, но Вы обещали рассмотреть еще один случай – концепцию социальных заговоров. Я, например, ни в какие мировые заговоры конкретных людей, или даже групп, не верю. Здесь что-то другое, какие-то механизмы действуют. Так?

В.Р. Перехожу. Как были устроены власть и управление в XX столетии? Есть идеологические сценарии (например, построения социализма и коммунизма, утверждение, что социалистическое государство самое правильное и справедливое, что революция поставила у власти КПСС и вождей, которые не ошибаются и ведут страну к заданной цели и прочее); построены механизмы реализации этих сценариев или внешнего следования им; в рамках данных

сценариев и механизмов действуют властные субъекты (начиная от генерального секретаря партии и директора завода, кончая секретарем партийной ячейки и начальником участка в цехе завода).

Внешне (например, в форме положений об организационной структуре) и сегодня действуют разные субъекты власти и управления. Но, как правило, больше на бумаге, чем в реальности. Мы видим, что наш президент объявляет себя субъектом все новых и новых «управляющих контуров» (один из последних – «председатель Совета по науке и образованию», призванного руководить реформой РАН), однако, реально и власть и управление распределены по разным российским ведомствам и институтам. В последних они и функционируют по своим законам. Более того, судя по характеру многих решений, начиная от «реформы» нашей промышленности, кончая вступлением во ВТО, «объемлющим контуром управления» выступают даже не российские структуры и организации, а транснациональные (финансовый мировой бизнес и корпорации). Но кто, спрашивается, принимает данные решения, кто их субъект на самом высоком последнем уровне? Можно ли опознать «паука», который держит нас в своей паутине?

Может быть, Обама, или Джордж Сорос? Нет, скорее бессубъектная структура, «социальная ризома», живущая, не только на людях и формальных субъектах управления, но также на различных международных и национальных институтах и связях. Эта структура и организм (бог знает, как его можно назвать, назовем условно «Финансово-корпоративным солярисом») заинтересованы в исчезновении национальных границ, формировании мирового хозяйства и экономики, свободном передвижении капиталов и других ресурсов, правильном и мирном, с его точки зрения, поведении людей. А поскольку в современном мире миллионы и миллионы людей не в состоянии себя прокормить или жить достойно (беженцы, безработные, старики, дети, просто не работающие и т.д.), и в будущем численность этой категории в связи с развитием технологий и робототехники, вероятно, достигнет двух-трех миллиардов, постольку Финансово-корпоративный солярис готов делиться, отстегивая от своих прибылей значительную долю.

Возможно, заинтересован этот монстр и в том, чтобы мы с вами не понимали, что происходит на самом деле (такими олухами легче управлять), и в том, чтобы верили в мировые заговоры (так легче отводить от себя догадки), и в том, чтобы мы сидели в Интернете день и ночь. Когда мы бежим все быстрее и быстрее, изо всех сил стараемся быть креативными, посылаем вместо себя пустые дубли-отклики, то естественно вписываемся в мировой процесс становления Финансово-корпоративного соляриса, поддерживаем его. Но, конечно, не на стороне хозяев этого процесса, а того антропологического субстрата и массы, которые унавоживают подобное становление. Финансово-корпоративный солярис растет на международной торговле и разделении труда, на экспансии западных технологий и производств, на распределении и потреблении созданной продукции, но не меньше на нашем участии во всем этом. Последнее же предполагает, что включенные в эти процессы индивиды должны действовать как бы автоматически, не размышляя над смыслом, целями и направлением движения, в которое они включены. Поскольку, однако, у людей остается много свободного времени и они склонны все же иногда думать, постольку важно отвлечь их от этого опасного времяпрепровождения. Вот здесь оказываются незаменимыми и Интернет с его развлечениями, и скорость, не позволяющая остановиться и задуматься, и креативность, как эрзац настоящего творчества и мышления.

Н.Б. Я сейчас помогу, сыграю за вашего оппонента, который переведет все ваши разговоры на почву заговора. Что он может заявить? «Какая-то социальная ризома, монстр, а ведь принимают решения конкретные люди, руководящие конкретными организациями и институтами. Например, когда в России началась перестройка, то самые разные западные структуры (военные, дипломаты, главы правительства, финансовые институты, крупные корпорации, общественные организации, даже отдельные предприниматели) действовали вполне согласованно, иначе бы им не удалось в столь короткий срок «поставить нас на колени», превратив в сырьевой и потребительский анклав Запада. Конечно, был заговор и централизованное социальное действие, что бы вы там не говорили по поводу моих вмененностей и страхов. Кто замышлял и руководил этим заговором? Думаю, настоящие хозяева мира – владельцы транснациональных корпораций, финансовые гении, зависящие от них государственные деятели. Где они собирались и как планировали свою работу? Так они вам скажут и покажут! Естественно, все делалось тайно, а в

СМИ нам вешали на уши лапшу, для прикрытия». Правильно изобразила расхожее мнение? Что вы на это могли бы возразить?

B.P. Попробую. Можно предположить, что и в случае российской перестройки и реформ работал следующий механизм. Ключевые западные субъекты (и европейские, и американские, которые уже давно задают тон в мировой хозяйственной и экономической жизни) сумели достаточно быстро договориться по поводу России. Этот «сговор» направлялся не заговором неких таинственных сил, а метанarrативами западной культуры, включающими, с одной стороны, либерально-демократические ценности и императивы, с другой – вмененности, сложившиеся в долгом противостоянии двух лагерей (социалистического и капиталистического). Например, для Запада было очевидно, что Россия представляет собой угрозу западной свободе и существованию. Что для ликвидации этой угрозы необходимо демонтировать советское государство, партию, силовые структуры и промышленность. Что в этом случае откроются огромные возможности для западной экономики (новые источники сырья и рынки сбыта). Что победа в этой борьбе будет означать торжество западной культуры и идеологии. Подобные представления вовсе не нужно было внедрять силой, они были непосредственными убеждениями западного человека. Исходя из них, и договаривались многочисленные субъекты Америки и Европы, осуществляя экспансию в отношении России.

Интересно, что и в России, несмотря на вертикаль власти и традицию иерархического жесткого управления, там, где действуют разные субъекты, имеет место сговор на основе метанарративов. Другое дело, что он часто инициируется сверху властью, но, как правило, изменения разворачиваются и идут совсем не туда, куда власть задумала. За примерами не надо ходить далеко: последняя реформа образования и науки. Власть задумала её, с одной стороны, для получения дополнительных ресурсов (здания, деньги, высвободившиеся места), с другой стороны, в надежде повысить эффективность обоих областей. Но российские чиновники воспользовались этой инициацией для решения своих собственных проблем. На удивление они действуют очень согласованно, как будто имел место не сговор, а настоящий заговор с целью уничтожить российское образование и науку. Требуется провести специальное исследование, чтобы понять на основе каких метанарративов они договариваются между собой и с властями. Но, судя по стилю действий (нарушение законов, игнорирование рисков и последствий от принятых решений), эти метанарративы недалеко ушли от идеологем и представлений большевиков. Безусловно, это не большевики-марксисты, а большевики новой формации, не верящие ни в бога, ни в черта, зато почитающие власть и деньги. Но тех и других роднит неприязнь к культуре и образованным людям, уверенность, что «человек человеку волк» и «война всех против всех» естественное состояние общества, желание любой ценой установить свой социальный порядок, культ силы, свобода от моральных и нравственных угрозений совести, которую они вообще-то и не признают.

Другой пример – всеобщая коррупция, переходящая в инновации и инвестиции. Кажется, что общего между коррупцией, буквально разъедающей государство, и инновациями и тем более инвестициями, направляемыми на развитие новых технологий? Чтобы понять данный тезис, присмотримся к нашей науке, инженерии и производству. Они крайне неэффективны: технологические цепочки разорваны, нет ряда ключевых специалистов и заинтересованности в труде, все больше реальное творчество и даже местами производство замещается имитацией. И самое страшное, что денежные вливания уже ничего не меняют: или деньги успешно распиливаются или просто проедаются. Власть понимает, что, если прекратить денежные вливания, то все просто остановится, а затем лавиной пойдут катастрофы, начиная от технических, кончая социальными бунтами, которые, как известно, на Руси страшные. Под какой же маркой продолжать денежные вливания в науку, инженерию и производство, нельзя же публично признаться, что из страха перед катастрофами? Выход найден: все развиваем, создаем новое, наше знамя – инновации и инвестиции. А, по сути, замаскированная странная коррупция в форме государственной политики. Коррупция, поскольку ученым, инженерам и рабочим дается взятка с той целью, чтобы они продолжали делать то, что они делают, а не начинали думать, протестовали или выходили на улицу.

H.G. Когда рисуется такая картина, у отдельного гражданина невольно опускаются руки. Он может спросить, а что я реально могу сделать, если таков социальный тренд?

В.Р. Я не сторонник китайской стратегии «не-действия», я за активное социальное действие. Но реалистическое, учитывающее особенности и тренды нашей современности (социальности). Не имеет смысла идти против социального потока, снесет как цунами. Но ведь можно идти «против ветра», поставив правильно косые паруса. Что это означает конкретно? Не стоит, например, бороться против социальной несправедливости, которую все трактуют по-разному. Надо понять, как устроена социальность, особенности ведущего типа социальности и дальше действовать на их основе. Если, например, в ближайшей перспективе будет возрастать число неработающих или частично работающих людей, то для них должны быть созданы общие условия жизни, в том числе образовательные услуги. Если государство по-прежнему не снимает с себя миссии обеспечивать стандартную грамотность населения, а также готовить специалистов для основных систем жизнеобеспечения (хотя бы в целях безопасности и профессиональной эффективности), то оно не может собственными руками разрушать институт образования. Если компромисс и договоренность становятся чуть ли основными критериями социального согласия и мира, то в образовании и других гуманитарных областях (например, в СМИ, искусстве), нужно искать и вырабатывать новое понимание нравственности и новые ценности.

Невозможно переделать друг друга, например, перевоспитать нашу властную элиту (точно так же вряд ли она сможет замкнуть наши идеалы и ценности только на потребление и заботу о себе). Но вполне можно и необходимо работать на общие условия жизни, на становление более консолидированного и энергичного российского общества. За приемлемые общие условия нужно бороться, и здесь социальное противостояние и самоопределение вполне оправданы.

Да, мы не можем существенно повлиять на социальность и её тренды, но можем готовить условия для подобных изменений в будущем. Например, в советские времена не все слепо шли за партией. Многие работали на будущее, демонстрируя, в том числе своей жизнью, возможность других социальных и человеческих отношений. Пусть мы не получили, на что рассчитывали, но явно повлияли на основной тренд социальности, характерный для конца прошлого века.

Н.Б. Не слишком ли много вы требуете от человека, живущего в России? И вообще, что ему делать-то сегодня, когда все общество столкнулось с кризисом, аналогов которому мы в истории не находим? Где искать опору? Российское общество расколото и пассивно, зато сильны всякие манипуляторы сознанием людей. Не сложились нормальный рынок, право, парламент и другие либерально-демократические институты, гражданское общество – в зачаточном состоянии. Чиновники и власть всех уровней изобретают схемы, позволяющие извлекать доход (так называемая «административная рента») из своих рабочих мест, должностей и статусов. В обществе эффективны насилие и цинизм. Не продолжаю, все это широко обсуждается в Интернете и в СМИ, в том числе, и на официальных каналах телевидения. Спрашивается, о каком прямом социальном действии можно говорить в такой ситуации? Да и возможно ли оно?

В.Р. Думаю, возможно. Меня нельзя понимать так, что я призываю подчинить свою жизнь только социальным целям. Личность и социум в определенном отношении соизмеримы. Поэтому гармоничная жизнь, на мой взгляд, предполагает баланс нормальной индивидуальной жизни с нашим социальным бытием. При нарушении общих условий жизни и том развитии социальности, которое сегодня имеет место, этот баланс нарушается, и личности приходится выстраивать более сложное поведение.

На мой взгляд, всякое социальное действие конкретно, контекстуально и ситуативно. Поясню на примере своего самоопределения.

Первый момент. Я стараюсь действовать на своем месте, а не решать глобальные общероссийские или мировые проблемы. Мое место – место философа, методолога, культуролога и педагога. Я размышляю, решаю проблемы, пишу статьи и книги, преподаю, обсуждаю современную жизнь со своими друзьями и студентами. Я надеюсь, что моя деятельность и работа делает лучше и эффективнее и меня самого и тех, с кем я общаюсь.

Второй. Думаю, что в настоящее время в России невозможно построить либерально-демократические институты и общество, и потому, что для этого не созрели условия, но также и потому, что, возможно, в России сложатся какие-то другие социальные институты и организмы, отличные от западных (в ходе их проектирования нужно осмыслить и западный и отечественный опыт). Поэтому свою задачу я понимаю, как осмысление и анализ условий, которые необходимо

создавать, чтобы Россия продвигалась к лучшей жизни. При этом как философ я обсуждаю и сами критерии и понятия «лучшей жизни», «условий», «ответов на вызовы времени» и пр.

Третий момент. Моя миссия как философа и методолога состоит также в анализе сознания и мифов россиян, в критике этих мифов, в разработке схем, позволяющих указать и ввести новую реальность. Кстати, этим же занимается и многие мои коллеги по философскому цеху. И Вы, кажется, тоже в их числе.

Четвертый. В ситуации снижения культуры, нравственного одичания и агрессии, направленной против «слишком умных и культурных», я стараюсь поддержать всех «своих».

Пятый. Всерьез считаю работу в отношении самого себя (объективный анализ своего поведения, осмысление своих предпочтений и ценностей, противостояние тому в себе, с чем я не могу согласиться, продумывание смысла своей жизни и пути спасения) тем, что работает и на другие мои действия, делает их более эффективными.

Мартин Хайдеггер в статье «Вопрос о технике» писал, что «где опасность, там вырастает и спасительное», что «существо техники таит в себе – чего мы всего меньше ожидали – возможные ростки спасительного», что для спасения нужно «усилием разглядеть существо техники, вместо того, чтобы просто оцепенело глязеть на техническое»²⁷. Думаем, что этот совет годится и в нашем случае. Не стоит оцепенело глязеть на состояние российской жизни или рвать на себе волосы. Нужно стараться понять сущность происходящего. И, поняв, правильно действовать. А там, что Бог даст. В истории нет гарантий и царских дорог, но есть поиск нового и труда. Последние же, как говорили классики, создали человека.

Н.Б. Спасибо большое, Вадим Маркович, за откровенный и конструктивный разговор. Мне кажется, Вы недооцениваете свой аналитический, экспертный статус. И еще – моя признательность за то, что Вы завершаете разговор на позитивной ноте. В этом я с Вами совершенно солидарна.

Беседовала профессор Н.Г. Багдасарян

On the Universe, the Social Rhizome and the Principle of Justice. A Conversation with Professor V. Rozin.

The general crisis of Philosophy and the new challenges encountered by the Philosophy of Technology; the Internet as a social-technological body, and the specificity of the modern eschatological experience against the background of the forecasts of the megaworld evolution proposed by the natural science; transformation of the social reality in the epoch of transition from one civilization to another – exemplified by the current disputes about the social justice and the social conspiracy theories. These and other issues were discussed in the **conversation** of the well-known philosopher, methodologist, cultural studies scholar Vadim Rozin and the Editor-in-Chief of our journal Nadezhda Bagdasarian.

²⁷

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Мартин Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.

Страницы истории

УДК 82.091

Т.Й. Георгиева

Слово о первомученике Стефане в Торжественнике XII века (F.N.I.46 РНБ,
Санкт-Петербург)

Аннотация:

В статье представлен анализ стилевых и языковых особенностей «Слова о первомученике Стефане» в Торжественнике XII века. Автором выделяются и описываются характерные черты южнославянской и восточнославянской традиций, в рамках которых и рассматривается Слово.

Ключевые слова: Слово о первомученике Стефане, Торжественник XII века, рукописные традиции, языковые особенности.

Об авторе: Георгиева Тодорка Йордановна, кандидат филологических наук, Русенски университет им. Ангела Кынчева, Филиал-Силистра, Болгария, доцент кафедры филологических наук; эл. почта: knidor@abv.bg

Которые уста могут достойно восхвалить подвиг Стефана?

На земле подвизался он, а взор направлял в небеса,
со смертными беседовал, а приобщился к бессмертным,
с человеками боролся, а ликует с ангелами...

Св. Иоанн Златоуст

Велико число мучеников, которые заплатили за свою веру кровью, но первый среди них – архидиакон Стефан претерпел страдания ради Христа и показал, как побеждается смерть. О его делах, и подвиге этого «исполненного верой и Духом Святым» человека мы узнаем, главным образом, из книги Нового Завета Деяния Святых Апостолов евангелиста Луки (ДА 6:7).

Долгие годы почти стерли память о св. Стефане из церковной истории²⁸, но жили устные предания о его жизни и мученической гибели. Об этом можно судить по неканоническим сведениям, отраженным в «Слове о первомученике Стефане», помещенном в *Торжественнике XII века*²⁹ (л. 80а-83в) [2, с. 172-194].

Включенное в состав сборников различного типа южнославянской (балканской) и восточнославянской рукописной традиции и получившее широкое распространение Слово всегда переписывалось как анонимное.

В древнейшем известном списке – *Торжественнике XII в.* – его жанр не обозначен, но позднее оно помечалось как «мученичество», «житие и мученичество» или как «страдания».

²⁸ В период II-III века имя на св. Стефан почти не упоминается церковными писателями и историками. Евсевий Кесарийский в своей Церковной истории (III, 29:1) говорит о св. Стефане в связи с ересью николаитов. Позднее Евсевий упоминает св. Стефана еще один раз в своей Церковной истории (V,2:5). Св. Ириней Лионский (+ 202 г.) в «Adversus Hoereses» (Против еретиков) также упоминает несколько раз св. Стефана. Тертулиан делает то же в своем трактате «О терпении» (14:1). Каравълчев В., Ст. Каравълчев. Св. Стефан – първият мъченик на Църквата – В: http://www.pravoslavieto.com/life/12.27_sv_arhidjakon_Stefan.htm

²⁹ Торжественник XII в. Представляет вторую, календарную часть ркп. F.n.I.46 РНБ Санкт-Петербурга. Подробнее о ней см. Георгиева, Т. За състава на ркп. F.n.I.46 от Руската национална библиотека в Санкт Петербург. – В: Преславска книжовна школа. Т. 13. Шумен, 2013, с. 172-194. Тексты см. в: Георгиева, Т. Тържественник от XII в. Шумен, 2013 (под печат).

«Слово о первомученике Стефане» — это изобличение неверия и восхваление твердой и непоколебимой веры в Христа. Его композиция включает *введение, повествование и заключение*.

Введение служит для определения праздника, которому посвящено слово: пам ти добры предълежаща възлюблении. понудихъ съ написати Хъвъ църкви. стаго първомучнка Стефана (л. 80а).

Повествование — трехчастно, поэтому поделим его на первый, второй и третий раздел. Оно предназначено, чтобы укрепить веру новокрещенных, повествует о тернистом пути, который проходят диаконы, заботясь о нуждающихся и проповедуя с усердием Слово Божие.

Первый раздел начинается с описания исторических вех, обрамляющих описываемые события: бысТ ибо въ оно времъ. по Гди нашемъ Iса Хртъ. плътъномъ пришъствию. и по стртъхъ кръстъныхъ. и по съмърти. и по въскръсении же. и по въшъствии къ отцю..., когда в Иерусалим собрались ученики и мудрые мужи от иудеев, саддукеев, фарисеев и эллинов, пришли и от сефиопия и Фиваиды. и от Александрия. и сът Ирслма. и от Асия же. и Мауритания. и Вавилона, среди коих бысТ възискани велик зэло спор о рождении, жизни, смерти и воскресении Иисуса Назарянина. Спор, усиленный различными мнениями участвующих в нем, длился часами и перерос в волнения. Тогда перед собравшимися встал архиdiакон Стефан — муж книжный, мудрый и честный, потомок Авраама от колена Вениамина. Исполненный Силой Святого Духа, он обратился к присутствующим со словами: «блажен тот человек, кто не раздваивается в понимании Иисуса Христа, как Сына Живого и Невидимого Бога Отца, сошедшего с небес, чтобы искупить наши грехи!» Воздействие этих слов на толпу потрясло старейшин жреческих и они поставили Стефана перед судом Пилата. Но Римский управляющий отказался принимать участие в религиозном споре, как двумя годами ранее отказался осудить Иисуса. Сейчас он пошел еще дальше, призвав собравшихся к отрезвлению. Сильно разгневанные, еврейские вожди повелѣша жъзльмъ бити Стефана. даже и кръвъ эму полееть землю, и в своей ненависти отправили послание Саулу (Савлу) из Тарса, чтобы он пришел в Иерусалим и расправился с Христовым исповедником.

Второй раздел начинается с л. 81б, и рассказывает о словесном поединке между Савлом — облеченным властью религиозным фанатиком, гонителем церкви и мучителем верующих, и Стефаном — смиренным Христовым последователем и ревностным наставником новокрещенных евреев. Представ перед неправедным судом, Стефан, научаемый и укрепляемый духом, доступно излагает и толкует древние пророчества о Сыне Божиим. Бессильный перед непреклонной решимостью архиdiакона претерпеть любые испытания, но не отступить от своей веры, Савл в приступе безмерного гнева расправился с ним. Напрасны попытки видного учителя и книжника Гамалиила остановить исступление Савла. Тот произносит приговор Стефану из-за того, что: распътаго богъмъ проповѣдаши. нъ аще и въсь съборъ осошиль еси своего закона (л. 81б), Савл ищет и получает одобрение собрания, после чего приступает к исполнению своего решения. И в свой предсмертный час первомученик сохраняет твердость и неколебимую решимость устоять во всех мучениях. Напоследок он обращается к своему противнику, предсказывая ему судьбу — превратиться из гонителя в апостола Христовой церкви.

Стефан погибает не один. Его смерть разделили с ним еще три Христовых последователя — Гамалиил, Авив и Никодим. Их страдания и гибель не напрасны, потому что: тъгда зэло велико мъножъство вэрова Гви. Умъножи съ числьмъ Хъвъ църкве (л. 82а).

Третий раздел описывает последующие события.

После того, как верующие три дня и три ночи оплакивали мучеников, Пилат приказал положить их пречистые тела в серебряные ковчеги, а тот, в котором положили архиdiакона Стефана оковать золотом, написать на них имена мучеников и похоронить их в тайном месте. Но св. Стефан умолил Господа Бога упокоить их тела в его родном селении Аромасии, до того времени, пока они не будут обнаружены. Небесные ангелы исполнили его просьбу и переместили ковчеги. Когда на следующий день Пилат понял, что не может поклониться святым мощам, сам архиdiакон известил его, что они скрыты по его желанию. Но заповедовал управляющему: сътвори мълтъвъни храмъ въ имена наша. написавъ еже по всему роду творити. въ пам ти наша м-ца април якоже почихомъ по седми (л. 83б).

Заключение произведения кратко. В нем снова напоминается, что искренняя вера и соблюдение Божиих заповедей спасительны для каждого христианина, потому и Стефан,

претерпев до конца мучения, дарь приимъ за члвчъское спсение (л. 83в). Финальная вероучительная формула, которой завершается *Слово о первомученике Стефане*, гласит: О Христе Иисе Гсди нашемъ ему же есть лэпо слава и честь и държава ныне. Славословие в ней направлено Сыну Божиу, которому ныне и присно подобает слава и честь и власть и во Имя Которого первомученик Стефан и его товарищи претерпели Христовы страдания.

Как видно, события в Слове переданы главным образом на основе новозаветного рассказа из Деяний святых Апостолов, но имеется и ряд эпизодов, которые основаны на сведениях, не включенных в канон, например словесный поединок Стефана и Савла, осуждение Стефана Савлом, гибель Гамалиила, Никодима и Авива вместе со Стефаном. Особенno интересен способ передачи событий – они передаются как бы в форме документальных свидетельств, фиксирующих события проведения собора против архиdiакона Стефана и его соратников. Последний эпизод *третьего раздела* помещен, чтобы объяснить, почему упомянутый в них мученический подвиг померк в церковной памяти – это случилось, потому, что таково было желание самого Стефана, т.к. по его мнению, время их прославления придет, егда съ съберуть въси мучнци (л. 83б).

Анализ стилевых и языковых особенностей *Слова о первомученике Стефане* показывает, что в нем встречается ряд древних оборотов и слов. Архаично и имя собственное Энмануиль, которое согласно пророчеству Исаии будет дано Христу (Исаия 7:14)³⁰: се дъвца въ утробу въмэстить и родить сънъ. и нарекутъ имя ему Энмануиль. еже есть съ нами Бгъ (л. 82б). Еще в двух Словах *Торжественника* (XII в.): *Слово на Благовещение*, срв: рече же англь и се зачнеши и родиши сънъ и наречеши имя ему энмануиль (л. 100в) и *Слово на Вербное воскресене* Клиmenta Охридского, срв.: рече Исаия о немъ дъва въ чревѣ прииметь и родита съна. и нарекутъ имя ему энмануиль (л. 104в) находим эту форму имени. Такой же древний образ встречается только в Мт. 1:23 в *Ассеманиевом Евангелии*. Позднее в других списках богослужебных книг встречаем Емъмануиль [3, с. 209].

Наряду с архаизмами в *Слове о первомученике Стефане* обнаруживается и целая подборка более новых языковых признаков.

Библиографический список:

1. Георгиева, Т. За състава на ркп. F.n.I.46 от Руската национална библиотека в Санкт Петербург. – В: Преславска книжовна школа. Т. 13. Шумен, 2013.
2. Георгиева, Т. *Тържественик* от XII в. Шумен, 2013 (под печат).
3. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). Москва, 1994.

Georgieva, T. J. The Lay of St. Stephen the Protomartyr in the XII Century Torzhestvennik (F. N I. 46 RNL, Saint Petersburg).

The paper analyses special stylistic and linguistic aspects of “The Lay of St. Stefan the Protomartyr” in the XII Century Torzhestvennik. The author points out and describes specific South Slavic and East Slavic traditions taken into account in the analysis of the Lay.

Key words: the Lay of St. Stephen the Protomartyr, XII Century Torzhestvennik, scribal traditions, linguistic peculiarities.

³⁰ Исаия говорит: «Се дева во чреве примет и родит сына и нарекут имя ему Эммануил» (Исаия 7:14).

Книжная полка: Рецензии и библиографические обзоры

Ю.В. Ивлев

Наука и техника sub specie philosophiae: новый учебник – новый подход

Об авторе: Ивлев Юрий Васильевич, доктор философских наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры логики философского факультета.

(Рецензия на учебник «История, философия и методология науки и техники» для магистрантов естественнонаучных и инженерно-технических направлений. – М.: «Юрайт», 2014. – 383 с.

Авторский коллектив: д. филос. н., профессор Н. Г. Багдасарьян, руководитель авторского коллектива; д. филос. н., профессор В. Г. Горохов; д. филос. н., профессор А. П. Назаретян.)

Непосредственным поводом для написания рецензии послужила приятная новость: по итогам 2014 года учебник стал лауреатом конкурса «**Выбор вузов России**», учрежденного издательством «Юрайт» в 2010 году.

В список входят учебники, которые были выбраны наибольшим количеством вузов страны. Система отбора в конкурсе по-настоящему объективна, ведь у него нет специального жюри — выбор делают сами преподаватели, самостоятельно решая, по каким учебникам преподавать студентам, взгляды какой научной школы положить в основу образовательного процесса своего вуза. Теперь на обложке и титуле учебника будет нанесен логотип «**ВВР**»

— специальный знак отличия, гарантирующий, что это издание и представленная им научная школа повышают уровень и качество образования в нашей стране, что по этому учебнику учатся во многих российских вузах.

Эта новость приятна мне вдвойне — мое имя есть среди рецензентов, рекомендовавших учебник к изданию. Впрочем, ничего удивительного нет в том, что книга стала столь востребованной академическим и научным сообществом. Учебник написан авторитетным коллективом авторов, и, несмотря на достаточно широкую палитру аналогичных книг, он имеет свои особенности и занимает свою нишу в пространстве учебной литературы. Это, на наш взгляд, и актуальная, и оригинальная работа, что обнаруживается уже при знакомстве с предисловием, в котором четко определены цели и задачи учебника, обоснована его структура, обозначены компетенции: знания, умения, навыки учащихся. Актуальность работы задается современным прочтением проблем теоретического обоснования методологии науки, введением в поле рассмотрения науки ее современных аспектов, в частности, понятий дисциплинарной организации науки и междисциплинарных исследований, предметно и проблемно ориентированных научных дисциплин, а также трендов в формировании новой парадигмы научно-технического развития.

Логика работы ведет читателя от общих представлений о проблемном поле методологии науки через анализ основных концепций и моделей философии и методологии науки. Далее внимание фокусируется на философии техники и современном состоянии науки. Завершающий раздел дает системное представление об изменении типов миропонимания на протяжении всей истории человечества.

Введение в ткань учебника нового, в том числе и в мировой науке, подхода к рассмотрению логики смены типов миропонимания (через призму BigHistory): от первобытного синcretизма к стратегии эволюционизма — позволяет более глубоко понимать процессы дифференциации и интеграции, происходящие в современной науке. При этом выясняется, что

смена миропонимания во многом сопряжена с представлениями о причинности и целенаправленности, о субъекте и объекте, хотя сами эти категории обозначились лишь на достаточно поздних этапах культурного развития.

Структура книги имеет логичный, но при этом нестандартный характер. Так, основные концепции философии науки (раздел 2) представлены через призму их становления: статическая модель структуры науки – модели функционирования науки – модели генезиса (формирования) науки – модели развития науки – попытка объединения статической и динамической моделей науки в структуралистской концепции науки. Такая структура дает понимание не только общей картины динамики науки, но и логики ее становления и развития.

Весьма актуально выглядит и глава, посвященная особенностям современного этапа развития науки (раздел 4), где представлены разнообразные аспекты ее бытия. Здесь даны понятия дисциплинарной организации науки и междисциплинарных исследований, предметно и проблемно ориентированных научных дисциплин, трендов в формировании новой парадигмы научно-технического развития. Показаны роль и влияние общественного мнения на развитие и финансирование науки и техники. Для магистрантов инженерных направлений обучения особый интерес может представлять материал, посвященный научным исследованиям как генератору новых научноемких технологий: проектно и проблемно ориентированных исследований как основе принятия решений.

Особенностью данного учебника является его выраженная адресность – направленность на магистрантов и аспирантов естественнонаучных и инженерных специальностей. Эта адресность проявляется и в самой структуре книги, и в отборе тем и материала, иллюстрирующего основные положения дисциплины, и в логике его выстраивания. И, разумеется, в методическом комплексе. Собственно, и в актуальности книги, и в ее адресности проявляется новизна подхода авторского коллектива по сравнению с другими учебниками по данной дисциплине, имеющимися сегодня на книжном рынке. Такая адресность не снимает, однако, возможности использовать материал учебника и для работы с магистрантами и аспирантами и гуманитарного профиля – широта и универсальность постановки проблем авторами книги наверняка привлекут их внимание.

Особого внимания заслуживает весь методический комплекс – и в главах учебника, и в специально вынесенном шестом разделе с заданиями для самостоятельной проработки проблем дисциплины, тематикой эссе и творческих работ. Это позволяет высоко оценить учебно-методический комплекс как навигатор для самостоятельной работы изучающих дисциплину магистрантов и аспирантов. Разделы предваряются перечнем компетенций, которые обретают учащиеся в процессе обучения. Поскольку в учебнике содержится практически полная методическая проработка тем курса, книга будет очень полезна преподавателям.

Обратим внимание на язык учебника – с одной стороны строгий, точный, особенно в части понятийно-категориального аппарата, а с другой стороны – вполне простой и понятный молодежи. Высокий научный и методический уровень изложения довольно сложного теоретического и исторического материала, его основательный объем позволяют адресовать книгу не только магистрантам, она полноценно может использоваться и в работе с аспирантами. А также будет интересна всем, кого волнуют проблемы становления, развития и будущего науки и техники.

Ivlev Yu. V. Science and Technology sub specie philosophiae: a new textbook – a new approach

Review of the course textbook “History, Philosophy, and Methodology of Science and Technology” for post-graduate students of Science and Engineering. – Moscow: Urait, 2014. -383 p. The writing team: Prof. N. G. Bagdasarian (Team Leader), Prof. V. G. Gorohov, Prof. A. P. Nazaretian.